

Совершенствование методики ценообразования в жилищном хозяйстве в зависимости от влияния внешних и внутренних факторов на стоимость услуг по ремонту МКД

Аверьяскина Анастасия Сергеевна,

аспирант Байкальского государственного университета,

Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, корп. 3,

преподаватель Новосибирского государственного университета

экономики и управления – «НИИХ»,

Россия, 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 5б

ORCID: 0000-0001-6189-6419

a.s.averyaskina@edu.nsuem.ru

Аннотация

В современной практике основой для формирования цен на жилищные услуги является их стоимость, устанавливаемая муниципальными органами, которая учитывает лишь минимальный комплекс работ и услуг. Такая методика не отражает в полной мере влияние как внутренних факторов, таких как возраст зданий и степень износа конструктивных элементов, так и внешних факторов, например природно-климатических условий региона. Основное внимание уделяется количеству конструктивных элементов, что приводит к упрощенному и зачастую заниженному расчету стоимости услуг. Такая методика снижает конкурентоспособность управляющих компаний (УК), которые стремятся учитывать все значимые факторы и устанавливают более обоснованные и высокие цены. В то же время УК, которые стремятся повысить свою конкурентоспособность на рынке за счет занижения стоимости услуг, получают дисбаланс между доходами и расходами, ухудшая свою финансовую устойчивость. Кроме того, законодательные ограничения и сложности с проведением собраний собственников затрудняют корректировку цен. В связи с этим возникает необходимость совершенствования методики ценообразования с учетом комплексного влияния внутренних и внешних факторов. Целью настоящего исследования является совершенствование методики формирования ценообразования в жилищном хозяйстве через разработку двухэтапного подхода, включающего теоретический анализ факторов и их математическое моделирование, а также экспертную оценку для повышения объективности и практической применимости результатов. В рамках исследования реализован второй этап методики: разработана анкета и проведен опрос экспертов в целях выявления согласованности теоретические положений. На основе полу-

ченных данных предложена методика расчета стоимости текущего ремонта многоквартирных домов (МКД) с учетом влияния внутренних (возраст здания) и внешних (геологические, гидрологические и климатические условия) факторов.

Реализация усовершенствованной методики позволяет УК выявлять расхождения между стоимостью и периодичностью ремонтных работ, определенных на основе технической документации, и данными, полученными в результате реальных инженерных обследований. Результаты исследования способствуют повышению точности финансового планирования УК и обеспечивают основу для устойчивого развития жилищного хозяйства в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: анкета, эксперты, конкордации Кендалла, возраст многоквартирного дома, природно-климатические факторы, удорожание текущего ремонта.

Improving the Pricing Methodology in the Housing Sector Based on the Influence of External and Internal Factors on the Cost of Repair Services for Apartment Buildings

Anastasia Averyaskina,

Postgraduate Student of the Baikal State University,

11, bldg.3 Lenina Str., Irkutsk, 664003, Russian Federation,

Lecturer at the Novosibirsk State University of Economics and Management,

56 Kamenskaya Str., Novosibirsk, 630099, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-6189-6419

a.s.averyaskina@edu.nsuem.ru

Abstract

In modern practice, the basis for setting prices for housing and communal services is the cost set by the municipal authorities, which takes into account only a minimum set of works and services. However, this method does not fully reflect the impact of internal factors, such as the age of buildings and the degree of wear and tear of structural elements, as well as external factors, such as the natural and climatic conditions of the region. The focus is on the number of structural elements, which leads to a simplified and often underestimated calculation of the cost of services. This methodology reduces the competitiveness of management companies (MCs), which take into account all relevant factors and set more reasonable and higher prices. At the same time, MCs that seek to increase their competitiveness in the market by underestimating the cost of services face an imbalance between their revenues and expenses, which negatively affects their financial stability. Additionally, legal restrictions and difficulties in holding meetings of property owners complicate the process of adjusting prices. Therefore, there is a need to improve the pricing methodology by considering the complex impact of internal and external factors. The purpose of this study is to im-

prove the pricing methodology in the housing sector by developing a two-stage approach that includes a theoretical analysis of factors and their mathematical modeling, as well as an expert assessment to enhance the objectivity and practical applicability of the results. The study implemented the second stage of the methodology, which involved the development of a questionnaire and an expert survey to assess the consistency of the theoretical concepts. Based on the obtained data, formulas were proposed for calculating the cost of current repairs in multi-apartment buildings, taking into account the influence of internal (building age) and external factors (geological, hydrological, and climatic conditions)

The implementation of the improved methodology allows the management company to identify discrepancies between the cost and frequency of repair work determined based on technical documentation and the data obtained from actual engineering surveys. The results of the study contribute to improving the accuracy of the management company's financial planning and lay the foundation for sustainable housing development in the long term.

Keywords: questionnaire, experts, Kendall concordances, age of the apartment building, natural and climatic factors, rise in prices of current repairs.

Библиографическое описание для цитирования:

Аверьяскина А.С. Совершенствование методики ценообразования в жилищном хозяйстве в зависимости от влияния внешних и внутренних факторов на стоимость услуг по ремонту МКД // Идеи и идеалы. – 2026. – Т. 18, № 2, ч. 2. – С. 304–319. – DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.2.2-304-319.

Averyaskina A. Improving the Pricing Methodology in the Housing Sector Based on the Influence of External and Internal Factors on the Cost of Repair Services for Apartment Buildings. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2026, vol. 18, iss. 2, pt. 2, pp. 304–319. DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.2.2-304-319.

Введение

Обоснованное формирование стоимости услуг в сфере жилищного хозяйства, в частности услуг по ремонту многоквартирных домов (МКД), является одним из ключевых факторов, обеспечивающих финансовую устойчивость управляющих компаний (УК) и поддержание надлежащего качества жилищного фонда.

В сложившейся практике базой для формирования цен на жилищные услуги выступает их стоимость, устанавливаемая муниципальными органами, которая обеспечивает выполнение минимального комплекса работ и услуг, необходимых для надлежащего содержания МКД. Однако, как показывают эмпирические исследования, такая стоимость жилищных услуг не учитывает в полном объеме влияние внутренних факторов, таких как возраст зданий и степень износа конструктивных элементов МКД, как до, так и после проведения капитального ремонта, а также внешних факторов, включая природно-климатические условия конкретного региона. Вместо

этого при формировании минимальной стоимости услуг основное внимание уделяется количеству конструктивных элементов МКД (наличие лифта, мусоропровода и т. д.), причем расчет ведется по линейной модели: чем больше конструктивных элементов, тем выше стоимость услуг.

Такая упрощенная методика приводит к занижению реальной стоимости жилищных услуг, которая, будучи ориентиром не только для УК, но и для собственников помещений в МКД, снижает конкурентоспособность тех УК, которые при формировании стоимости жилищных услуг учитывают все значимые факторы и, соответственно, устанавливают более высокие цены.

В случае занижения управляющими компаниями стоимости жилищных услуг с целью повышения своей конкурентоспособности на рынке в долгосрочной перспективе возникает дисбаланс между доходами и расходами УК. Данная ситуация негативно сказывается на рентабельности и общей эффективности их деятельности. Усугубляющим фактором является наличие законодательных ограничений и нормативов, регламентирующих частоту проведения общих собраний собственников МКД, на которых может быть инициирован вопрос о корректировке стоимости услуг. Кроме того, следует учитывать потенциальные трудности, связанные с обеспечением кворума на собрании либо с отказом собственников от повышения стоимости услуг при сохранении объема и качества предоставляемых услуг. Все эти факторы дополнительно усложняют процесс обоснованного ценообразования.

В связи с вышеизложенным возникает необходимость усовершенствования существующей методики ценообразования. Целью настоящего исследования является совершенствование методики ценообразования в жилищном хозяйстве, учитывающей совокупное влияние внутренних и внешних факторов на стоимость услуг по ремонту МКД, что позволит повысить точность финансового планирования УК и, как следствие, обеспечит устойчивое развитие жилищного хозяйства в долгосрочной перспективе.

Методы исследования

В исследовании были использованы следующие теоретические и эмпирические методы.

Теоретические методы: проведен анализ научной литературы, посвященной вопросам формирования ценообразования в жилищном хозяйстве. На этапе обобщения результатов анализа применялся метод синтеза. Описание процессов и явлений осуществлялось с использованием методов дедукции (от общего к частному) и индукции (от частного к общему), что позволило сформировать представление об изучаемой проблеме.

Эмпирические методы включают исследование рынка жилищных услуг, состоящее из следующих этапов: сбор и анализ количественных данных о стоимости и техническом состоянии МКД; сравнительный анализ полученных данных для выявления закономерностей в методике ценообразования жилищных услуг; проведение экспертных оценок с привлечением специалистов в области жилищного хозяйства, экономики и управления для оценки полученных результатов, определения степени их достоверности и выработки рекомендаций; применение математических методов, в том числе статистического анализа, для выявления значимых взаимосвязей между различными показателями и оценки влияния различных факторов на ценообразование; использование графических методов для визуализации результатов анализа.

Результаты исследования

Предлагаемое усовершенствование методики ценообразования в сфере жилищного хозяйства предполагает последовательный двухэтапный подход. На первом этапе идентифицируются и анализируются внутренние и внешние факторы, влияющие на периодичность и объем ремонта МКД, с последующим теоретическим обоснованием, выдвижением гипотезы и ее математическим подтверждением.

На втором этапе привлекаются эксперты с целью повышения объективности и обеспечения согласованности теоретических положений и практической реализации, а также для решения задач, оставшихся не полностью раскрытыми в начальной фазе анализа. В рамках данной статьи рассмотрен второй этап усовершенствования методики ценообразования в сфере жилищного хозяйства.

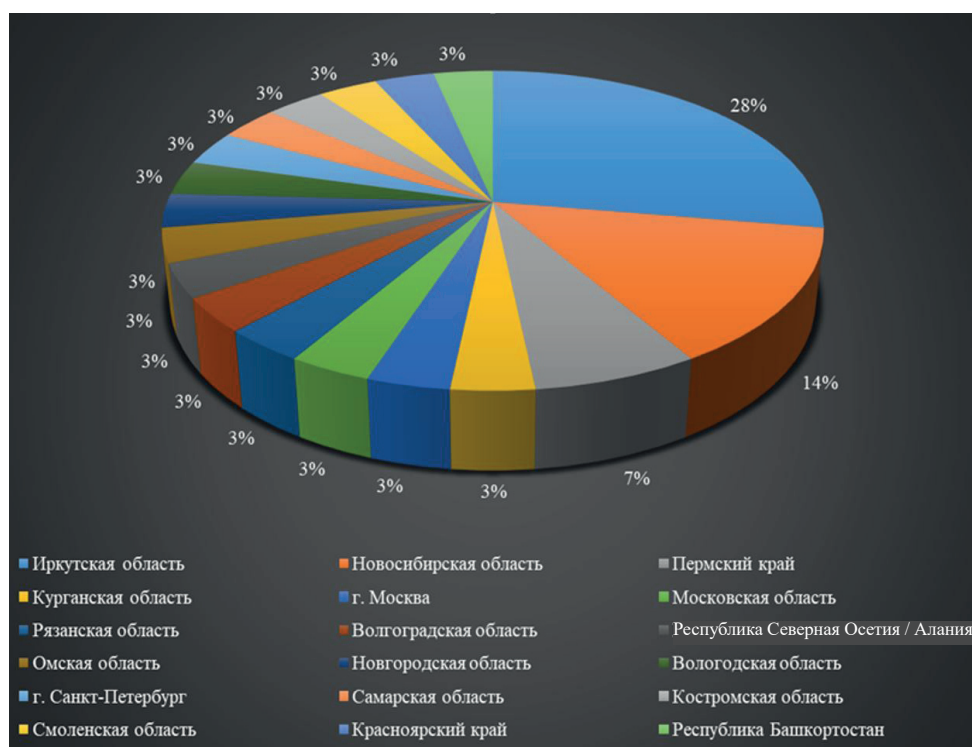
В процессе исследования была разработана анкета, предназначенная для оценки степени влияния внутренних и внешних факторов на стоимость текущего ремонта МКД. В качестве внешних факторов, подлежащих оценке, рассматривались геологические (землетрясения, сейсмическая активность и т. п.), гидрологические (воздействие грунтовых вод, наличие вечной мерзлоты и т. п.) и климатические факторы (аномальные температурные режимы эксплуатации, характеризующиеся экстремально низкими температурами ниже -40°C в зимний период и экстремально высокими температурами выше $+30^{\circ}\text{C}$ в летний период, и т. п.).

В качестве внутреннего фактора был выбран показатель возраста МКД, который оказывает прямое влияние на степень износа конструктивных элементов МКД и, следовательно, на величину стоимости и периодичность проведения ремонтных работ УК.

С целью проведения экспертной оценки разработанную анкету было предложено заполнить специалистам в области жилищно-коммуналь-

ного хозяйства (руководителям УК, ТСЖ, ресурсоснабжающих организаций; общественным и контролирующим структурам, таким как ассоциация УК, центры общественного контроля в сфере ЖКХ и др.). В исследовании приняли участие 29 экспертов, представляющих различные регионы Российской Федерации, что наглядно отражено на рис. 1.

Ключевой особенностью экспертной группы является значительная концентрация специалистов из Иркутской области (28 % от общего числа респондентов), что обусловлено региональной спецификой исследуемой проблематики, в частности геологическими особенностями региона, такими как сейсмическая активность. Кроме того, существенно представлена Новосибирская область (14 %). В этом регионе важным фактором является климатическая специфика, выражающаяся в низких температурах в зимний период, что оказывает значительное влияние на особенности формирования цен на жилищные услуги.

Составлено автором.

Рис. 1. Охват экспертов по регионам Российской Федерации

Fig. 1. Expert coverage by region of the Russian Federation

Как показано на рис. 1, помимо основных экспертов из Иркутской области, Новосибирской области, в исследовании приняли участие специ-

алисты из других регионов Российской Федерации. Это обеспечило широкую географическую диверсификацию выборки и способствовало многогранности экспертных оценок в рамках проводимого исследования. Такая структура экспертного сообщества позволяет всесторонне учитывать влияние территориальных особенностей при формировании цен на жилищные услуги.

Ответы на первый вопрос. В анкете одним из первых вопросов, касающихся темы исследования, был вопрос: «Какие внешние факторы, по вашему мнению, оказывают наибольшее влияние на износ конструктивных элементов многоквартирных домов и увеличение расходов на текущий ремонт?» Для обеспечения объективности и аналитической ясности исследования необходимо было определить количество наиболее значимых ответов экспертов, а также оценить степень согласованности их мнений.

Определение необходимого размера экспертной группы является важной методической задачей при проведении исследований, основанных на экспертных оценках. В научной литературе представлено разнообразие подходов к решению данной проблемы, учитывающих различные критерии и методы [2, 3, 8]. В соответствии с результатами теоретического анализа при заданных параметрах вариативности экспертных оценок (50 %), допустимой величине ошибки среднего значения (20 %) и целевом уровне требуемой вероятности (0.90), расчет минимально необходимого количества экспертов, основанный на предположении о подчинении распределения оценок закону Стьюдента, указывает на целесообразность привлечения от 10 до 17 экспертов.

Для оценки степени согласованности мнений экспертов было рассчитано значение коэффициента конкордации Кендалла [1, с. 112], учитывающего преобразование исходных балльных оценок в ранговые значения.

Коэффициент конкордации Кендалла (W) – мера согласованности мнений нескольких экспертов, ранжирующих одни и те же объекты [9, с. 3]. Его значение варьируется от 0 (полное отсутствие согласованности) до 1 (полная согласованность). Расчет коэффициента конкордации Кендалла представлен в табл. 1.

Таким образом, в табл. 1 в рамках исследования, проведенного методом Дельфи [11, с. 202], 17 экспертов оценили влияние внешних факторов на износ конструктивных элементов МКД и увеличение расходов на текущий ремонт (вопрос 1), используя трехбалльную шкалу Лайкерта [12, с. 62–63], где более высокое значение соответствовало большему влиянию. С целью последующего анализа балльные данные были преобразованы в ранговые значения. Для оценки статистической согласованности ранжированных

данных был использован коэффициент конкордации Кендалла, рассчитанный по следующей формуле [4, с. 13]:

$$W = 12 * S / (m^2(n^3 - n)) = 0,73, \tag{1}$$

где n – число факторов (3), m – число экспертов (17), s – сумма квадратов отклонений (422).

Таблица 1

Table 1

Сводная матрица рангов

Summary matrix of ranks

Факторы/ Эксперты	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	Сумма рангов	d	d^2	
x_1 (геологические)	1	2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	2	19	-15	225	
x_2 (гидрологические)	2	1	2	2	2	2	3	2	2	2	3	2	2	2	3	2	1	35	1	1	
x_3 (климатические)	3	3	3	3	3	3	2	3	3	3	2	3	3	3	2	3	3	48	14	196	
Сумма квадратов отклонений (S)																			422		

Составлено автором.

В процессе анализа экспертных оценок из общего числа респондентов (29 человек) были исключены 12 экспертов, чьи ответы демонстрировали существенные расхождения с мнением основного пула экспертов. Оценка согласованности проводилась по оставшейся группе из 17 экспертов. Коэффициент конкордации Кендалла, равный 0,73, указывает на высокую степень согласованности мнений экспертов в отобранной группе. Это свидетельствует о значительном единстве в оценках и подтверждает надежность полученных результатов. Таким образом, эксперты продемонстрировали согласованное восприятие факторов.

Сгруппированные ответы выбранных экспертов по первому вопросу представлены на рис. 2.

Проведенный анализ экспертных оценок позволил установить относительную значимость различных факторов, влияющих на износ конструктивных элементов МКД и, как следствие, на стоимость текущего ремонта.

та. Наибольшее влияние, по мнению экспертов, оказывают климатические факторы, суммарный вес которых составляет 47 %. Гидрологические факторы также были признаны существенными (34 %), в то время как геологические факторы получили меньший вес (19 %).

Составлено автором.

Рис. 2. Линейчатая диаграмма ответов экспертов на вопрос № 1

Fig. 2. Bar chart of expert responses to question 1

Стоит отметить, что при оценке потенциального ущерба от экстремальных климатических, гидрологических и геологических явлений эксперты отдали предпочтение аномальным температурным режимам, что отражает распространенность данной проблемы в регионах России [10, с. 7]. Высокая значимость климатических факторов обусловлена их постоянным и комплексным воздействием на строительные конструкции [7].

Ответы на второй вопрос. Второй вопрос экспертам сформулирован следующим образом: «Как вы считаете, на сколько процентов может происходить удорожание расходов на текущий ремонт МКД в зависимости от каждого внешнего фактора в отдельности?» Величина оценивалась по шкале от 0 до 10 % с интервалами: 0–1 %, 2–3 %, 4–5 %, 6–7 %, 8–9 % и более 10 % [5, с. 110]. Результаты ответов сгруппированы и представлены в табл. 2.

Таблица 2

Table 2

Ответы экспертов на вопрос № 2
Expert answers to question 2

Ответы экспертов	Геологические факторы	Гидрологические факторы	Климатические факторы
1	4-5 %	4-5 %	4-5 %
2	2-3 %	0-1 %	4-5 %
3	0-1 %	4-5 %	4-5 %
4	0-1 %	>10 %	8-9 %
5	4-5 %	2-3 %	2-3 %
6	4-5 %	4-5 %	6-7 %
7	>10 %	>10 %	>10 %
8	8-9 %	8-9 %	>10 %
9	8-9 %	4-5 %	>10 %
10	2-3 %	4-5 %	>10 %
11	2-3 %	>10 %	4-5 %
12	2-3 %	4-5 %	6-7 %
13	4-5 %	8-9 %	>10 %
14	>10 %	>10 %	>10 %
15	4-5 %	>10 %	>10 %
16	0-1 %	2-3 %	2-3 %
17	4-5 %	2-3 %	4-5 %
Удорожание текущего ремонта, %	4,4	6,0	7,0

Составлено автором.

Результаты анализа выявили выраженную взаимосвязь между значимостью факторов, влияющих на износ конструктивных элементов МКД, и степенью удорожания текущего ремонта. По результатам экспертной оценки установлено, что влияние внешних факторов на удорожание текущего ремонта МКД распределяется следующим образом:

- 1) климатические факторы: вес – 47 %, приводят к удорожанию стоимости ремонта на 7,0 %;
- 2) гидрологические факторы: вес – 34 %, приводят к удорожанию стоимости ремонта на 6,0 %;
- 3) геологические факторы: вес – 19 %, приводят к удорожанию стоимости ремонта на 4,4 %.

Полученные результаты свидетельствует о том, что факторы, оказывающие регулярное и наибольшее влияние на износ конструктивных элементов МКД, напрямую приводят к увеличению финансовых расходов на восстановление и поддержание эксплуатационных характеристик зданий.

На основе полученных выше данных результаты расчета влияния внешних факторов на стоимость текущего ремонта МКД по нашей методике представлены в табл. 3.

Таблица 3

Table 3

Расчет влияния внешних факторов на стоимость текущего ремонта МКД
Calculation of the impact of external factors on the cost of current repairs
in apartment buildings

Факторы	ν (удельный вес), %	y (удорожание текущего ремонта), %	Формула для расчета влияния факторов
x_1 (геологические)	19	4,4	$x_1 = \nu_1 * y_1$
x_2 (гидрологические)	34	6,0	$x_2 = \nu_2 * y_2$
x_3 (климатические)	47	7,0	$x_3 = \nu_3 * y_3$

Составлено автором.

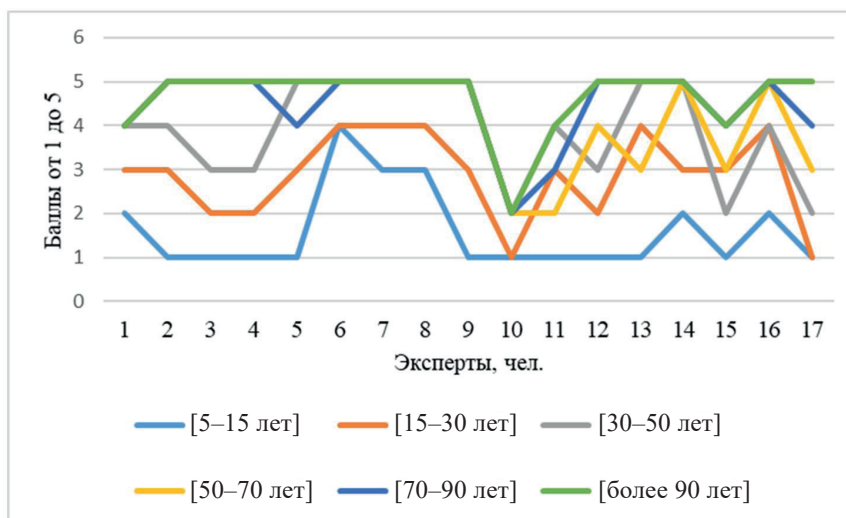
Предлагаемая методика расчета влияния внешних факторов на стоимость текущего ремонта МКД учитывает особенности природно-климатических условий, характерных для местоположения объекта. В случае нахождения МКД исключительно в зоне высокого климатического риска в расчете учитывается только фактор климатического воздействия.

В настоящем исследовании в качестве внутреннего фактора, оказывающего влияние на износ конструктивных элементов МКД и связанные с этим расходы на текущий ремонт, был выбран возраст здания. В качестве базового периода для сравнения использовался возрастной диапазон 0–5 лет (новостройка). Оценка влияния возраста проводилась для следующих интервалов: 5–15, 15–30, 30–50, 50–70, 70–90 и более 90 лет.

Ответы на третий вопрос. Для оценки влияния фактора возраста здания на результирующий показатель (удорожание затрат на текущий ремонт) экспертам было предложено ответить на следующий вопрос: «Как вы считаете, какой возраст МКД оказывает наиболее существенное влияние на износ конструктивных элементов МКД и удорожание затрат на текущий ремонт с учетом проведения капитального ремонта (раз в 40–50 лет)?»

При этом экспертам было предложено присвоить степень значимости от 1 до 5 баллов (1 балл – затраты на текущий ремонт минимальные; 5 баллов – максимальные).

Результаты ответов экспертов сгруппированы и представлены на рис. 3.

Составлено автором.

Рис. 3. Ответы экспертов на вопрос 3

Fig. 3. Expert responses to question 3

Анализ полученных данных выявил, что интенсивность роста расходов на текущий ремонт имеет нелинейный характер. В интервале 5–15 лет наблюдается значительное увеличение расходов по сравнению с базовым периодом, что может быть связано с окончанием гарантийного периода обслуживания и необходимостью устранения дефектов, возникших в процессе эксплуатации. После проведения капитального ремонта (в интервале 30–50 лет) темпы роста расходов замедляются. Однако в последующие периоды (после 50 лет) наблюдается тенденция к линейному увеличению расходов на текущий ремонт, что обусловлено естественным износом конструкций и необходимостью проведения плановых ремонтных работ.

Ответы на четвертый вопрос. На основании полученных ответов на вопрос 3 и определенных удельных весов для каждого интервала [6, с. 56], представленного в табл. 5, экспертам был задан итоговый вопрос: «Как вы считаете, на сколько процентов может происходить удорожание затрат на текущий ремонт в зависимости от возраста МКД после его ввода в эксплуатацию (0–5 лет) с учетом проведения капитального ремонта (раз в 40–50 лет)?» Результаты, полученные для тех же возрастных интервалов, что и в вопросе 3, представлены в табл. 4.

Таблица 4

Table 4

Ответы экспертов на вопрос № 4

Expert answers to question 4

Ответы экспертов/ Возраст МКД	[5–15 лет]	[15–30 лет]	[30–50 лет]	[50–70 лет]	[70–90 лет]	[более 90 лет]
1	2-3 %	2-3 %	4-5 %	4-5 %	4-5 %	6-7 %
2	4-5 %	6-7 %	0-1 %	4-5 %	4-5 %	4-5 %
3	2-3 %	4-5 %	6-7 %	8-9 %	8-9 %	8-9 %
4	0-1 %	>10 %	>10 %	>10 %	>10 %	>10 %
5	2-3 %	4-5 %	>10 %	8-9 %	8-9 %	>10 %
6	2-3 %	2-3 %	4-5 %	4-5 %	4-5 %	4-5 %
7	0-1 %	8-9 %	>10 %	>10 %	>10 %	>10 %
8	4-5 %	8-9 %	>10 %	8-9 %	>10 %	>10 %
9	6-7 %	>10 %	>10 %	>10 %	>10 %	>10 %
10	0-1 %	2-3 %	6-7 %	6-7 %	6-7 %	6-7 %
11	2-3 %	4-5 %	6-7 %	4-5 %	6-7 %	6-7 %
12	0-1 %	2-3 %	4-5 %	6-7 %	8-9 %	>10 %
13	4-5 %	8-9 %	>10 %	4-5 %	8-9 %	>10 %
14	>10 %	>10 %	>10 %	>10 %	>10 %	>10 %
15	6-7 %	8-9 %	6-7 %	8-9 %	8-9 %	8-9 %
16	2-3 %	4-5 %	6-7 %	6-7 %	8-9 %	8-9 %
17	0-1 %	2-3 %	4-5 %	6-7 %	8-9 %	>10 %
Средняя величина удорожания текущего ремонта, %	3,2	6,0	7,1	7,2	8,0	8,5

Составлено автором.

Результаты анализа демонстрируют выраженную неоднородность удорожания во времени. В период с 5 до 15 лет наблюдается значительный рост расходов, однако в дальнейшем (30–50 лет) происходит замедление темпов роста, что может быть обусловлено эффектом капитального ремонта. По мере старения зданий (старше 50 лет) наблюдается устойчивое увеличение затрат, связанное с накоплением дефектов, требующих регулярного ремонта.

Методика расчета влияния внутреннего фактора (возраста здания) на формирование стоимости текущего ремонта предполагает применение корректирующего коэффициента, отражающего процентное изменение базовой стоимости, установленной для зданий в диапазоне 0–5 лет. Таким образом, итоговая стоимость ремонта для зданий более старшего возраста определяется путем умножения базовой стоимости на коэффициент удорожания, соответствующий возрастной категории конкретного здания.

Заключение

Для обоснованного формирования стоимости работ по текущему ремонту МКД управляющим компаниям рекомендуется использовать усовершенствованную методику. В качестве базовой стоимости следует принять стоимость текущего ремонта нового здания аналогичного типа, расположенного в исследуемом регионе. Затем необходимо учесть возраст МКД (внутренний фактор) и влияние внешних факторов (при их наличии). Суммарный учет указанных факторов позволит получить обоснованную стоимость и вычислить коэффициент для корректировки базовой стоимости. Предлагаемая методика позволит выявить расхождения между стоимостью и периодичностью ремонтных работ, определенных на основе технической документации, и данными, полученными в результате реальных инженерных обследований. Это, в свою очередь, повысит точность финансового планирования УК и обеспечит устойчивое развитие жилищного хозяйства.

Литература

1. *Аверина Т.Н., Науменова Б.Н.* Проверка согласованности дискриминантных моделей по оценке финансового состояния предприятий с помощью коэффициента конкордации Кендалла // Символ науки. – 2024. – № 12-2-1. – С. 109–112.
2. *Данелян Т.Я.* Формальные методы экспертных оценок // Статистика и экономика. – 2015. – № 1. – С. 183–187.
3. *Загорская А.В., Ланидус А.А.* Применение методов экспертной оценки в научном исследовании. Необходимое количество экспертов // Строительное производство. – 2020. – № 3. – С. 21–34.
4. *Загорская А.В.* Совершенствование научно-технического сопровождения проектных решений по организации строительства уникальных объектов: автореф. дис. ... канд. техн. наук: 05.02.22 / Ивановский государственный политехнический университет. – Иваново, 2022. – 23 с.
5. *Корнеев В.П.* Метод построения результирующей шкалы для объектов в порядковых шкалах с учетом их экспертной вероятности // Управление большими системами. – 2021. – № 94. – С. 95–115.

6. Корнеев В.П. Метод аппроксимационной матрицы формирования весов объектов в многокритериальных задачах выбора // Вестник кибернетики. – 2021. – № 1 (41). – С. 51–61.
7. Полуи Б.М. Архитектура и градостроительство в суровом климате (экологические аспекты). – Л.: Стройиздат, 1989. – 300 с.
8. Рупосов В.А. Методы определения количества экспертов // Вестник ИрГТУ. – 2015. – № 3 (98). – С. 1–6.
9. Сазонов А.А. Применение коэффициента ранговой конкордации в экспертных оценках управления персоналом // Наука и современность. – 2015. – № 41. – С. 1–6.
10. Соколов Ю.И. Риски экстремальных погодных явлений // Проблемы анализа риска. – 2018. – Т. 15, № 3. – С. 6–21.
11. Стреляев Д.И., Левшина В.В. Выбор метода определения существенных заинтересованных сторон организации жилищно-коммунального хозяйства // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – № 8-2. – С. 199–205.
12. Толстова Ю.Н. Одномерное шкалирование: тестовая традиция в социологии (построение индексов, шкала Лайкерта, латентно-структурный анализ) // Социология: методология, методы, математические модели. – 1997. – № 8. – С. 54–65.

References

1. Averina T.N., Naukenova B.N. Proverka soglasovannosti diskriminantnykh modelei po otsenke finansovogo sostoyaniya predpriyatii s pomoshch'yu koeffitsienta konkordatsii Kendalla [Consistency test of discriminant models for assessing the financial condition of enterprises using the Kendall concordance coefficient]. *Simvol nauki = Symbol of Science*, 2024, no. 12-2-1, pp. 109–112.
2. Danelyan T.Ya. Formal'nye metody ekspertnykh otsenok [Formal Methods of Expert Estimations]. *Statistika i ekonomika = Statistics and Economics*, 2015, no. 1, pp. 183–187.
3. Zagorskaya A.V., Lapidus A.A. Primenenie metodov ekspertnoi otsenki v nauchnom issledovanii. Neobkhodimoe kolichestvo ekspertov [Application of Expert Judgments Methods in Scientific Research. Determination of the Required Number]. *Stroitel'noe proizvodstvo = Construction Production*, 2020, no. 3, pp. 21–34.
4. Zagorskaya A.V. *Sovershenstvovanie nauchno-tekhnicheskogo soprovozhdeniya projektnykh reshenii po organizatsii stroitel'stva unikal'nykh ob'ektov*. Avtoref. diss. kand. tekhn. nauk [Improving scientific and technical support of design solutions for organization of the construction of unique facilities. Author's abstract of PhD eng. sci. diss.]. Ivanovo, 2022. 23 p.
5. Korneenko V.P. Metod postroeniya rezul'tiruyushchei shkaly dlya ob'ektov v poriyadkovykh shkalakh s uchetom ikh ekspertnoi veroyatnosti [Method for constructing the results scale for objects in ordinal scales taking into account their expert probability]. *Upravlenie bol'shimi sistemami = Large-Scale Systems Control*, 2021, no. 94, pp. 95–115.

6. Korneenko V.P. Metod approksimatsionnoi matritsy formirovaniya vesov ob'ektov v mnogokriterial'nykh zadachakh vybora [Approximation matrix method for weights formation of objects in multicriteria problems]. *Vestnik kibernetiki*, 2021, no. 1 (41), pp. 51–61. (In Russian).

7. Polui B.M. *Arkhitektura i gradostroitel'stvo v surovom klimате (ekologicheskie aspekty)* [Architecture and townplanning for cold climate]. Leningrad, Stroizdat Publ., 1989. 300 p.

8. Ruposov V.L. Metody opredeleniya kolichestva ekspertov [Methods for Determining the Number of Experts]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of Irkutsk State Technical University*, 2015, no. 3 (98), pp. 1–6.

9. Sazonov A.A. Primenenie koeffitsienta rangovoi konkordatsii v ekspertnykh otsenkakh upravleniya personalom [Application of the coefficient of rank concordance in expert assessments of personnel management]. *Nauka i sovremennost'*, 2015, no. 41, pp. 1–6. (In Russian).

10. Sokolov Yu.I. Riski ekstremal'nykh pogodnykh yavlenii [Risks of extreme weather events]. *Problemy analiza riska = Issues of Risk Analysis*, 2018, vol. 15, no. 3, pp. 6–21.

11. Strelyaev D.I., Levshina V.V. Vybor metoda opredeleniya sushchestvennykh zainteresovannykh storon organizatsii zhilishchno-kommunal'nogo khozyaistva [Choice of the method of determining the significant interested parties of the housing and communal services organization]. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava = Journal of Altai academy of economics and law*, 2019, no. 8-2, pp. 199–205.

12. Tolstova Yu.N. Odnomernoe shkalirovanie: testovaya traditsiya v sotsiologii (postroenie indeksov, shkala Laikerta, latentno-strukturnyi analiz) [One-dimensional scaling: a test tradition in sociology (building indexes, the Likert scale, latent structural analysis)]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskie modeli = Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*, 1997, no. 8, pp. 54–65. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 06.02.2026.

Статья прошла рецензирование 13.04.2026.

The article was received on 06.02.2026.

The article was reviewed on 13.04.2026.

Погружение в а рiогi (методологические заметки)

Герасимова Ирина Алексеевна,

доктор философских наук, профессор,

главный научный сотрудник Института философии РАН,

Россия, 109240, Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1

ORCID: 0000-0003-4656-3100

home_gera@mail.ru

Аннотация

Статья проблематизирует разные аспекты возможной методологии исследования когнитивных а рiогi культур. Обосновывается необходимость придерживаться установки на целостность познавательного акта «субъект – восприятие – объект». Эпистемические культуры различаются по фактору диапазонов восприятия. Исследователь эпистемических культур с точки зрения концепции «мышления-вместе-со-сложностью» становится метанаблюдателем в предполагаемой позиции метавосприятия. Дифференцирующаяся множественность культур обусловлена универсальным законом развития недифференцированного целого при сочетании инвариантности и вариативности. В когнитивной эволюции а рiогi сегодня есть результат обретения опыта и его трансмутаций как в филогенезе, так и в онтогенезе, другими словами, эволюционное а рiогi. Множественность факторов коэволюции сознания и различных сред ставит перед исследователями проблему конвергенции естественных и гуманитарных наук, западной технически обусловленной рациональности и азиатских эпистемических культур. В статье приводятся примеры плодотворного сотрудничества западной науки и сокровенных философий по проблемам качества времени и природы света. Современные научные дисциплины географического цикла, исследующие особенности этнических менталитетов, возрождают идеи древнего знания о влиянии местности, природно-космических факторов на восприятие и когнитивные способности. Нейронаучные исследования подтверждают выводы древней мудрости о коэволюции тела (мозга, нервной системы), души (чувственности, интеллекта) и духа (разума, нравственности, воли) как единого целого. Особенности строения мозга и развитости нервной системы могут рассматриваться как физиологические и когнитивные а рiогi культур. Современная логика, особенно логические методологии абстрагирования и идеализации, вносят свою лепту в исследования языка и способов формирования абстракций философского уровня. Актуальное сегодня в когнитивной эволюции можно понять с точки зрения будущего развития уже намечившихся тенденций к ассимиляции культурного разнообразия при раскрытии собственного потенциала.

Ключевые слова: наука Запада, практики Востока, конвергенция, восприятие, ассимиляция сознаний, Кант, качество времени, геосоциальность, когнитивная эволюция, нейронаука, логика абстракций.

Diving into a Priori (Methodological Notes)

Irina Gerasimova,

Dr. Sc. (Philosophy), Professor,

Main Researcher, Institute of Philosophy RAN

12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-4656-3100

home_gera@mail.ru

Abstract

The article problematizes various aspects of a possible methodology for studying cognitive a priori cultures. It substantiates the need to adhere to the holistic approach of the cognitive act: subject–perception–object. Epistemic cultures differ in their ranges of perception. The researcher of epistemic cultures from the point of view of the concept of “thinking-together-with-complexity” becomes a meta-observer in the supposed position of meta-perception. The differentiating multiplicity of cultures is determined by the universal law of development of an undifferentiated whole with a combination of invariance and variability. In cognitive evolution, a priori today is the result of the acquisition of experience and its transmutations both in phylogenesis and in ontogenesis, in other words, evolutionary a posteriori. The multiplicity of factors in the co-evolution of consciousness and various environments poses the problem of convergence between the natural and human sciences, Western technologically conditioned rationality and Asian epistemic cultures for researchers. The article provides examples of fruitful collaboration between Western science and esoteric philosophies on the issues of the quality of time and the nature of light. Modern scientific disciplines in the geographical cycle, studying the characteristics of ethnic mentalities, are reviving ideas of ancient knowledge about the influence of terrain and natural and cosmic factors on perception and cognitive abilities. Features of the structure of the brain and the development of the nervous system can be considered as cognitive a priori of cultures. Modern logic, especially the logical methodologies of abstraction and idealization, contribute to the study of language and the ways of forming abstractions at the philosophical level. What is relevant today in cognitive evolution can be understood in terms of the future development of already emerging trends towards the assimilation of cultural diversity while revealing one’s own potential.

Keywords: Western science, Eastern anthropological practices, convergence, perception, assimilation of consciousnesses, Kant, quality of time, geosociality, cognitive evolution, neuroscience, logic of abstractions.

Библиографическое описание для цитирования:

Герасимова И.А. Погружение в a priori (методологические заметки) // Идеи и идеалы. – 2026. – Т. 18, № 2, ч. 2. – С. 320–341. – DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.2.2-320-341.

Gerasimova I. Diving into a Priori (Methodological Notes). *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2026, vol. 18, iss. 2, pt. 2, pp. 320–341. DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.2.2-320-341.

Введение. Манифест георациональности

В исследованиях по географии рациональности мне представляется плодотворной предложенная академиком А.В. Смирновым установка на раскрытие когнитивных a priori разнообразия и уникальности культур. Соединяя субъективные и объективные аспекты восприятия, познания, творчества и практик, мы тем самым придерживаемся методологии целостности и синтеза. Сосредоточение внимания исследователей отдельно на объекте или отдельно на субъекте в методологическом отношении не столь плодотворно перед целостным видением ситуации, когда субъект и объект соединены через видение (непосредственное знание) и рациональное знание. Видение и знание можно понимать как два аспекта единого акта познания, в котором соединено глубинное восприятие (понимание) и его внешняя артикуляция.

Рациональные когнитивные действия методами логики и языка и до-рефлексивные созерцания (размышления или медитации) различаются диапазонами восприятия. Отношение «субъект – объект» скорее триада, чем диада, поскольку предполагает действие, связывающее субъект и объект, будь то интенциональность сознания, восприятие, познавательный акт, творческий акт, перспектива (точка зрения), коммуникативный акт. В теоретических исследованиях действие, связывающее субъект и объект, обусловлено концептуальными схемами, в технонауке – техническими приборами и экспериментальными установками, в медитативных практиках – уровнем сознания (и восприятия). В когнитивных исследованиях по географии рациональности сам исследователь (метанаблюдатель в концепции «мышления-вместе-со-сложностью» В.И. Аршинова) [1, 5] обладает своим когнитивным стилем, установками и диапазоном восприятия (метастилем). Как возможно понять иную рациональность, иной опыт жизни и иные ее условия? Только приняв предпосылку многообразия культур и типов опыта, как объективного, научного и технологического, так и субъективного, художественного или мистического, а в когнитивном отношении – введя в свое воображение как бы опыт иного. В методологическом ключе получается составная схема исследования: метасубъект (метанаблюдатель) – метавосприятие – [субъект (обобщенное понятие

представителя иной рациональности) – восприятие – объект (обобщенное представление объектов направленности мышления представителей иной культуры)].

А.В. Смирнов в качестве отправного пункта в своем манифесте географии рациональности [28] указал на эвристические возможности кантовского подхода. Кантовское понятие пространства и времени как априорных форм чувственности (трансцендентальная эстетика), а priori категориального синтеза (язык) и логической способности давать правила (трансцендентальная аналитика), а priori способности создавать правила по принципам (трансцендентальная диалектика), в естественно-научных и гуманитарных исследованиях, в географии рациональности обрастает новыми смыслами в средовых контекстах физиологических, природных, культурных, социальных, космических регуляторов. Обсуждение вопроса о регуляторах нашего чувственного опыта и рационального мышления, если учитывать достижения экспериментальных наук, результаты исследований западноевропейской и азиатских философий, значительно расширяет интеллектуальное пространство дискуссий. Можно констатировать тенденцию встречного движения науки Запада и метафизических учений и антропологических практик (В.М. Розин) Востока. Выделим ключевые импульсы и проблематизируем возможные методологические аспекты таких дискуссий.

Единство и множественность путей коэволюции человека, природы, социума

В исследованиях по географии рациональности целесообразно обратить внимание на выводы концепций универсальной эволюции, и особенно когнитивной эволюции. Согласно законам универсальной эволюции, любая целостность (начало) материальной или нематериальной сферы дифференцируется в процессе развития, множится на различные ответвления, что обеспечивает вариативность и отпочковывание отдельных целостностей. Вместе с тем инварианты изначального недифференцированного целого остаются. Отсюда эпистемические рациональности культур различны (феноменально), и схожи (в основах, в сущности). В итоге имеем древо этнокультурных рациональностей, в ветвях индивидуализированное, но в соединениях – единое. Факторы инвариантности сегодня выявляются в сравнительных исследованиях глобальных цивилизационных процессов обмена знаниями и опытом через миграции народов, войны, торговые пути. В методологии естественных наук инвариантность связана с принципами симметрии (единство в многообразии), а ветвление – с древовидными структурами (разнообразие в единстве).

В изучении вопроса о когнитивных основах рациональности разных культур в контексте концепции когнитивной эволюции [21] делается вывод о том, что наши способности мышления, восприятия, памяти, воображения, чувственности постоянно эволюционируют. На протяжении тысячелетий развивались и будут развиваться те или иные грани сознания и вскрываться рудиментарные способности. В этом смысле доопытное сегодня (*a priori*) есть результат обретения опыта и его трансмутаций в ходе эволюции, как в филогенезе, так и в онтогенезе; другими словами, есть эволюционное *a posteriori*. На ход эволюции влияет множество факторов: локальная природная среда, локальные планетарные и космические условия (климат, местность – долины или горы, солнечный свет, космические излучения и пр.), особенности жизни социума и культурные традиции. Собираение воедино разных факторов в исследованиях по географии рациональности влечет за собой стремление к конвергенции (сближению) естественных и гуманитарных наук, западной технически обусловленной рациональности и азиатских эпистемических культур.

С точки зрения синтетической теории эволюции правильной говорить о коэволюции человека и сред различных масштабов. Если использовать организменную метафору, то уместно сказать, что человеческий организм включен в организмы планетарной природы, Солнечной системы и, по крайней мере, Галактики (Млечного пути). Один из выводов исследований по когнитивной эволюции утверждает коэволюцию биологической и социокультурной составляющих природы человека («гено-культурная эволюция» [21], «биокультурный со-конструктивизм» [2]). Все познанное сегодня и еще не познанное может влиять на текущий опыт чувственности и мышления. Оценить настоящее можно, только заглядывая в будущее. В проблеме конвергенции культур я вижу стратегическую направленность когнитивной эволюции в будущее. Глобальные коммуникации, усилившие взаимодействие и взаимопроникновение культур, проявили общую стратегическую тенденцию формирования планетарного сознания (ноосферы человечества) при фокусе индивидуального сознания, будь то отдельная личность или культурная общность. Набирает вес тенденция согласования и гармонизации, что возможно на путях ассимиляции этнокультурных образований в общечеловеческой ноосфере (путь единства разнообразного). В дискуссиях по географии рациональности, на мой взгляд, задача состоит в том, чтобы определить когнитивные *a priori* каждой культуры и исследовать новый опыт ассимиляции культур в единой планетарной жизни, метафорически выражаясь, в «симфонии культур».

При современных реалиях западноевропейская рациональность задает ориентиры технологического пути развития, в экологическом ключе как

сотрудничества с природой, а в технократическом – как насилия над ней, с уничтожением естественной биоты и производительных сил природы. На другом полюсе усиливается осознание ценностей духовной жизни, ценностей высокой культуры как того, что совершенствует разум человека и отношения с природой, достойное разумного существа. В духе Канта можно сказать, что в разрешении проблем глобального кризиса нужно переходить от схем технологического рассудка к принципам трансцендентального разума и этики.

Любые формы творческой активности, будь то технологические или культурные практики, становятся для отдельного человека априорными **социокультурными регуляторами** его миропонимания, восприятия и опыта. В отличие от интеллектуальных практик позитивно ориентированной науки, в духовных практиках картина мира и ее философское осмысление складывались на основе эмпирического субъективного опыта, вплоть до выхода сознания за пределы физической реальности в сверхчувственные сферы. В таком случае стоит поставить вопрос об **априорных регуляторах чувственного и сверхчувственного (медитативного и мистического) опыта**. Кстати сказать, проблема восприятия феноменального опыта метанаблюдателем в йоге – одна из фундаментальных проблем. Ее решения подводят практикующего к освоению глубинных уровней сознания. Так, например, мастер йоги Шри Шайлендра Шарма в комментариях на «Йога сутры» пишет: «Когда познаны скрытые силы пяти элементов – земли, воды, огня, воздуха и пространства, которые служат посредниками в проявлении творения, тогда познаются все свойства элементов, их состояния и влияния, и йог способен узреть проблеск основания исходного элемента, который питает их» (принцип единственности) [18, с. 40]. Кантовское понимание априорных форм чувственности, рассудка и разума в современном контексте необходимо расширить положением об иерархии объективных и субъективных реальностей (психических, ментальных, духовных) с иными типами пространственно-временной организации, возможностями субъективного восприятия, воображения и мышления.

Примерами встречи западной науки и восточных философий могут служить осмысления понятий времени и света.

Качественное время

Кантовские понятия пространства и времени как априорных форм чувственности претерпевали постоянные изменения с развитием научной мысли. В работе «О жизненном (биологическом) времени» В.И. Вернадский, переосмысливая место пространства-времени в классической механике, созданной Галилеем и Ньютоном, в 1931 году писал о коренном из-

менении научного понимания времени, когда «европейская мысль вернулась к древним представлениям Греции и Востока, на Востоке сохранившимся» [8, с. 355]. Успехи геологии, изучение сущности радиоактивных процессов, историко-культурных процессов привели к динамичной картине мира, выводам о множественности пространств-времен, квантовом (взрывном) характере движения. «Может быть, мы имеем дело с круговыми взрывчатыми процессами, постоянно возобновляемыми» [8, с. 357], – писал ученый, предвосхищая ряд современных открытий и основанных на них технологий.

Техногенная западная цивилизация ориентируется на механическое время, тогда как в древности (и сохранилось сегодня в традиционных культурах) преобладало мироощущение организации времени на основе природных ритмов. В повседневной жизни мы ориентируется по механическим часам, в которых час равен 60 минутам. Именно такая длительность дневных и ночных часов наблюдается во время весеннего и осеннего равноденствия, отсюда механическое время называют равноденственным. Суточное восприятие времени и, соответственно, деления на часы, вплоть до Средневековья было иным, оно ориентировалось на природные ритмы. Так называемый косой час складывался из деления на двенадцать равных частей отдельно светового дня (от восхода до заката) и ночи. Косой час использовали повсеместно, включая Древнюю Русь [26]. Косыми часами пользуются в астрологии, где для каждого часа есть свой управитель. Соответственно, в восприятии времени выделяли благотворные, вредные и нейтральные часы для совершения определенных действий или занятий (медицинских, аграрных, обрядовых, повседневных). На примерах древнерусской хронологико-временной традиции в восприятии природного времени можно проследить качественную окраску часов, дней, сезонов, годов [12].

К качественному аспекту времени подходит и современная наука, по сути поддерживая идеи «философии организма». Исследования космоса в своих многочисленных разветвлениях (астрофизика, космическая химия, астробиология, гелиобиология, физика космической плазмы и пр.) шаг за шагом раскрывают идею космоса как гигантского организма, в который Солнечная система и наша планета входят как его органы (организмы). Находят многочисленные наблюдательные подтверждения синхронности и резонансности Солнечной системы, когда автоколебательные процессы на Солнце (собственные ритмы в отсутствии внешних воздействий) со-настраивают ритмы планет Солнечной системы, непосредственно влияя на земные процессы. Согласно концепции математика А.М. Молчанова, Солнечная система самоорганизуется по принципу «максимальной резонансности» [10]. Пространственной со-организации соответствуют временные периодические закономерности, которые

в том числе задают ритмы нашей повседневности. Известный в астрологии и в современной геофизике «эффект конца недели», когда в субботу-воскресенье снижается индекс магнитной активности по сравнению с началом недели, объясняется следствием синхронистичности с календарной неделей 7-дневной ритмики солнечной активности (солнечного ветра) [10, с. 112–113]. Развитие гелиобиологии после пионерских работ А.Л. Чижевского убедительно доказывает теснейшую связь земных и солнечных процессов [4, 30].

В философской традиции время – понятие относительное. Так, например, греки различали временное бытие и бытие вечное. Временное бытие – привычный нам объективный мир, тогда как вечное бытие касалось скрытых, субъективных миров причин, где времени в нашем понимании нет. В восточных психодуховных практиках особенности пространства-времени соотносятся с состояниями сознания в субъективных мирах. Что-то похожее можно наблюдать в виртуальных реальностях, когда человек осваивает эффект отсутствия времени при практически мгновенной передаче и воспроизведении сигнала.

В наших целях можно сделать следующие выводы. Космические и природные ритмы организуют среду в ее пространственно-временных аспектах. Человеческий организм, от изучаемого физиками квантового уровня, клеток, органов до осознанной чувствительности, воспринимает ритмику дыхания космоса и любые качественные изменения Целого. В большинстве случаев, даже не подозревая об этом, человек со-творит с природой Целого, включен в мировой творческий процесс (А. Бергсон). Почему же люди не осознают этих возможностей? Сознание занято конструированием собственных реальностей (микрокосмов), того, что называют повседневностью и культурой, оно отягощено привычками и, как говорят индийские мудрецы, «омрачено майей очевидности». Современная наука и философия шаг за шагом подтверждают выводы древнего космизма Запада и Востока, который имеет характерные черты: «взаимосвязанность всех уровней мироздания (герметический принцип “все связано со всем”), буддийский принцип “нет независимого существования”, единые принципы организации и управления множественными уровнями мироздания (герметический принцип “как наверху, так и внизу”, единый ритм косможизни; стихии как организующие первоначала материальной и духовной жизни, Земля и человечество как органическая часть вселенской жизни, коэволюция всех уровней мироздания» [13, с. 177]. Принцип соответствия микрокосма и макрокосма означает, что в природе человека заложены все силы и энергии космоса, разворачивающиеся из латентного состояния в актуальное на долгом пути приобретения опыта и коэволюции в лоне природы. В этом сходятся и европейская, и индийская, и древнекитайская мысль.

Принимая во внимание разнообразие культур, можно сделать вывод: общая конфигурация космопространственных ритмов в планетарном отношении едина, но на их **восприятие** отдельным человеком или этносом будут накладываться **культурно-исторически сложившиеся «апостериорные априори»**.

О природе света

Есть примеры корреляций выводов объективной, физической науки и метафизического опыта скрытой природы мироздания. Журнал «Метафизика» посвятил специальный номер проблеме природы света в науке и в метафизике (Метафизика. 2017, № 3). Идея сокрытой светоносности видимого обычным зрением бытия проходит и через западноевропейскую, и через азиатские философские традиции. В журнале опубликованы переводные тексты Р. Гроссетеста (ок. 1175–1253) и А.С. Сухраварди (1152/3–1191) (комментарии А.В. Смирнова). Такое сотрудничество науки и метафизики – веление времени, пример трансдисциплинарных коммуникаций, сотрудничества, в котором формируются новые картины мира. Изобретение спектрометра позволяет наблюдать невидимую обычным зрением цветовую реальность, по проявленным цветовым излучениям можно судить о составе вещества, характере излучений. Если язык цвета изучается наукой через спектрометры, то в художественном и мистическом творчестве с помощью языков цвета воспринимаются и конструируются субъективные реальности, которые при объективации мысли в произведениях философии и искусства становятся для нас зримо-осязаемыми.

Приведу пример текста о наблюдении сверхчувствительным зрением, что еще не стало предметом изучения экспериментальной науки, но вполне доступно для изучения в будущем. Биологам известно, что основой жизнедеятельности живых существ является солнечная энергия, которую растения улавливают и преобразуют путем фотосинтеза, животные питаются плодами преобразованной солнечной энергии. С точки зрения современной экологии экологическая ниша человека как биологического вида определяется его положением в трофических цепях, где он – консумент, как и всякое животное – гетеротроф, а по типу питания – полифаг, питающийся самыми различными видами пищи. В отличие от животных, человек, опираясь на развитый интеллект, свою долю энергии Солнца получает «путем разрушения природно-равновесных экосистем и создания на их месте экосистем с искусственным поддержанием временного равновесия» [29, с. 10]. Создание и поддержание на всей планете искусственной среды обитания – техносферы – обернулось экологическим кризисом, истощением производительных сил природы.

В.И. Вернадский в свое время поставил вопрос о возможности эволюции природы человека в автотрофное существо [9]. То, что сейчас кажется невозможным, может оказаться возможным в будущем, но важно осознать уже имеющиеся возможности. Приведу почти полностью параграф из книги «Озарение» Учения Живой Этики:

«Какое внешнее условие является необходимым для качества работы? – Свет. Только свет делает работу производительной и полезной. Бабочка может летать, пока ее радужная пыльца не истощена. У человека имеется та же радужная сила, и она воспринимает посредством фотоплазмы мощь света. Различные плазмы являются посредниками между видимым и невидимым. Фотоплазма, будучи эманацией нервной системы, образует радужную пыльцу, принимающую лучи света и проводящую их в нервные каналы. Лучшие соединения со светом получаются утром, потому не закрывайте утреннего света. Работайте при свете, решайте при свете, судите при свете, тужите при свете, радуйтесь при свете. Ничего не сравнить со световой волною. Даже самое лучшее электричество, даже самое голубое, дает в восемь тысяч раз меньше, нежели луч солнца. Скоро изучение фотоплазмы даст новое направление приемам труда. Можно видеть, как кипит пыльца фотоплазмы и маленькими воронками уносит полученное сокровище в поры кожи. Не только просторность рабочих помещений, но и правильный доступ света должны быть изучаемы. Лучи солнца должны быть оценены как мировое сокровище» (3-VI-15) [30, с. 220–221].

Под плазмой в науке понимают четвертое состояние вещества, в физико-химическом аспекте состоящее из потоков ионов и электронов. Изучаемые наукой виды плазмы (космическая плазма, фотоплазма) соединяют видимые и невидимые слои материи, согласно восточной метанауке.

Геосоциальность

Понятие геосоциальности в узком смысле определяет особенности отдельных социумов, а в более широком смысле охватывает корреляции между особенностями конкретной природной среды и социальными практиками. При увеличении масштаба под геосоциальностью понимают подобные корреляции в планетарном уровне. Принцип единства человека и природной среды составлял жизненную основу традиционных обществ и мировоззрения древних цивилизаций. В культуре многих народов окружающая природа (горы, поля, леса, водоемы) воспринималась как социальное тело племени. Были особые зоны («священные рощи»), относительно которых существовал запрет на хозяйственную деятельность и посещение их человеком. Единство человека и среды нашло отражение в медицинских практиках. Согласно школе Гиппократов, среди медицинских специальностей выделялись эпидемиологи, которые по характеру местопо-

ложения, розе ветров, климатическим колебаниям определяли риски заболеваний [15].

Почему народы такие разные и по внешнему виду, и по характеру, и по способностям, и по культуре? Этот вопрос обостренно стоял перед средневековыми христианскими мыслителями, размышлявшими над природой человека в контексте божественного творения. «Диоптру» Филиппа Монотропа («Душезрительное зеркало» Филиппа Пустынника) называют антропологической православной энциклопедией. В одном из сюжетов беспечная по характеру Душа задает начитанной и прошедшей земной опыт Плоти вопрос о причинах различия людей. Плоть раскрывает эти причины в неоплатоническом ключе, предпосылкой которого был принцип единства души и тела. Согласно Филиппу, душа и тело создавались вместе, духовная и материальная природы существуют только как два начала в едином организме. Если предельное понятие бесплотной души мыслилось как простое (абстрактное, ноуменальное), то причину разнообразия и многообразия (конкретного, феноменального), пишет Монотроп, стоит искать в материальном мире и его законах стихийных соответствий, их качестве и сочетаниях (огонь, воздух, вода, земля).

Примером проявления принципа единственности в земной природе может служить вода (в растениях, деревьях, дожде, снеге, граде и пр.), которую сущность конкретного организма или природного образования преобразует, придавая новые качества, воспринимаемые чувственно. Равно как и солнце по-разному освещает многообразие местностей. Отсюда проистекает и разница между народами: «Тело понимай как мир, – поясняет Плоть, города же его и страны – как пять чувств и внутренние органы; туман, мрак и бурю – как то, что происходит с телом; светящееся солнце – как душевные силы» [16, с. 281]. Средневековый христианизированный неоплатонизм испытывал влияния герметических произведений, а в Древней Руси особенно заметно влияние ключевого герметического искусства – медицины. Апокриф «Галеново на Гиппократата» был одним из популярных в переводной литературе [12]. Согласно естественной медицине, динамике стихийных соответствий починались сезоны, местности, возраста, питание, характеры и пр.

Древнее знание о соотнесенности природной среды, характера людей и особенностей социальных практик основывалось на астрологии, или ятроматематике (которая в те времена не отделялась от астрономии), ее теоретические схемы стихийных соответствий проверялись на практике. По мере развития рациональной науки основным методом стало наблюдение с последующим эмпирическим обобщением. В качестве примера можно привести размышления основоположника географической социологии Шарля Луи Монтескье о влиянии климата на особенности права в

той или иной стране. Монтескье пишет: «Если справедливо, что характер ума и страсти сердца чрезвычайно различны в разных климатах, то законы должны соответствовать и различию этих страстей, и различию этих характеров» [22, с. 215].

Принципы единства психической и телесной природы человека, организма и среды находят поддержку в когнитивных науках, где метафора «отелесненного ума», действующего в конкретном теле и в конкретных социальных и природных обстоятельствах, служит основой экспериментальных исследований [6]. Влияние на восприятие окружающей природной среды, его индивидуализация в культурных традициях изучается в таких современных направлениях, как культурная география и эмоциональная география.

Нейронаука об априорных основах психики и мышления

Современные нейронауки делают решительные прорывы в понимании связи корреляций строения и работы мозга с типами мышления и опыта представителей разных культур. Напрашивается вывод: тело (мозг, нервная система), душа (чувственность, интеллект) и дух (разум, нравственность, воля) коэволюционируют как единое целое. Философские интерпретации результатов экспериментальных исследований в нейронауке позволяют поставить вопрос о «деятельном трансцендентализме» в духе Канта, но на натуралистической основе [2]. В ходе экспериментов выяснилось, что такая важнейшая логическая операция, как абстрагирование, возбуждает определенные нейронные сети мозга, причем для абстрактных и конкретных понятий эти сети разные. Более того, зафиксированы отдельные нейроны, отвечающие за обработку концептуальных понятий. В.А. Бажанов на основе исследования многочисленных зарубежных источников делает выводы: «Абстрактные и конкретные понятия “обрабатываются” не только различными областями мозга; они активизируют разные нейронные сети, – при этом – “концептуальные” нейроны располагаются в медиальной височной доли (включая гиппокамп) и способны кодифицировать семантические абстракции высокого уровня» [2, с. 13–14]. В наших целях важно подчеркнуть, что на деятельность человека накладывают печать определенные когнитивные установки. Автор делает вывод о том, что «онтогенетические и социокультурные факторы... в значительной степени порождают друг друга. Происходит “сонастройка” нейронных сетей, структурное сопряжение используемых в акте познания абстракций и социокультурного контекста, соответствующего данной когнитивной ситуации. Поэтому эта ситуация может интерпретироваться как реализация системной стратегии, составляющей ядро метода биокультурного со-конструктивизма» [2, с. 14].

Индивидуальный опыт личности, равно как и лингвистический и социокультурный опыт этносов, отражается на специфике нейронных сетей. Если мозг удивительный природный генератор и трансформатор энергии мысли в онтологическом смысле, то встает вопрос для науки будущего: как происходят практически мгновенные трансформации пространственных энергий в энергии и механизмы мозга, а затем их осознание во внутренней и артикулированной речи?

Проблемы логической методологии в исследованиях когнитивных культурных а priori

Для живущих на Земле людей окружающий их мир чувственно наблюдаем и предстает как внешний объект (объективная реальность), тогда как внутренний опыт, о котором свидетельствуют практикующие медитативные практики, отчасти можно передать, используя метод аналогий с жизненным опытом и техническими реалиями, через философские понятия (если развито теоретическое мышление), или представить визуально в образах и символах в искусстве. То, что мышление есть внутренний процесс, было осознано Платоном и Кантом. Известный советский и российский логик и методолог науки М.М. Новосёлов, размышляя над вопросом обоснования истинности аксиом, писал: «...определенный философский ответ на вопрос о том, каким образом частное может оказаться эквивалентом общего, дает только теория идей» [23, с. 295]. Платон пояснял действие **идей как априорных регуляторов** на примере мышления геометров: когда геометры «пользуются чертежами, их мысль обращена не на чертеж, а на те фигуры, подобием которых они служат. Выводы свои они делают только для четырехугольника самого по себе и его диагонали, а не для той диагонали, которую начертили» [25, с. 319]. Кант, обосновывая необходимость трансцендентальных схем как априорных посредников подведения явлений под категории, отмечал: «Этот схематизм нашего рассудка в отношении явлений есть скрытое в глубине человеческой души искусство, настоящие приемы которого нам вряд ли когда-либо удастся угадать у природы и раскрыть» [19, с. 223].

Абстракции (и понятия) выполняют функцию экономии мышления, свертывая опыт и пополняя его идеализациями (того, чего в опыте нет) в соответствии с когнитивными установками. Выделяют два противоположных пути формирования абстракций (и понятий). При объективном опыте «снизу вверх», исходя от конкретных ситуаций объективной реальности (или в связи со спецификой знаково-символических реальностей науки или искусства), метафизические абстракции образуются исходя из созерцательного опыта в иных реальностях и с иными знаковыми системами. Так, в концепциях эманации материального мира, будь то западно-

европейский неоплатонизм или индийская Веданта, предельные понятия Единого, Первоматери, Нуса (Махата) представляют собой абстракции высокой степени, образованные не из множества, а, наоборот, исходя из созерцания целого.

В философских штудиях высшие предельные абстракции постулируются как принципы, из которых конструируется многообразный мир (путь рассуждений «сверху вниз»). Считается, что методология рациональной науки оба хода мысли – от наблюдения и опыта и от рассуждения и логики (эмпиризм и платонизм) – унаследовала от античной культуры. В теориях эманации материальная Вселенная рождается из Единого начала через последовательные ступени дифференциации Единого элемента. Если платоники и герметические философы видят в конкретных вещах тени абстракций, то эмпирики, наоборот, в абстракциях видят лишь тени вещей.

В образовании понятий эмпирической метафизики действует *принцип единственности*, методологически – путь «сверху вниз», от синтеза к анализу, от недифференцированного состояния Вселенной к дифференцированному. Например, в индийской эстетике наслаждение становится критерием истинного переживания высшей реальности как синтеза истины, добра и красоты. Согласно индийским философам, единая сущность (ноумен) может быть представлена и в музыкальном образе, и в концептуальном понятии (феномены).

Интересно, что репрезентацию метафизических предельных понятий как результатов осмысления сверхчувственного опыта можно пояснить с использованием инструментария рациональной западноевропейской логики. Так, в учебнике логики В.А. Бочарова и В.И. Маркина [3] образование видов понятий по объему и содержанию основано на теоретико-множественных представлениях. От понятий о конкретных объектах и их совокупностях через специальные операции доходят до абстрактных понятий универсалий, их свойств и отношений. При этом абстрагирование дополняет принцип идеализации как дополнение абстрагирования от излишних свойств конструированием новых, идеальных свойств. Так порождаются знаково-символические реальности науки. Прием гипостазирования в теоретическом конструировании имеет положительное значение. Универсалии могут стать идеальными объектами; как правило, вводится иерархия абстракций. Метафизическое понятие Единого, Первоначала через пояснение как «бытийности», того, что до бытия или не бытия (ноумен ноумена), благодаря чему возможно и то, и другое, служит примером предельной абстракции.

Неправомерно отождествлять западную логику с аристотелевской логикой, а также выделять обобщение как доминирующий и чуть ли не един-

ственный способ образования понятий в западной логике [24]. Если ставить вопрос о западноевропейской рациональности, то стоит обратить внимание на профессиональное научное мышление или логику научного познания. Развивая интервальную концепцию абстрагирования, М.М. Новосёлов придает обобщению смысл формы (метода) «приращения и организации знания путем перехода на более высокую степень абстракций» [22, с. 290]. Детальный анализ показывает, что обобщение не сводится к индукции, которая лишь один из видов обобщения.

От обобщающей абстракции отличается абстракция отождествления, которая родилась в конструктивном направлении математики. Если в операции обобщения идут по методу Платона «сверху вниз», когда предлагается подвести различные объекты под заранее заданное правило, то в при отождествлении ультраинтуиционисты предлагают процедуру порождения общих абстрактных «снизу вверх», действуя достаточно жестко и не принимая никакой неопределенности, отвергая попытки представить нечеткость как «универсальную реальность человеческого существования» [23, с. 164]. Тождественность объектов доказывается через подходящую процедуру, а не допускается *a priori*.

Нетрудно заметить, что задание смысла понятия (или идеального объекта) через процедуру его порождения коррелирует с китайским классическим конструктивизмом в формах стратеминого мышления [20]. Процедурный метод позволяет различать противоречие в классической логике и тезис-антитезис в теории аргументации. Формулировка тезиса и антитеза только на поверхностном уровне языка выглядит как классическое противоречие, тогда как при восстановлении контекстов (проведения процедуры смыслопорождения) складывается неклассическая логическая ситуация [11].

С методологической точки зрения необходимо различать онтологические и гносеологические аспекты проблемы абстрагирования. В онтологическом аспекте постулируются абстрактные сущности *a priori* (в метафизике, например, монады Лейбница, в индийских упанишадах Атман как внутреннее «Я», субъективный индивидуальный принцип, совпадающий с бытием как таковым, Брахманом). В гносеологическом аспекте рассматриваются вопросы возможного познания таких объектов (сущностей, ноуменов). На языке логики в случае гносеологического абстрагирования говорят скорее об индивидуальных концептах, чем об индивидуальных видах. Например, индивид может быть представлен не как объект, а как «свойство свойств». Интересно, что для рационального мышления именование представляет собой формальную процедуру, тогда как в магических практиках имя суть конфигурация энергий, которая связывается с владельцем имени.

Проблемы неосознаваемой работы сознания, разных исходных интуиций пространства и времени, приоритизации единства или множественности, различий между субстанциальной и процессуальной логиками, которые обсуждаются в работах А.В. Смирнова [27], имеют аналоги в логике абстракций. Так, субстанциональная логика опирается на абстракцию постоянства, а процессуальная, соответственно, на закон изменения мира вещей или мира сознания (состояний сознания). В научной практике постоянство (инвариантность) и изменчивость (вариативность) дополняют друг друга. Принципы сохранения в формулируемых законах природы предполагают абстракцию от изменяющихся явлений, принцип аппроксимации в построении математических моделей предполагает абстракцию от точности, которой можно пренебречь. Как уже было сказано, процедура отождествления опирается на осуществление определенных действий, которые могут быть привязаны к конкретным условиям опыта.

Если в обобщающей абстракции сохраняется полное понимание одновременного сходства и различия объектов, то в случае конструктивной абстракции отождествления, как пишет Новосёлов, есть возможность заменить онтологический универсум одинаковых и конкретных объектов гносеологическим универсумом абстрактных объектов, абсолютно различных и индивидуализированных. Здесь мы подошли к классической для философии проблеме индивидуации, методологическое понимание которой играет важную роль в современных социальных исследованиях. Стало модным в среде социологов, политологов, культурологов, историков и философов при обсуждении цивилизационных процессов и разнообразия культур оперировать понятием «идентичность». Идентичность основана на абстракциях отождествления и индивидуации, что напрямую связано с классическими философскими проблемами многого и единого. Взятые по отдельности множественность и индивидуация порождают противоположные проблемы. Как пишет Новосёлов, «множественность опирается на принципы подобия и воспроизводимости, индивидуация, наоборот, — на принципы различия и неповторимости. <...> Индивидуализация (как узнавание) всегда *уточнение*. Отождествление, напротив, обычно *огрубление*» [23, с. 117]. В исследованиях культурных когнитивных a priori имеет значение именно гносеологическая абстракция индивидуации, которая опирается на информацию о культурах и этнических особенностях восприятия и сознания. В априорных концепциях индивидуации последняя понимается как «внутренний процесс (внутреннее начало) реализации личности, тождественной самосознанию» [23, с. 145]. У Канта это обеспечивается «единством апперцепции». То же можно сказать и относительно культур как уникальных феноменов.

Последнее замечание хочется сделать относительно методологии рассуждений по образцу в Древнем Китае. Как обосновывает в своих работах А.А. Крушинский, в их основе лежит репрезентативное абстрагирование, причем встает проблема условия и выбора репрезентанта.

Заключение

С методологической точки зрения диалог культур и актуальные исследования по географии рациональности целесообразно рассмотреть в перспективе будущего и формирующейся тенденции на сближение и гармонизацию многообразного в едином целом, общечеловеческой ноосфере. Согласно законам когнитивной эволюции, актуальное когнитивное *a priori* культур складывалось в ходе *a posteriori*, тысячелетнего пути приобретения опыта проб и ошибок, ценных накоплений, его свертывания в генно-культурном аппарате (в когнитивных способностях). Рациональные и иррациональные когнитивные практики соотносятся с разными диапазонами восприятия и разными перспективами. Коэволюция разума шла в сопряжении с различными природно-космическими и социально-культурными средами. В ходе эволюции творчески новое (вариативное) возникало в узлах (в истоках, точках бифуркации), которые при сравнительном анализе можно принять как инвариантное в вариативном. Различные пути формирования эпистемических культур Востока (в том числе на основе медитативных практик) и техногенного Запада не только параллельны, но дополняют друг друга и могут иметь точки соприкосновения и ростки будущего творческого развития. Любой диалог способствует ассимиляции сознаний. Неправомерно сегодня сравнивать методологические особенности азиатских и европейских рациональностей, исходя из исторически первой модели аристотелевской логики. Логика абстракций, развитая в научном мышлении Запада, может служить инструментом понимания особенностей образования философских категорий различных школ.

Актуальна проблема исследования когнитивных *a priori*, которые обеспечивают исследователям понимание Другого, особенно когда делаются переводы с одного языка на другой, еще и при резко отличающихся менталитетах (когнитивных способностях и стилях мышления).

На протяжении практически всей истории человечества до рационального периода когнитивной эволюции было распространено образно-мифологическое, символическое мышление. Как показывает О.А. Донских, движение к научному, понятийному представлению реальности «происходит в несколько этапов, причем данный процесс является не прямым движением от мифа к логосу, они двигаются параллельно друг к другу. На определенном этапе развития в языках появляются пары, обозначаю-

щие, в зависимости от контекста, как богов, так и их функции» [17, с. 245]. Понятия в рациональном мышлении, в отличие от символов и образов, задают смыслы напрямую, но понятия не исключают важной роли метафор и символов в коммуникациях, соединяя мышление разных людей, «при разных субъективных интерпретациях» (О.А. Донских). Важную роль в образовании понятий философами с конца VI века начинает играть словообразование. Происходит субстантивация глаголов и прилагательных, зарождаются философские категории, такие как, например, «бытие», «апейрон» [17, с. 248]. Существенно то, что происходит смена когнитивных оснований мышления, которое получает свободу в смыслопорождении и доказательствах «словами» (в математике) [7]. Наглядный конструктивизм в западноевропейской традиции не сходит с интеллектуального пространства, но обретает абстрактные черты.

В лингвистическом отношении, возможно благодаря субстантивации глаголов и прилагательных в когнитивной эволюции языка, в западноевропейском мышлении стала доминировать С-логика в терминологии А.В. Смирнова. П-логика действий, укорененная в арабском языке, эволюционировала по собственной линии, равно как китайская стратегическая логика. Проблема понимания Другого при такой разности, на мой взгляд, – это проблема нового витка когнитивной эволюции в условиях массовых коммуникаций в динамично развивающемся современном мире. Можно наблюдать становление ассимилированных форм сознания и языка. Очередной задачей методологов является нахождение принципов ассимиляции сознаний в межкультурных и трансдисциплинарных коммуникациях.

Литература

1. Аршинов В.И., Янукович М.Ф. Проблема наблюдателя и искусственные нейросети: на пути к трансдисциплинарной концепции // Вопросы философии. – 2025. – № 12. – С. 72–89.
2. Бажанов В.А. Абстрагирование и абстракции в оптике нейронауки // Эпистемология и философия науки. – 2021. – Т. 58, № 2. – С. 6–18.
3. Бочаров В.А., Маркин В.И. Основы логики. – М.: Космополис, 1994. – 272 с.
4. Бреус Т.К. Влияние «космической погоды» на биологические объекты // Земля и Вселенная. – 2009. – № 3. – С. 53–62.
5. Буданов В.Г. Мир сложности Владимира Аршинова: от физики к философии науки // Вопросы философии. – 2025. – № 12. – С. 65–71.
6. Варела Ф. Томпсон Э., Рош Э. Отелесненный ум: когнитивная наука и человеческий опыт / пер. с англ. К. Тулуновой; отв. ред. В. Лысенко, предисл. В. Лекторского. – М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2023. – 456 с.
7. Веденова Е.Г. Противоречие и становление теоретического знания // Мысль и искусство аргументации. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 301–322.

8. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988. – 520 с.
9. Вернадский В.И. Автотрофность человечества // Русский космизм: антология философской мысли / сост. С.Г. Семеновой, А.Г. Гачевой. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – С. 288–303.
10. Владимирский Б.М., Панчелюга В.А. Максимальная резонансность солнечной системы – полвека размышлений и дискуссий // Метафизика. – 2021. – № 4 (42). – С. 107–117.
11. Герасимова И.А. П.А. Флоренский о противоречии (логико-методологический анализ) // Логические исследования. – 2012. – № 18. – С. 77–96.
12. Герасимова И.А., Мильков В.В., Симонов Р.А. Сокровенные знания Древней Руси. – М.: Кнорус, 2015. – 680 с.
13. Сложность и проблема единства знания. Вып. 2. Множественность реальностей в сложном мире / И. Герасимова, М. Бургете Аяла, Л. Киященко, В. Розин. – М.: ИФРАН, 2019. – 252 с.
14. Гиндилис Л.М. Научное и метанаучное знание. – М.: Дельфис, 2012. – 576 с.
15. Гиппократ. Избранные книги / пер. с греч. В.И. Руднева; ред. вступ. ст. и примеч. В.Р. Карпова. – М.: Гос. изд-во биол. и мед. лит., 1936. – 736 с.
16. “Диоптра” Филиппа Монотропа: антропологическая энциклопедия православного Средневековья / изд. подгот. Г.М. Прохоров, Х. Миклаас, А.Б. Бильдюг; отв. ред. М.Н. Громов. – М.: Наука, 2008. – 733 с.
17. Донских О.А. От символического миропредставления к научному // Синтез знания и красоты: к 150-летию со дня рождения Н.К. Рериха. – М. [и др.], 2024. – С. 245–249.
18. Йога сутра. Шива сутра / пер. и коммент. Гуруджи Шри Шайлендры Шармы; пер. с англ. Шанти Натхани (Марии Николаевой). – М.: Ритамбхара, 2007. – 92 с.
19. Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 3 / под общ.ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. – М.: Мысль, 1964. – 799 с.
20. Крушинский А.А. Логика Древнего Китая // Философский журнал. – 2016. – Т. 9, № 4. – С. 111–128.
21. Меркулов И.П. Когнитивная эпистемология. – М.:РОССПЭН, 1999. – 310 с.
22. Монтегье Ш.А. О духе законов / пер. А. Горнфельда; вступ. ст. Д. Хаустова. – М.: РИПОЛ классик, 2019. – 690 с.
23. Новосёлов М.М. Абстракция в лабиринтах познания: логический анализ. – М.: Идея-Пресс, 2010. – 408 с.
24. Парибок А.В. О главных отличиях индийской науки о методической рациональности от западной традиции логики // Философский журнал. – 2024. – Т. 17, № 1. – С. 73–83.
25. Платон. Сочинения. В 4 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1994. – 654 с.
26. Симонов Р.А. Математическая и календарно-астрономическая мысль Древней Руси (по данным средневековой книжной культуры). – М.: Наука, 2007. – 431 с.
27. Смирнов А.В. Слово и смысл. – М.: Садра, 2024. – 158 с.

28. Смирнов А.В. О проекте «География рациональности» // Идеи и идеалы. – 2025. – Т. 17, № 3, ч. 2. – С. 282–283.
29. Трубецкой К.Н., Галченко Ю.П. Геоэкология освоения недр Земли и экотехнологии разработки месторождений. – М.: Научтехиздат, 2015. – 360 с.
30. Учение Живой Этики. Листы сада Мории. Озарение. 1925. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: МЦР, 2016. – 336 с.
31. Чижевский А.А. Земное эхо солнечных бурь. – М.: Мысль, 1976. – 230 с.

Reference

1. Arshinov V.I., Yanukovich M.F. Problema nablyudatelya i iskusstvennye neiroseti: na puti k transdistsiplinarnoi kontseptsii [The observer problem and artificial neural networks: towards a transdisciplinary observer concept]. *Voprosy filosofii = Russian Studies in Philosophy*, 2025, no. 12, pp. 72–89. (In Russian).
2. Bazhanov V.A. Abstragirovanie i abstraksii v optike neironauki [Abstraction through the lens of neuroscience]. *Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science*, 2021, vol. 58, no. 2, pp. 6–18.
3. Bocharov V.A., Markin V.I. *Osnovy logiki* [Fundamentals of logic]. Moscow, Kosmopolis Publ., 1994. 272 p.
4. Breus T.K. Vliyanie «kosmicheskoi pogody» na biologicheskie ob’ekty [Influence of cosmic weather upon biological objects]. *Zemlya i Vselennaya*, 2009, no. 3, pp. 53–62. (In Russian).
5. Budanov V.G. Mir slozhnosti Vladimira Arshinova: ot fiziki k filosofii nauki [The World of Complexity of Vladimir Arshinov: From Physics to the Philosophy of Science]. *Voprosy filosofii = Russian Studies in Philosophy*, 2025, no. 12, pp. 65–71. (In Russian).
6. Varela F.J., Thompson E., Rosch E. *The Embodied Mind: Cognitive Sciences and Human Experience*. Cambridge, London, The MIT Press, 1991 (Russ. ed.: Varela F. Thompson E., Rosh E. *Otelesnennyi um: kognitivnaya nauka i chelovecheskii opyt*. Moscow, Fond «Sokhranim Tibet» Publ., 2023. 456 p.).
7. Vedenova E.G. Protivorechie i stanovlenie teoreticheskogo znaniya [Contradiction and the formation of theoretical knowledge]. *Mysl’ i iskusstvo argumentatsii* [Thought and the art of argumentation]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2003, pp. 301–322.
8. Vernadsky V.I. *Filosofskie mysli naturalista* [Philosophical Thoughts of a Naturalist]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 520 p.
9. Vernadsky V.I. Avtotrofnost’ chelovechestva [Autotrophy of Humanity *Russkii kosmizm: antologiya filosofskoi mysli* [Russian Cosmism: An Anthology of Philosophical Thought]. Moscow, Pedagogika-Press Publ., 1993, pp. 288–303.
10. Vladimirsky B.M., Panchelyuga V.A. Maksimal’naya rezonansnost’ solnechnoi sistemy – polveka razmyshlenii i diskussii [The resonant structure of solar system – half a century of reflection and discussion]. *Metafizika = Metaphysics*, 2021, no. 4 (42), pp. 107–117.

11. Gerasimova I.A. P.A. Florenskii o protivorechii (logiko-metodologicheskii analiz) [P.A. Florensky about the contradiction (logical and methodological analysis)]. *Logicheskie issledovaniya = Logical Investigations*, 2012, no. 18, pp. 77–96.
12. Gerasimova I.A., Mil'kov V.V., Simonov R.A. *Sokrovennye znaniya Drevnei Rusi* [Secret knowledge of Ancient Rus']. Moscow, Knorus Publ., 2015. 680 p.
13. Gerasimova I., Burguete Ayala M., Kiyashchenko L., Rozin V. *Slozhnostnost' i problema edinstva znaniya. Vyp. 2. Mnozhestvennost' real'nosti v slozhnostnom mire* [Complexity and the Problem of the Unity of Knowledge. Iss. 2. Multiplicity of Realities in a Complex World]. Moscow, IFRAN Publ., 2019. 252 p.
14. Gindilis L.M. *Nauchnoe i metanauchnoe znanie* [Scientific and metascientific knowledge]. Moscow, Del'fis Publ., 2012. 576 p.
15. Hippocrates. *Izbrannye knigi* [Selected Books]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo biologicheskoi i meditsinskoi literatury Publ., 1936. 736 p. (In Russian).
16. Gromov M.N., ed. *"Dioptra" Filippa Monotropa: antropologicheskaya entsiklopediya pravoslavnogo Srednevekov'ya* ["Dioptra" by Philippe Monotrope]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 733 p.
17. Donskikh O.A. Ot simvolicheskogo miropredstavleniya k nauchnomu [From the symbolic worldview to the scientific one]. *Sintez znaniya i krasoty: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya N.K. Rerikha* [Synthesis of Knowledge and Beauty. On the 150th Anniversary of N.K. Roerich's Birth]. Moscow, 2024, pp. 245–249.
18. *Joga sutra. Shiva sutra* [Yoga Sutra. Shiva Sutras]. Moscow, Ritambhara Publ., 2007. 92 p. (In Russian).
19. Kant I. *Sochineniya. V 6 t. T. 3* [Works. In 6 vol. Vol. 3]. Moscow, Mysl' Publ., 1964. 799 p. (In Russian).
20. Krushinskii A.A. Logika Drevnego Kitaya [Logic in Ancient China]. *Filosofskii zhurnal = Philosophy Journal*, 2016, vol. 9, no. 4, pp. 111–128.
21. Merkulov I.P. *Kognitivnaya epistemologiya* [Cognitive epistemology]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999. 310 p.
22. Montesquieu Ch.L. *O dukhe zakonov* [On the Spirit of Laws]. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2019. 690 p. (In Russian).
23. Novoselov M.M. *Abstraktsiya v labirintakh poznaniya: logicheskii analiz* [Abstraction in the Labyrinths of Cognition. Logical Analysis]. Moscow, Ideya-Press Publ., 2010. 408 p.
24. Paribok A.V. O glavnykh otlichyakh indiiskoi nauki o metodicheskoi ratsional'nosti ot zapadnoi traditsii logiki [About the main differences of the Indian science of methodical rationality from the Western logical tradition]. *Filosofskii zhurnal = Philosophy Journal*, 2024, vol. 17, no. 1, pp. 73–83.
25. Plato. *Sochineniya. V 4 t. T. 3* [Works. In 4 vol. 3]. Moscow, Mysl' Publ., 1994. 654 p. (In Russian).
26. Simonov R.A. *Matematicheskaya i kalendarno-astronomicheskaya mysl' Drevnei Rusi (po dannym srednevekovoi knizhnoi kul'tury)* [Mathematical and calendar-astronomical thought of Ancient Rus (based on medieval book culture)]. Moscow, Nauka Publ., 2007. 431 p.

27. Smirnov A.V. *Slovo i smysl* [Word and Meaning]. Moscow, Sadra Publ., 2024. 158 p.
28. Smirnov A.V. O proekte «Geografiya ratsional'nosti» [About the project “Geography of Rationality”]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2025, vol. 17, iss. 3, pt. 2, pp. 282–283.
29. Trubetskoi K.N., Galchenko Yu.P. *Geoekologiya osvoeniya nedr Zemli i ekotekhnologii razrabotki mestorozhdenii* [Geoecology of the development of the Earth's interior and eco-technologies of field development]. Moscow, Nauchtekhizdat Publ., 2015. 360 p.
30. *Uchenie Zhivoi Etiki. Listy sada Morii. Ozarenie* [The Teaching of Living Ethics. Leaves of Morya's Garden. Illumination]. 1925. 2nd ed. rev. Moscow, MIsR Publ., 2016. 336 p.
31. Chizhevsky A.L. *Zemnoe ekho solnechnykh bur'* [Earthly echo of solar storms]. Moscow, Mysl'Publ., 1976. 230 p.

Статья поступила в редакцию 22.12.2025.

Статья прошла рецензирование 11.01.2026.

The article was received on 22.12.2025.

The article was reviewed on 11.01.2026.

«Страсти по цивилизации»: по мотивам одной дискуссии

Попков Юрий Владимирович,

*доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник отдела социальных
и правовых исследований Института философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук,
630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1036-9253>
yuripopkov54@mail.ru*

Аннотация

Статья написана по мотивам дискуссии, которая состоялась на конференции «Цивилизационная идентичность России. Поиск новой модели самоописания». Она организована Изборским клубом в декабре 2024 года и посвящена актуальным вопросам осмысления цивилизационного своеобразия России и ее будущего. Выделяются проблемные вопросы обсуждаемой тематики. Автор оценивает современную ситуацию в сфере цивилизационного дискурса как «страсти по цивилизации», имея в виду часто поверхностное, не в должной мере строгое рассмотрение научных и политических вопросов, касающихся цивилизационной проблематики, в том числе официального отмежевания от западной цивилизации и провозглашения России самостоятельным государством-цивилизацией. Аргументируется неправомерность отождествления российской цивилизации с русской цивилизацией, русским миром, русским каноном, поскольку это может провоцировать ксенофобию, обострение межнациональных отношений, вызывать русский шовинизм и одновременно национализм представителей нерусских народов. Важно также, что такая установка направлена против самих русских, так как она, по сути, исходит из отрицания их собственного этнокультурного своеобразия как отдельного народа, наряду с другими народами страны. Отстаивается позиция, что Россия – это не (не просто) государство-цивилизация, а евразийская цивилизация. Евразийство понимается не только как научная концепция или политическая доктрина, но и как социокультурный тип с особой системой этносоциальных взаимодействий и ценностных ориентиров образующих его народов.

Делается вывод, что успешность обсуждения и практической реализации официально объявленной смены цивилизационного выбора России будет во многом определяться тем, насколько они связаны и соответствуют реальному образу жизни, представлениям, интересам и ценностям населения. Он может быть также осуществлен только при условии настройки

всей политической системы в соответствии с фундаментальными социокультурными основами развития России, иначе провозглашенный на государственном уровне дискурсивный цивилизационный поворот останется пустыми словами, некоторой фантазией, благопожеланием или политической уловкой.

Ключевые слова: Россия, государственная политика, цивилизация, российская цивилизация, русский мир, евразийство, Изборский клуб.

“Passion for Civilization”: Based on a Discussion

Yuri Popkov,

Dr. Sc. (Philosophy), Professor,

Chief Researcher of the Department of Social

and Legal Research, Institute of Philosophy and Law,

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1036-9253>

yuripopkov54@mail.ru

Abstract

This article is based on a discussion that took place at the conference “Russia’s Civilizational Identity: The Search for a New Model of Self-Description”. Organized by the Izborisk Club in December 2024, it focused on current issues in understanding Russia’s civilizational identity and its future. The author highlights the problematic issues of the topic under discussion, assesses the current situation in the sphere of civilizational discourse as a ‘passion for civilization’, as it often addresses scientific and political issues related to civilizational themes in a superficial and insufficiently rigorous manner, including the official proclamation of Russia as a civilizational state. He argues that equating Russian civilization (the Russian Federation) with Russian civilization (ethnicity), the Russian world, and the Russian canon is unjustified, as this could provoke xenophobia, exacerbate interethnic relations, and simultaneously fuel Russian chauvinism and nationalism among representatives of non-Russian peoples. This attitude is directed against the Russians themselves, as it essentially denies their own ethnocultural distinctiveness as a distinct people, alongside other peoples of the country. The author defends the position that Russia is not (or simply is not) a state-civilization, but a Eurasian civilization. He understands Eurasianism not only as a scientific concept or political doctrine, but also as a sociocultural type with a distinct system of ethnosocial interactions and value orientations of the peoples comprising it.

He concludes that the success of the discussion and practical implementation of the officially declared shift in Russia’s civilizational choice will largely depend on the extent to which these changes are connected and correspond to the actual lifestyle, perceptions, interests, and values of the population. This shift can also be realized only if the entire political system is aligned with the fundamental sociocultural foundations of Russia’s development. Otherwise, the discursive

civilizational shift proclaimed at the state level will remain empty words, a fantasy, a wishful thinking, or a political ploy.

Keywords: Russian Federation, state policy, civilization, Russian (the Russian Federation) civilization, Russian world, Eurasianism, Izborsk Club.

Библиографическое описание для цитирования:

Попков Ю.В. «Страсти по цивилизации»: по мотивам одной дискуссии // Идеи и идеалы. – 2026. – Т. 18, № 2, ч. 2. – С. 342–358. – DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.2.2-342-358.

Popkov Yu. “Passion for Civilization”: Based on a Discussion. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2026, vol. 18, iss. 2, pt. 2, pp. 342–358. DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.2.2-342-358.

Вводные замечания

Предваряя содержательный анализ заявленной темы, сделаю два замечания.

Во-первых, поводом для написания данной статьи явилась дискуссия, имевшая место на конференции «Цивилизационная идентичность России. Поиск новой модели самоописания», которая прошла в декабре 2024 года и была организована руководителями Изборского клуба. Я присутствовал на этой конференции, знаком со всеми докладами. В них поднимались важные вопросы, в центре которых стояла цивилизационная тематика и тесно связанные с ней проблемы, касающиеся прошлого, настоящего и будущего России. Учитывая тот факт, что Изборский клуб в последнее время участвует в реализации важных исследовательских проектов в рамках данной проблематики, является здесь одним из наиболее влиятельных интеллектуальных центров страны и оказывает воздействие на принятие серьезных государственных решений, представляется оправданным обратиться к состоявшейся на конференции дискуссии, сфокусировав свое внимание на проблемных вопросах.

Во-вторых, за прошедшее с момента конференции время данная тема не потеряла своей актуальности. Напротив, ее обсуждение интенсифицировалось, прежде всего по причине официального провозглашения России в качестве государства-цивилизации, что стало важным ориентиром для разных направлений государственной политики. Одновременно многими представителями социальных наук данный факт был воспринят в качестве своеобразного политического заказа, к исполнению которого они приступили с особым рвением, можно даже сказать со страстью, подобной той, которая недавно захлестнула обществоведов в ответ на объявление на государственном уровне концепта «Большая Евразия» (Большое евразийское партнерство) как основополагающего ориентира во внешней

российской политике, предполагающей весь Евразийский континент [5]. Страсть здесь проявляется как увлеченность, часто не управляемая рассудком, и характеризуется отсутствием достаточной степени сознательности в использовании самого понятия Большой Евразии. Это же касается строгости в его содержательном наполнении, даже в той изменившейся ситуации, когда реальные ориентиры должны быть (и уже на практике частично) пересмотрены в условиях фронтального конфликта России с Западом – европейскими странами, которые можно рассматривать как Западную Евразию (часть Большой Евразии), уже фактически «выпавшую» из позитивных целевых установок внешней политики (см. об этом, в частности: [20, с. 11–36]).

Аналогичная ситуация имеет место применительно к острым дискуссиям по проблемам этноса, для диагностики которой также используется образ страстей («страстей... по этносу») [6].

Именно как опасность ухода в «страсти по цивилизации» я бы оценил разворачивающиеся в настоящее время дискуссии по поводу цивилизационной тематики и прежде всего восприятия России как государства-цивилизации. Для того чтобы как-то снизить порог такой опасности, важно осуществить серьезную и квалифицированную рефлексию всего этого дискурса. Требуется вести аргументированный, обоснованный разговор, не поддаваясь соблазну уйти в поверхностные и упрощенные представления о действительности как в рамках цивилизационведения (цивилизационистики) в целом, так и применительно к России, воспринимаемой в качестве цивилизации. Наличие такой поверхностности и, мягко говоря, слабости в освещении данной темы фиксирует Е.А. Тюгашев в одной из недавних работ, опубликованной в специализирующемся на проблемах цивилизационного развития журнале и посвященной анализу изданных в 2022–2024 гг. монографий о российской цивилизации. Он, в частности, пишет, с одной стороны, о недостаточной эмпирической обоснованности суждений по этому поводу, с другой стороны, об абстрактной концептуализации существующей эмпирии [17]. При этом справедливо констатирует: «В современной обстановке концепт российской цивилизации стал знаковым. Даже традиционные по тематике и подходам гуманитарные работы позиционируются как исследования российской цивилизации» [Там же, с. 179]. Наверняка поток таких работ, недостаточно глубоких и не вполне адекватных заявленной проблематике, в ближайшее время существенно возрастет.

Я не ставлю своей целью анализ понятия цивилизации, природы данного явления, свойственных ей признаков, существующих типологий или особенностей проявления в России. В планы не входит также подробное описание того, о чем говорили на отмеченной конференции докладчики,

поскольку в этом нет необходимости, так как основное содержание полемики отражено в опубликованных материалах [7]¹. Моя задача, можно сказать, скромная и очень конкретная – обозначить комплекс проблемных вопросов, которые в контексте состоявшейся на конференции полемики, с одной стороны, ее участниками не воспринимаются именно в качестве проблемных, с другой стороны, не нашли отражения в дискуссии, хотя, на мой взгляд, являются принципиально важными в рамках рассматриваемой тематики. Таким образом, разговор на конференции рассматривается как хороший повод для обсуждения серьезных для настоящего времени научных и политических вопросов.

О проблеме цивилизационного выбора

Прежде всего надо признать, что на конференции состоялся нужный и важный разговор по актуальным проблемам современного бытия и будущего России. Это, как отметил председатель Изборского клуба А.А. Проханов, выступая с вступительным словом, «серьезное метафизическое начинание», которое он связывает с философским прорывом, философским открытием, по систематизации, собиранию «разбросанных и растерзанных осколков» великих русских идейных композиций, «которые пошатнулись, были рассечены, частью уничтожены, частью распылены по огромным историческим пространствам» [7]. Речь идет о, можно сказать, фундаментальной традиции осмысления вопросов происхождения и особенностей России, российского государства и русского народа, их развития в исторической ретроспективе и перспективе.

Я бы только отметил, что это не начинание, а продолжение, поскольку подобный разговор произошел раньше, еще с известного спора западников и славянофилов. Точнее сказать, его начало можно отнести к еще более ранним временам, когда возник известный вопрос «Откуда есть пошла Русская земля?» или когда по этому поводу на Академическом собрании в Санкт-Петербурге вел серьезный спор М.В. Ломоносов со своим антагонистом Г.Ф. Миллером о происхождении русского народа и государства (обзор дискуссии по этому вопросу см. [15]).

Многое уже сделано в данном направлении и по линии активной деятельности самого Изборского клуба (см., например, фундаментальный доклад под редакцией заместителя председателя клуба В.В. Аверьянова, который и был модератором конференции, о месте России в формировании новых форм евразийской интеграции [2]). Но одновременно трудно согласиться с выводом А.А. Проханова о том, что колоссальная работа по систематике, «по собиранию этих осколков, стремление создать из них

¹ См. также: «Кто ты, Россия?..». К вопросу о нашей цивилизационной идентичности. URL: https://dzen.ru/a/aCyXVw_nonrq35Xq (дата обращения: 15.11.2025).

матрицу, выстроить из них гармоничное целое» — «эта работа во многом завершается» [7]. Как представляется, на самом деле эта работа применительно к текущей ситуации, после целенаправленной, но неудачной попытки властей внедрить Россию в западную мир-систему, западный «цивилизованный» мир, как раз только начинается, и много еще предстоит сделать, преодолевая многочисленные проблемные узлы и зоны, общими усилиями представителей разных дисциплинарных направлений обществознания и гуманитаристики.

В то же время можно согласиться с высказанной на конференции оценкой того, что официальное провозглашение России государством-цивилизацией имеет принципиальное для нее значение. Но далеко не все исследователи одобряют само это понятие с учетом в том числе различающейся природы, с одной стороны, государства как политического образования, с другой стороны, цивилизации как социокультурного феномена. Не всегда политика государства строится в соответствии с социокультурными особенностями страны, а порой находится в явном противостоянии с ними. Например, именно такого рода ситуация существовала в России после развала СССР, который имел во многом «рукотворный характер» [16, с. 3], когда новые власти, используя все возможные политические ресурсы и мощное внешнее влияние, стремились внедрить в обществе западную модель развития, отвергая, как ненужный, весь собственный предшествующий исторический, включая этнокультурный, опыт развития. И им во многом удалось поставить страну, как оценивают эксперты, на рельсы дикого капитализма, сформировав компрадорскую буржуазию и компрадорский политический класс. Но тогда политическое развитие России и ее социокультурный потенциал вошли в явное противоречие и ни о каком государстве-цивилизации не могло быть и речи, поскольку государство стремилось не укрепить, а разрушить существовавшие цивилизационные основания.

К вопросу о неопределенности и даже проблематичности понятия государства-цивилизации привлек внимание на конференции А.В. Иванов, приведя конкретные исторические примеры, когда государство реально работало не на упрочение, а на развал существующей цивилизации. При этом он справедливо исходит из признания теснейшей связи цивилизации и государства, понимая ее таким образом, что политическая организация, система управления «должны вырастать из цивилизационно-культурной почвы и работать на ее развитие и ее укоренение» [7]. Применительно именно к такой ситуации использование данного понятия может быть оправдано. Однако так в истории бывает далеко не всегда.

Вместе с тем в самом факте провозглашения в официальных государственных документах России государством-цивилизацией, на мой взгляд,

можно усмотреть важный позитивный смысл, поскольку в нем в концентрированном виде сфокусирован определенный стратегический ориентир, по крайней мере на уровне его провозглашения. Хочется надеяться, что данным шагом российские власти признали ошибочность цивилизационного выбора России после развала СССР и считают необходимым для нее иного цивилизационного пути развития. Сам этот факт я бы оценил как объявление о смене цивилизационного выбора. Но надо иметь в виду, что он может быть осуществлен только при условии настройки всей политической системы в соответствии с фундаментальными социокультурными основами развития России, иначе этот официально провозглашенный дискурсивный политический поворот останется пустыми словами, некоторой уловкой или фантазией, благопожеланием.

Одновременно здесь возникает много серьезных вопросов. Один из них: настолько корректным является само понятие цивилизационного выбора? Если исходить из понимания цивилизации как социокультурной реальности, закономерно формирующейся в общественном процессе, то говорить о выборе цивилизации вроде бы не приходится, поскольку она дана исторически, как продукт предшествующего развития. Если в соответствии с достаточно распространенным представлением, в том числе современных известных исследователей, что цивилизации – это всего лишь некоторый интеллектуальный конструкт, то разговор о цивилизационном выборе допустимо признать правомерным в том смысле, что он может восприниматься как некоторый идеальный образ потенциальной реальности и исходная точка в мобилизации людей на соответствующие действия. Так, применительно к развитию России в постсоветский период возможно предположить, что оно могло осуществляться по-разному, в соответствии с различающимися политическими выборами.

На самом деле реальность представляет собой диалектику объективного и субъективного, а следовательно, сам факт цивилизационного развития и его своеобразия применительно к конкретному историческому опыту конкретного сообщества и конкретному моменту времени задан, с одной стороны, определенными объективными условиями и предпосылками природно-географического и социокультурного характера, с другой стороны, выступает продуктом сознательной деятельности людей и политической элиты. Власть может играть и обычно играет здесь активную роль. Но при этом корректнее, конечно, говорить о цивилизации не как об интеллектуальном и социальном конструкте, а как о существующей реальности и ее возможном целенаправленном регулировании на основе идейного обоснования оптимальной модели перспективного общественного устройства. В этом смысле современную Россию можно рассматривать как находящуюся в ситуации осмысления и практической необходимости сме-

ны цивилизационного выбора с учетом ее собственных социокультурных особенностей. Поэтому обсуждаемая тема является весьма актуальной не только в научном, но и в практически-политическом отношении.

В плену западных научных и политических стандартов

На пути не только практической реализации желаемого выбора, но и самого обсуждения идеи цивилизационного своеобразия России и ее возможного будущего стоят многие сложности, о которых частично говорил на конференции В. Багдасарян, фиксируя, в частности, стремление либералов выхолостить содержание понятий цивилизации и государства-цивилизации [7]. В действительности проблема является гораздо более глубокой. Дело в том, что мы до сих пор живем в плену заимствованных на Западе в постсоветский период моделей развития, а также навязанного методологического и терминологического научного дискурса. Пример тому – и название нашей конференции, где речь идет об идентичности России (о данной проблеме обоснованно говорил в дискуссии С.Д. Баранов), а не, скажем, о принятых в отечественном дискурсе самосознании и ее самопознании (как, скажем, у Н. Бердяева, хотя в названии конференции присутствует «самоописание») или, еще лучше, об особенностях самой российской цивилизации как реального социокультурного явления, а не просто о некотором интеллектуальном конструкте или просто идентичности.

Западные стандарты укоренились в отечественной социогуманитаристике. В близкой мне области этнологических исследований, рассматриваемых в широком смысле, это проявляется в господстве конструктивистской методологической установки, антропоцентризма, а также темы этничности и идентичности в качестве базовых понятий и основного предметного поля науки. Они, как вирус, поразили весь корпус отечественных исследований в данной сфере и других отраслях обществознания. И уже возникает впечатление, что кроме постоянно меняющейся идентичности в обществе не существует ничего другого – ни реальных общественных явлений, ни социальных взаимодействий, ни процессов, ни институтов, ни традиций. Западные стандарты во многом противоречат природе, социокультурному опыту и истории России, а также традициям отечественного народоведения. И пока не видно, несмотря на кардинальный провозглашенный разворот от Запада, серьезных попыток по их искоренению или хотя бы по комплексной квалифицированной диагностике существующего здесь положения дел. О данной серьезной проблеме мне уже доводилось публиковать специальную обобщающую статью [10].

Но навязанный западный терминологический аппарат проник и в официальные доктринальные документы, прежде всего в Стратегию государственной национальной политики (далее Стратегия), о чем мне неод-

нократно доводилось писать и говорить, а также вести полемику с академиком В.А. Тишковым – инициатором и главным действующим лицом по продвижению западных либерально-индивидуалистических стандартов в науке и национальной политике.

Так, парадигмальной основой Стратегии является либерально-конструктивистско-инструменталистская установка, в том числе присутствующая в интерпретации ее базовых понятий, включая «российскую нацию», которая, по сути, ограничивается идентичностью. При этом заимствованное на Западе и навязанное академиком использование понятия нации применительно к российскому государству противоречит Конституции РФ (где для этого употребляется понятие «многонациональный народ», а не «российская нация», что не одно и то же). В то же время и в новом варианте Стратегии, принятой в ноябре 2025 года, «российская нация» как ее базовое понятие сохранилось, и сохранилось в смысле идентичности [18]. Это произошло уже после официального провозглашения России не нацией, а цивилизацией. Примечательно, что в свежих государственных документах понятие «российская нация» не употребляется².

Таким образом, навязанные западные стандарты не остались в прошлом, а сохраняются, причем не только в современном научном, но и политическом дискурсе, а также в реальной политической практике. Опасность такого развития событий состоит в том, что, как об этом пишет В.И. Пантин, «простое, некритическое заимствование и копирование западных политических институтов без их реформирования и адаптации к условиям современной России приведет либо к снижению эффективности этих институтов, либо к их серьезному перерождению» [8, с. 108]. В этой связи возникает вопрос к представителям Изборского клуба и организаторам конференции: участвовали ли они в подготовке новой редакции текста Стратегии (как это имеет место при работе над некоторыми другими важными государственными правовыми решениями)? Если нет, то это печально, поскольку речь идет о принципиально значимом доктринальном документе, который будет определять всю систему деятельности государственной власти в области национальной политики на ближайшее десятилетие.

В то же время надо иметь в виду, что часто неадекватными представлениями о российской действительности страдают не только российские прозападные (от науки и политики) либералы, но также новоявленные консерваторы и патриоты, в том числе те из них, которые используют отечественные методологические наработки. В этой связи можно сослаться

² См., например: Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534> (дата обращения: 15.12.2025).

на квалифицированный анализ отдельных подобных случаев, осуществленный В.М. Розиным на примере сайта «Царьград» и некоторых известных методологов, работающих «на возрождение России и спасение мира». Он, в частности, делает вывод, что их претендующие на релевантное описание действительности «модели и идеальные построения в настоящее время можно оценить или как очень бедное и упрощенное представление сложной реальности, или как вообще неверное знание» [11, с. 108].

Российская цивилизация versus русская цивилизация?

В настоящее время в научных и политических разговорах наблюдается интересная инверсия: либеральный конструктивистский дискурс меняется на, условно говоря, патриотический, но тоже по сути своей конструктивистский дискурс. Почему конструктивистский? Потому что чаще всего он остается на уровне предельно абстрактных построений, оторванных от существующей реальности. Боюсь, что при таком подходе многие, в том числе ценные, идеи могут оказаться простыми фантазиями или благопожеланиями.

И главный, на мой взгляд, недостаток, в том числе анализируемой дискуссии, состоит в отсутствии обсуждения условий и возможных механизмов движения к провозглашаемому идеалу «русской мечты» с учетом той ситуации, в которой Россия находится сейчас. А какова эта ситуация? Очевидно, что мы живем при капитализме, причем он не только снаружи, где-то там, на Западе, но и внутри нас (нас как страны, государства). Прав В. Багдасарян, утверждая, что (современный) капитализм антицивилизационен [7]. И что с этим делать? Почему-то об этом нет речи? Нет разговора о том, какова желаемая и возможная модель экономического, политического и этнокультурного развития России? Данные проблемы, убежден, должны стать фундаментальными вопросами для современных изысканий по рассматриваемой проблеме.

Примечательно в этой связи, что в ноябре 2025 года члены Изборского клуба выступили организаторами и главными спикерами второго по счету российско-индийского форума, который имеет характерное название «От Волги до Ганги. Диалог цивилизаций и интеграция рынков капитала». При этом в общей информации об итогах данного форума речь шла только о капитале, биржах, инвестициях, рейтинговых методиках и т. п. [3]. В аннотации планируемого третьего форума, который должен пройти в 2026 году в Индии, среди основных вопросов для обсуждения также обозначена исключительно «капиталистическая» тематика [12]. А где же проблематика, связанная с диалогом цивилизаций, с социокультурными основаниями взаимодействий России и Индии, которые имеют глубокие исторические корни, со сравнительным анализом (сходством) базисных цен-

ностей населения двух стран? Наличие многих параллелей и такого сходства мы с коллегами-сибиряками фиксируем по результатам современных теоретических и эмпирических исследований на примере Алтая и Гималаев [1]. Это важно учитывать в качестве значимых предпосылок российско-индийского сотрудничества, и такие исследования нуждаются в продолжении.

Мне импонирует разговор на конференции о русском мире как о достаточно сложном и многоаспектном явлении. Важно также, что никто из выступающих не отождествлял его с российским обществом в целом (российским миром), как это порой имеет место, в том числе в политических кругах, а также в публикациях и выступлениях представителей самого Изборского клуба. И, видимо, не случайно информация о данной конференции на сайте клуба вышла под названием «Модель самоописания Русской цивилизации. Конференция Изборского клуба». То есть все-таки русской, а не российской цивилизации.

Дело в том, что понятие «русский» не совпадает с содержанием понятия «российский», как бы этого кому-то сильно ни хотелось! И хотя даже политики замечают, что используют понятие «русский» в соответствующем контексте не в этническом смысле, большинство населения нашей страны его понимают именно в таком, этническом значении. Утверждаю это как профессиональный этносоциолог, специализирующийся в области не только теоретических, но и эмпирических этносоциальных исследований, опираясь на знание ситуации в реальной жизни, в общественном сознании. Поэтому настойчивое навязывание дискурса о «русском татарине, русском еврее, русском чеченце, русском чукче» ни к чему хорошему привести не может, поскольку такие явления, если и существуют (в основном в отдельных случаях, в определенном контексте и на уровне персональной идентичности), не являются общим правилом для России.

В целом я также признаю опасной активно пропагандируемую в последнее время другую (по сравнению с отмеченными выше либеральными представлениями о российской нации как гражданской идентичности) крайнюю позицию, смысл которой состоит в абсолютизации этнической проблематики в политическом контексте, когда пытаются свести все российское общество к русскому миру, русской цивилизации, русскому канону, русским кодам. Это – опасная трактовка, внедрение которой в практическую политику, как и концепта гражданской нации в конструктивистском ее понимании, может стимулировать ксенофобию, обострение межэтнических отношений и способно провоцировать, с одной стороны, русский шовинизм, с другой стороны, национализм представителей других народов, в том числе обвиняющих русских в имперских амбициях.

В конечном итоге обе обозначенные крайние позиции «работают», кроме прочего, против самих русских (что далеко не для всех является очевидным), так как, по сути, лишают их своего собственного этнокультурного своеобразия как отдельного народа, наряду с другими народами страны. На конференции о проблемной ситуации вокруг концепта «русский мир» убедительно говорил А.В. Иванов [7] (см. также об этом подробно: [13, с. 220–235]). На самом деле надо стремиться к реализации такой модели и уровня развития, где каждый мог бы гордиться тем, что он является не только гражданином России, но и, например, русским (татаринном, евреем, чеченцем, чукчей...), сибиряком, помором, красноярцем и т. д. Здесь должен действовать принцип взаимодополнительности, а не взаимоисключения.

Россия: государство-цивилизация versus евразийская цивилизация

Говоря о России как государстве-цивилизации, что уже стало, как отмечалось, своеобразной исследовательской и политической словоупотребительной модой, нельзя забывать о другом ее, теперь уже тоже официальном определении – как великой евразийской державы [5]. Исхожу из необходимости объединения двух ее ипостасей, поэтому целесообразно данные определения интегрировать в формуле «Россия – евразийская цивилизация», а не (не просто) «государство-цивилизация», понимая саму Россию в качестве «ядерной» составляющей евразийского социокультурного мира.

При этом важно отметить, что евразийство следует понимать не только как определенную научную концепцию или политическую доктрину, но и в качестве социокультурного типа с особой системой этносоциальных взаимодействий и ценностных ориентиров образующих его народов [4]. В данном контексте сущностную характеристику евразийства точно выразил П.Н. Савицкий: «...над Евразией веет дух своеобразного братства народов, имеющих свои корни в вековых соприкосновениях и культурных слияниях народов различных рас: от германской (крымские готы) и славянской до тунгусско-маньчжурской, через звенья финских, турецких, монгольских народов. Это братство народов выражается в том, что здесь нет противоположения высших и низших рас, что взаимное притяжение здесь сильнее, чем отталкивание, что здесь легко просыпается “воля к общему делу”» [14, с. 544–545]. Не менее значимыми основами евразийства и ценностными установками образующих его этносферу народов являются терпимость и взаимопонимание, умение слушать и слышать другого (заметьте, что в русском языке корень слова «другой» – это друг), ограничение этноцентризма и противодействие имперским устремлениям.

С точки зрения выделенных этнокультурных особенностей прошлое и настоящее России существенно отличаются от многих других, прежде все-

го западных, государств. Многонародность (многонациональность, многоэтничность) – историческая особенность нашей страны, которая выступает важной составляющей определения ее в качестве особой цивилизации. Примечательно, что такая постановка вопроса признается на самом высоком политическом уровне. Так, выступая на пленарном заседании Международного форума объединенных культур в сентябре 2025 года, Президент России отметил высочайшую ценность многообразия народов, «которое в своей гармонии и формирует нашу цивилизацию» [9]. К сожалению, цивилизационное развитие и этносоциальное развитие (развитие конкретных народов) часто воспринимаются как независимые процессы, хотя они являются взаимообусловленными (см., об этом, например: [20, с. 111–145]), что необходимо учитывать в развернувшемся активном цивилизационном моделировании и проектировании.

Отсюда следует, что разговор о цивилизационном будущем России должен вестись с учетом ее этносоциальной динамики. Этносоциальные процессы составляют основу цивилизационного развития, а этнокультурное разнообразие является условием обеспечения жизнеспособности социума на разных уровнях его организации. В настоящее время этнокультурное наследие объявлено государственным достоянием и даже принят соответствующий федеральный закон [19], правда, он касается почему-то только нематериального этнокультурного достояния. Разве материальное этнокультурное наследие и его современный потенциал не являются достоянием? И разве оно не нуждается в государственной поддержке?

Такое признание, если не сводить этнокультурное разнообразие к идентификации отдельных людей, как это имеет место в Стратегии государственной национальной политики, требует не унифицирующей, а довольно сложной системы государственного управления. К сожалению, в действовавшем до 2026 года варианте Стратегии даже не упоминался тот факт, что Россия является не просто нацией, а особым федеративным политическим образованием, где важную роль играет этническая составляющая. В ее новой редакции, принятой в декабре 2025 года, теперь упоминается про федерацию и даже про этническую идентичность, но это именно «упоминания», не встроенные в общую концептуальную схему Стратегии [18].

Заключение

Успешность обсуждения и практической реализации поднятых вопросов будет во многом определяться тем, насколько они связаны и соответствуют реальной жизни, реальным представлениям, реальным интересам и ценностным ориентирам реальных людей. Провозглашенное метафизическое начинание только тогда может привести к серьезному философскому открытию, когда сама эта философия будет практической филосо-

фией, т. е. исходить не из абстрактных благопожеланий, а из учета существующих потребностей и мировоззренческих ориентиров большинства жителей страны.

Ясно, что в данном случае мы имеем дело с «двусторонним движением», поскольку эти ориентиры формируются не только в практике предшествующей жизни, но и под влиянием четких, артикулированных целей и официально провозглашенных перспектив развития России, в том числе в их цивилизационной определенности. В любом случае необходима диагностика массового сознания по базовым проблемам обсуждаемой темы. И здесь не обойтись без помощи социологических (этносоциологических) исследований, которые желательно интегрировать в существующие исследовательские и политические проекты поиска моделей российского будущего. Сибирские участники конференции имеют богатый опыт конкретных изысканий, а также интеграции соответствующих философских и социологических наработок [1, 4, 13, 20], потому они могут оказаться полезными при решении данной задачи. Только при использовании потенциалов и результатов комплексных фундаментальных и прикладных исследований можно рассчитывать на успешное осуществление актуализированного в настоящее время поиска цивилизационного российского будущего.

Литература

1. Алтай и Гималаи как уникальные культурно-биосферные регионы Евразии / под ред. А.В. Иванова, И.В. Фотиевой. – Барнаул: РИО Алтайского ГАУ, 2017. – 336 с.
2. Аркаим XXI век – концепция геостратегического усиления России и ее союзников (доклад Изборского клуба под редакцией Виталия Аверьянова) // Изборский клуб. – 2023. № 1–2 (109–110). – С. 6–85.
3. Второй российско-индийский Форум «От Волги до Ганги» прошел в Москве // Изборский клуб. – 05.11.2025. – URL: <https://izborsk-club.ru/27519> (дата обращения: 10.01.2026).
4. Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / под ред. Ю.В. Попкова. – Новосибирск: Нонпарель, 2010. – 449 с.
5. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). – URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 15.12.2025).
6. Кузнецов А.М. Страсти по этносу или реквием по науке об этносе? – URL: <https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary/563/Кузнецов%20А.М.%20Страсти%20по%20этносу%20или%20реквием%20по%20науке%20об%20этносе.docx.pdf> (дата обращения: 15.12.2025).
7. Модель самоописания Русской цивилизации. Конференция Изборского клуба // Изборский клуб. – 12.12.2024. – URL: <https://izborsk-club.ru/26437> (дата обращения: 15.11.2025).

8. *Пантин В.И.* Цивилизационные особенности развития России в контексте современных социальных трансформаций // Вестник Института социологии. – 2021. – Т. 12, № 4. – С. 108–124.
9. Пленарное заседание Форума объединенных культур. 12.09.2025. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/77983> (дата обращения: 15.12.2025).
10. *Попков Ю.В.* Антропологический переворот и вызовы для этносоциологии (приглашение к дискуссии) // Социологические исследования. – 2024. – № 9. – С. 43–55.
11. *Розин В.М.* Провиденциальный путь России на фоне современного цивилизационного перехода // Идеи и идеалы. – 2025. – Т. 17, № 2, ч. 1. – С. 140–156.
12. Российско-Индийский форум «От Волги до Ганги. Диалог цивилизаций и интеграция рынков капитала». – URL: <https://rusinfor.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).
13. Россия в средокрестии пространств и времен (опыт синтетического цивилизационного подхода) / под ред. А.В. Иванова, И.В. Фотиевой. – Барнаул: Новый формат, 2025. – 303 с.
14. *Савицкий П.Н.* Географические и геополитические основы евразийства // Савицкий П.Н. Избранное. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 537–545.
15. *Соколов С.В.* Первая дискуссия по «варяжскому вопросу» в интеллектуальном пространстве эпохи (к спору Г.Ф. Миллера и М.В. Ломоносова) // Люди и тексты. Исторический альманах. – 2014. – № 5. – С. 252–271.
16. *Тоценко Ж.Т.* Была ли рукотворной геополитическая катастрофа СССР? // Социологические исследования. – 2021. – № 7. – С. 3–13.
17. *Тюгашев Е.А.* В фокусе внимания российская цивилизация // Проблемы цивилизационного развития. – 2024. – Т. 6, № 1. – С. 177–191.
18. Указ Президента Российской Федерации от 25.11.2025 № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511250024> (дата обращения: 15.12.2025).
19. Федеральный закон от 20 октября 2022 г. № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48445> (дата обращения: 15.12.2025).
20. Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития / под ред. А.В. Иванова. – Барнаул: Новый формат, 2022. – 368 с.

References

1. Ivanov A.V., Fotieva I.V., eds. *Altai i Gimalai kak unikal'nye kul'turno-biosfernye regiony Evrazii* [Altai and the Himalayas as Unique Cultural-Biosphere Regions of Eurasia]. Barnaul, Altai State Agrarian University Publ., 2017. 336 p.
2. Aver'yanov V., ed. *Arkaim XXI vek – kontseptsiya geostrategicheskogo usileniya Rossii i ee soyuznikov* (doklad Izborskogo kluba pod redaktsiei Vitaliya Aver'yanova)

[Arkaim in the 21st Century: A Concept for the Geostrategic Strengthening of Russia and Its Allies (Izborsk Club Report)]. *Izbornskii klub*, 2023, no. 1–2 (109–110), pp. 6–85. (In Russian).

3. *Vtoroi rossiisko-indiiskii Forum «Ot Volgi do Gangi» proshel v Moskve* [The Second Russian-Indian Forum «From the Volga to the Ganges» was held in Moscow]. *Izbornskii klub* [Izborsk Club], 05.11.2025. Available at: <https://izborsk-club.ru/27519> (accessed 10.01.2026).

4. Popkov Yu.V., ed. *Evraziiskii mir: tsennosti, konstanty, samoorganizatsiya* [The Eurasian World: Values, Constants, Self-Organization]. Novosibirsk, Nonparel' Publ., 2010. 449 p.

5. *Kontseptsiya vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii (utv. Prezidentom Rossiiskoi Federatsii V.V. Putinym 31 marta 2023 g.)* [The Foreign Policy Concept of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023)]. Available at: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (accessed 15.12.2025).

6. Kuznetsov A.M. *Strasti po etnosu ili rekviev po nauke ob etnose?* [Passions for Ethnos or a Requiem for the Science of Ethnos?]. Available at: <https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary/563/Кузнецов%20А.М.%20Страсти%20по%20этносу%20или%20реквием%20по%20науке%20об%20этнoсе.docx.pdf> (accessed 15.12.2025).

7. Model' samoopisaniya Russkoi tsivilizatsii. Konferentsiya Izborskogo kluba [The Self-Government Model of Russian Civilization. Conference of the Izborsk Club]. *Izbornskii klub* [Izborsk Club], 12.12.2024. Available at: <https://izborsk-club.ru/26437> (accessed 15.11.2025).

8. Pantin V.I. Tsivilizatsionnye osobennosti razvitiya Rossii v kontekste sovremennykh sotsial'nykh transformatsii [Civilizational features of the development of Russia in the context of modern social transformations]. *Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology*, 2021, vol. 12, no. 4, pp. 108–124.

9. *Plenarnoe zasedanie Foruma ob "edinennykh kultur* [Plenary session of the Forum of United Cultures]. 12/09/2025. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/77983> (accessed 15.12.2025).

10. Popkov Yu.V. Antropologicheskii perevorot i vyzovy dlya etnosotsiologii (priglasenie k diskussii) [Anthropologist Overturn and Challenges for Ethno-Sociology (Invitation to Discussion)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2024, no. 9, pp. 43–55.

11. Rozin V.M. Providentsial'nyi put' Rossii na fone sovremennogo tsivilizatsionnogo perekhoda [The Providential Path of Russia Against the Background of the Modern Civilizational Transition]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2025, vol. 17, iss. 2, pt. 1, pp. 140–156.

12. *Rossiisko-Indijskij forum «Ot Volgi do Gangi. Dialog civilizatsij i integratsiya ry`nkov kapitala»* [Russo-Indian Forum «From the Volga to the Ganges: Dialogue of Civilization and Integration of Capital Markets»]. Available at: <https://rusinfor.ru/> (accessed 10.01.2026).

13. Ivanov A.V., Fotieva I.V., eds. *Rossiya v sredokrestii prostranstv i vremen (opyt sinteticheskogo tsivilizatsionnogo podkhoda)* [Russia at the Crossroads of Spaces and Times (an Experience of a Synthetic Civilizational Approach)]. Barnaul, Novyi format Publ., 2025. 303 p.

14. Savitskii P.N. Geograficheskie i geopoliticheskie osnovy evraziistva [Geographical and Geopolitical Foundations of Eurasianism]. Savitskii P.N. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 537–545.

15. Sokolov S.V. Pervaya diskussiya po «varyazhskomu voprosu» v intellektual'nom prostranstve epokhi (k sporu G.F. Millera i M.V. Lomonosova) [The First Discussion on the «Varangian Question» in the Intellectual Space of the Era (on the Dispute between G.F. Miller and M.V. Lomonosov)]. *Ljudi i teksty. Istoricheskii al'manakh = People and Texts. Historical Almanac*, 2014, no. 5, pp. 252–271.

16. Toshchenko Zh.T. Byla li rukotvornoi geopoliticheskaya katastrofa SSSR? [Was the Geopolitical Catastrophe of the USSR Man-Made?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2021, no. 7, pp. 3–13.

17. Tyugashev E.A. V fokuse vnimaniya rossiiskaya tsivilizatsiya [Russian civilization in the focus of attention]. *Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya = Civilization Studies Review*, 2024, vol. 6, no. 1, pp. 177–191.

18. *Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 25.11.2025 № 858 «O Strategii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2036 goda»* [Decree of the President of the Russian Federation of November 25, 2025 No. 858 «On the Strategy of State National Policy of the Russian Federation for the Period through 2036»]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511250024> (accessed 15.12.2025).

19. *Federal'nyi zakon ot 20 oktyabrya 2022 g. № 402-FZ «O nematerial'nom etnokul'turnom dostoyanii Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law of October 20, 2022 No. 402-FZ «On the Intangible Cultural Heritage of the Russian Federation»]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48445> (accessed 15.12.2025).

20. Ivanov A.V., ed. *Tsivilizatsionnaya missiya Sibiri: ot tekhnogenno-potrebitel'skoi k dukhovno-ekologicheskoi strategii global'nogo i regional'nogo razvitiya* [Civilization mission of Siberia: from technogenic-consumer to spiritual-ecological strategy of global and regional development]. Barnaul, Novyi format Publ., 2022. 368 p.

Статья поступила в редакцию 12.01.2026.

Статья прошла рецензирование 07.02.2026.

The article was received on 12.01.2026.

The article was reviewed on 07.02.2026.

Эффект рикошета: нравственно-ценностные ракурсы

Зимбули Андрей Евгеньевич,

доктор философских наук,

профессор Российского государственного педагогического

университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург,

Россия, 191186, г. Санкт-Петербург, набережная р. Мойки, 48

zimbuli@yandex.ru

Аннотация

Не только в мире физики-механики и не только в спортивных состязаниях происходят столкновения-отскоки-рикошеты. Автор счел полезным всмотреться в такую обобщённую ситуацию, когда движущийся объект (которым может выступать и сам действующий субъект) натывается на твёрдую поверхность (или, расширительно, конкретные препятствия) и вследствие этого меняет направление своего движения. Кратко охарактеризован каждый из компонентов типовой ситуации: *Субъект* (автор движения), *Предмет* (что движется), *Контекст* (обстановка, в которой происходят рассматриваемые события), *Поверхность* (о которую ударяется Предмет), *Изменённое Направление Движения*, *Результат*, *Отношение* (к данному Результату Субъекта и прочих участников ситуации). Этический анализ и краткие выводы представлены в предлагаемой статье.

Ключевые понятия: Явление рикошета, его компоненты (Субъект, Предмет, Контекст, Направление, Поверхность, Изменённое направление, Результат, Отношение), этический анализ.

Ricochet Effect: Moral and Value Perspectives

Andrey Zimbuli,

Dr. Sc. (Philosophy),

Professor, A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia,

48, Moika River Embankment, St. Petersburg, 191186, Russian Federation

zimbuli@yandex.ru

Abstract

Not only in the world of physics-mechanics, and even not only in sports competitions, there are collisions-bounces-ricochets. The author found it useful to examine a generalized situation in which a moving object (which may be

the subject itself) encounters a solid surface (or, more broadly, specific obstacles) and changes direction. Each of the components of a typical situation is briefly described: the SUBJECT (the author of the movement), the OBJECT (what is moving), the CONTEXT (the environment in which the events are taking place), the SURFACE (against which the Object is colliding), the CHANGED DIRECTION OF MOVEMENT, the RESULT, and the ATTITUDE (of the Subject and other participants in the situation) towards the Result. An ethical analysis and brief conclusions are presented in the proposed article.

Keywords: the phenomenon of ricochet, its components (Subject, Object, Context, Direction, Surface, Changed Direction, Result, Relationship), ethical analysis.

Библиографическое описание для цитирования:

Зимбули А.Е. Эффект рикошета: нравственно-ценностные ракурсы // Идеи и идеалы. – 2026. – Т. 18, № 2, ч. 2. – С. 359–370. – DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.2.2-359-370.

Zimbuli A. Ricochet Effect: Moral and Value Perspectives. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2026, vol. 18, iss. 2, pt. 2, pp. 359–370. DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.2.2-359-370.

Отскочив от карниза, она <250-килограммовая бомба – А.З.> рикошетом отлетела к противоположному корпусу Зимнего дворца и залетела в окно первого этажа, но и там, к счастью, не разорвалась.

Маценков С. Чердаки Эрмитажа

Натянутые отношения Лобанова с начальством рикошетом задевали Виктора.

А.А. Гранин. Искатели

Крах советского проекта рикошетом ударил по статусу русского языка в мире.

Ямалиева А. Язык. Будущее время

Введение

В интернет-новостях наткнулся на сообщение о том, что один из голов Криштиана Роналду удивил самого футболиста. Он стоял рядом с воротами соперника, влоборота к ним, когда его партнёр, Жоау Феликс, нанёс по ним пушечный удар. Мяч, ударившись о спину Роналду, влетел в сетку ворот, и этот гол зафиксировали как 957-й в карьере знаменитого футболиста [9]. Хотя мне, наивному читателю и не очень сведущему болельщику, показалось довольно странным: мяч запущен одним человеком, а попадание мяча в ворота записывают за совсем другим человеком, который

к этому событию относится ну очень косвенно. Месяца два назад слышал, что за забитый гол болельщики какой-то российской команды очень благодарны мальчику, который подаёт мячи из аута, поскольку тот очень быстро дал мяч нападающему любимой команды, а защищающиеся футболисты ещё не успели перестроиться. Как хотите, но, по-моему, мальчик на деле реально-старательно поучаствовал в ситуации с забитым голом, в отличие от просто попавшего под направление удара Роналду. Так или иначе, сама эта ситуация подтолкнула меня к размышлениям об *ЭФФЕКТЕ РИКОШЕТА*, который встречается в самых разных сферах жизни, с самыми разными последствиями, затрагивая самые разные нравственные аспекты. Упомянутый случай с залетевшим от спины Роналду голом может наводить нас, например, на мысли о честности, скромности, ответственности, справедливости. А уж когда мяч попадает в ворота от ноги-бока-головы защитника или вратаря – палитра эмоций и оценок становится ещё более пестрой: добавляются, допустим, обида, вина, укор, злоба, злорадство или жалость-снисхождение-пофигизм.

Приведённые в качестве эпитафий цитаты лично у меня вызвали:

– искренний восторг по поводу неразорвавшейся в Эрмитаже бомбы + прямую враждебность в адрес тех, кто эту бомбу бросал на блокадный Ленинград;

– неподдельное сострадание к человеку, который оказывается втянут в какой-то надличностный конфликт + надежду, что этот конфликт удастся разрулить-минимизировать;

– негодование по поводу притеснения русскоговорящих в Прибалтике, на Украине + крайнюю досаду по поводу развала СССР + острое желание этим негативным процессам противостоять + радость-гордость во время устного выступления по-русски на секции Этики на Всемирном философском конгрессе, который проходил в августе 2024 года в Риме (тем более что в предварительной переписке с оргкомитетом приходилось напоминать, что русский язык включён ООН в число 6 официальных и рабочих языков).

Наверняка многие в детстве около речки или озера играли в так называемые блинчики, когда нужно бросить плоский камушек вдоль поверхности воды так, чтобы он несколько раз подпрыгнул перед тем, как пойти ко дну. Посейчас помню восхищение, каким, бывало, сопровождалось чужое умение, и тихое торжество, когда у меня самогó камень проделывал семь и больше прыжков.

Так или иначе, вполне понятно, что под словом «рикошет» может пониматься не только подсакивание камушка или отлетевшая от крыши бомба. Однако когда я заглядываю в справочно-словарные источники, то в них уточняющей ясности, к сожалению, не обнаруживаю. Владимир Ива-

нович Даль в своём знаменитом словаре пишет: «РИКОШЕТ м. фрнц. от-пряд, отбой, отскок ядра, пули; ядро делает или дает отскок, коли ударит во что вкось, черкнув» [5, с. 96]. Впрочем, футбол, хоккей, баскетбол вошли в обиход уже после создания этого замечательного словаря. Более близкий к нам «Словарь русского языка» даёт такое определение: «Полет какого-л. твердого тела после удара его под небольшим углом о какую-л. поверхность» [14, с. 717]. Пожалуйста, не обвиняйте меня в занудстве, но могу признаться: даже когда просто в серьёзных современных текстах, не обязательно словарно-справочных, кто-то не различает буквы Е и Ё, мне в этом видится неуважение к культуре речи. А тут написано и твЕрдого, и полЕт. Но главное – вы сразу поняли, что такое «небольшой угол»? Я – нет. Меньше 180°? Хоть слово «рикошет» для меня не ново, только что процитированное определение меня не устроило.

Основная часть

В «Большом словаре иноязычных слов» приводится определение, почти дословно совпадающее с только что приведённым: «полёт какого-л. твёрдого тела после удара его под небольшим углом о какую-л. поверхность» [1, с. 504]. За бережное отношение к букве Ё хочется искренне поблагодарить автора словаря, белорусского и русского лингвиста Александра Николаевича Булыко. Однако трактовка понятия всё ещё остаётся чисто механической, относящейся к камушкам, снарядам, дроби, к мячу или бильярдному шару. Но не к по-разному складывающимся межсубъектным отношениям. То же касается и определения из интернет-ресурса, «Толкового словаря русского языка»: «РИКОШЕТ: Отражённое прямолинейное движение, полёт под углом после удара о какую-нибудь поверхность» [15]. В Библии слово «рикошет» вообще не встречалось. Там даже слов «отлетел», «отлетать» нет. И слово «отскок» отсутствует. Можно только один раз увидеть родственное слово «отскочил». Кстати, не в узко-механическом смысле: «И хотел Саул пригвоздить Давида копьем к стене, но Давид отскочил от Саула, и копье вонзилось в стену; Давид же убежал и спасся в ту ночь» [1Цар. 19:10]. Правда, к интересующему нас сейчас явлению рикошета данный эпизод, пожалуй, имеет меньшее отношение, чем камушки, бросаемые в воду.

А кстати, ещё одно родственное «отскоку» слово, встреченное в Библии, содержит куда более универсальный для человеческой жизни и для этики смысл. Это слово ОТСКОЧИ: «Женщина безрассудная, шумливая, глупая и ничего не знающая садится у дверей дома своего на стуле, на возвышенных местах города, чтобы звать проходящих дорогою, идущих прямо своими путями: “кто глуп, обратись сюда!” и скудоумному сказала она: “воды краденые сладки, и утаенный хлеб приятен”. И он не знает, что мертвецы там, и что в глубине преисподней зазванные ею. [Но ты отскочи,

не медли на месте, не останавливай взгляда твоего на ней; ибо таким образом ты пройдеши воду чужую. От воды чужой удаляйся, и из источника чужого не пей, чтобы пожить многое время, и чтобы прибавились тебе лета жизни] [Притч. 9: 13 – 18]. Я в этом фрагменте вижу душеполезный совет – не впадать в искушение, не засматриваться на то, что может ошибочно показаться привлекательным, но твёрдо идти своей дорóгой.

Итак, заинтересовавшее меня слово «рикошет» относится к ситуации, в которой есть какое бы то ни было движение, натыкающееся на преграду. Именно натыкающееся, а не упирающееся в неё. Причем натыкающееся «под острым углом», или даже по касательной, после чего движение продолжается в изменённом направлении. И под этим движением могут подразумеваться как полёт мяча или шайбы, так и выпущенная из огнестрельного орудия пуля, да и вообще любой предмет. Но мы вправе рассматривать в данном дискурсе и линию поведения конкретного субъекта. И в такой обобщённой ситуации имеет смысл выделить для краткого рассмотрения главные компоненты: *Субъект* (автор движения), *Предмет* (что движется), *Контекст* (обстановку, в которой происходят рассматриваемые нами события), *Поверхность* (об которую ударяется Предмет), *Изменённое направление движения*, *Результат*, *Отношение* (к данному Результату Субъекта и прочих участников ситуации). Хотя бы самым кратким образом прокомментируем перечисленные компоненты.

Субъект – автор-инициатор-энергетизатор движения. Это могут быть:

- бьющий по мячу или по шайбе спортсмен;
- его напарник, намеренно подставляющий ногу или клюшку, чтобы мяч/шайба изменили траекторию в нужную сторону (я б такого напарника назвал *соавтором*);
- человек, прицеливающийся кием к костяному шару, прикидывающий, в какую лузу в итоге этот шар может вкатиться;
- бросающий камушки вдоль поверхности речки ребёнок;
- зрелый человек, не откликающийся на зазывные слова библейской совратительницы.

Субъект свободен, вменяем, более или менее целенаправлен. Однажды в интернете видел шутовую картинку, на которой были изображены три обнявшиеся, очень радостные молодухи. Подпись под картинкой гласила: «Нас не сбить с пути! Потому что мы не знаем, куда идём!» Причём, конечно же, нужно отдавать себе отчёт в том, что в межчеловеческие притягивания-взаимодействия-столкновения мы способны не только включаться сами, но и включать в них кого-то ещё. Вспомним ситуацию из стихотворения про «тихую» Ирочку:

« – Глянь-ка, Галя, на Серёжку –
Фу-ты, ну-ты, важный вид!

Ты подставь ему подножку, –
Ира тихо говорит» [13].

Если в авторы гола записывать тех, об кого мяч ударился-зацепился, то по этой логике ещё более естественно записывать в авторы статей уголовного кодекса тех злоумышленников, которые творят всё новые и новые беззакония. В целом Субъекта характеризуют *Свобода, Вменяемость, Активность*.

Предмет (что или кто движется). Понятно, здесь нужно вести речь не только о выпущенной пуле, стреле, хоккейной шайбе, бильярдном шаре, но и о качественном наполнении наших поступков. О доброжелательности или завистливости, злорадстве, равнодушии, кои мы адресуем окружающим. О несдержанной ворчливости, нарочитом бодрячестве – или о способности адекватно включаться в конкретные обстоятельства, которую мы иногда способны пронести сквозь испытания и искушения. Сошлюсь здесь на два примера, которые, подозреваю, могут вызывать не столько восхищение, сколько недоумение. Один мой знакомый вышел на пенсию, успев в трудовой книжке зафиксировать шесть десятков записей о различных местах работы. Никаких отступлений в сторону преступных сообществ не было и в помине. Не ворчливый, не вороватый. От призыва в армию не уклонялся, служил в разведке. После чего долгие годы был занят поиском себя. Интересный собеседник, доброжелательный сосед. Другой занятый пример – мужчина, который семь раз вступал в законные браки. Не ради карьеры, не пытаясь обмануть доверчивых мечтательниц. По профессии гуманитарий. По специализации организатор довольно высокого ранга, москвич. Как блинчик по воде – летел, никому не нанося повреждений. К этому компоненту ситуации относятся *Нравственный Выбор, Ответственность и Самоидентификация*.

Контекст. Ясно, что обстановка, в которой происходят рассматриваемые нами события, может быть до чрезвычайности разнообразна. Это далеко не только спорт и бильярд, но и быт, работа, детство, зрелость, старость, дружеские и соседские взаимоотношения, общение с незнакомыми людьми, противостояние в военном конфликте, предполагающем не только обмен дронами-шрапнелью, но и взаимовыручку, а то и самопожертвование. И совершенно очевидно, что везде в перечисленных и прочих сферах культуры – науке, искусстве, праве, религии, медицине, спорте, образовании, торговле – формируются особые правила, которые годятся только для своей сферы. Большие сложности возникают в случаях, когда кто-то переносит из какой-либо сферы стиль общения туда, где он не очень полезен. Например, проявляет инфантилизм. Или – как это было у Т. Гоббса – везде видит «войну всех против всех» [2, с. 95]. А то вдруг ожидает дружеской доверительности и щедрости от тех, кто как раз настроен

исключительно либо воевать, либо торговать. Даже в медицине – вот, казалось бы, сфера, объединяющая людей, которые намерены упрочивать здоровье и преодолевать разные хвори, – сколько в ней трудноразрешимых проблем! Достаточно вспомнить, как германские и японские врачи-исследователи ставили эксперименты на незащищенных взрослых и детях, не принадлежащих к «избранным нациям» [12, 16]. После даже беглого знакомства с рассекреченными архивными материалами язык не поворачивается организаторов и участников этих экспериментов называть ни исследователями, ни тем более врачами. В любом случае, применительно к данному компоненту ситуации следует говорить об *Объективности, Адекватности, Уместности*.

Поверхность (об которую ударяется или с которой «сталкивается» Предмет). Конечно же, это может быть физическая поверхность – упомянутая крыша Эрмитажа, стена дома, штанга хоккейных ворот, спина футболиста (из своей или чужой команды), шар-мишень или борт у бильярдного стола. Но также в качестве подобной «поверхности» есть полные основания рассматривать события, испытывающие нас на прочность: болезнь, экзамен, министерская проверка. Помню, много лет назад мне на глаза попала бумажка, прилепленная изнутри к стеклянной двери закрытого общепитовского заведения. В записке было всего одно от руки написанное слово и выразительный восклицательный знак: «РЕВИЗИЯ!» Так и виделось, что для работников в этот день под вопросом оказались и сегодняшнее благополучие, и завтрашние перспективы.

Вспомним ещё чудесный фильм, созданный к 150-летию юбилею Бородинского сражения – «Гусарскую балладу», где главные роли отменно сыграли Лариса Голубкина и Юрий Яковлев. Но на эти роли претендовали и другие достойные артисты – так, Шуручку Азарову очень хотели сыграть Людмила Гурченко и Алиса Фрейндлих (а в пробах вообще участвовало более тридцати актрис), а вместо Яковлева, в роли поручика Ржевского, на экране могли появиться Вячеслав Тихонов или Сергей Юрский [7]. И ведь Голубкина и Яковлев своим конкретным успехом вовсе не лишили конкурентов возможностей добиться удач *в других* проектах. Согласитесь, и Фрейндлих, и Гурченко, и Тихонов, и Юрский вполне творчески состоялись. Свет для них клином не сошёлся на одной киноленте, куда им не довелось попасть, да и многие другие «забракованные» артисты шли по творческой стезе дальше-выше-старательно-умело-достойно. Складывая в итоге целостную картину отечественной и мировой культуры, в которой каждый конкретный проект занимает причитающееся ему *Достойное Место*.

Изменённое направление движения. Не секрет, что и благодарность, и обиду люди вовсе не обязательно отзеркаливают в адрес именно тех, кто вызвал эти переживания. Благодарность заботливым родителям

бабушкам-дедушкам-учителям вполне естественным образом переплавляется в заботу о детях и иных подопечных. Марк Аврелий свои знаменитые записи начинал с детального перечисления искренней благодарности тем, кто для него по жизни был вдохновляющим примером [10, с. 7–20], но по факту перенятые у наставников вдумчивость-доброжелательность он уже много веков перенаправляет к своим читателям. И наоборот, существуют такие субъекты, которые полученные от кого-то негативные состояния тоже переадресовывают, порой совершенно случайным попутчикам по жизни. В этой связи на ум приходит одна из зарисовок славного датского художника-карикатуриста Херлуфа Бидструпа, где он изображает последовательный ряд негативных посылов от начальства – к подчинённым, от более сильных – к слабым, а в итоге, после того как прохожий пнул бездомную собаку, – та кидается на самого первого персонажа из изображённого ряда, на солидного-сытого-самоуверенного босса [8]. Да, как ни удивляйся, а живём мы в очень прочно переплетённых нитях взаимосвязей-взаимооценок-взаимоотношений. И очень обнадеживает, что всегда существует возможность на минусах учиться плюсам. Из болезней – извлекать уроки для упрочения здоровья. Из грамматических ошибок и оговорок – выкарабкиваться к речи правильной, выразительной, взаимоуважительной. Двигаться сообща в сторону *культуротворчества*.

Результат изменённого движения тоже представляет собой неохватное разнообразие. Забитый гол, отскочившая от крыши и неразорвавшаяся бомба, несданный экзамен, отменённый поезд и многое-многое другое. Кстати, не будем забывать, что забитый после неожиданного отскока гол для двух соревнующихся команд представляет кому плюс, а кому минус. И так во всем: кто-то в последний момент передумал в институт поступать, и кому-то другому досталось его бюджетное место. У меня нет статистики ни забитых, ни незабитых после рикошета голов, нет статистики того, как воспринимают своё решение студенты, прекращающие обучение на первом, втором, третьем, четвёртом курсе. Но разве не очевидно и без точной статистики, что везде варианты существуют ну очень несходные. Так, Георгий Константинович Жуков говорил, что ему не удалось стать скорняком [6]. Не сомневаюсь, что, если бы он стал не Маршалом Победы, а скорняком, это бы было весьма на руку тем, кого он упорно-успешно гнал из СССР.

В целом, чтобы не запутываться во временных координатах, логично рассматривать результат не отсроченно и не слишком разномасштабно, а прежде всего в момент, когда отскок только что состоялся. Допустим, гол забит – но матч ещё не закончился. Проба на роль прошла, и её итог только-только становится виден окружающим, ведь фильм ещё не снимается. Бомба, отскочив от крыши, упала, не взорвалась, но ещё не разминиро-

вана. Жених только-только получил «от ворот поворот» в виде тыквы – и никому не ведомо, как дальше будут развиваться события у жениха и у невесты. И ведь в любом случае уже *в этот момент* есть возможность внимательно-объективно оценить произошедшее. Как, например, это призван делать футбольный рефери. Не была ли вместо спины для отскока подставлена рука? Не слишком ли сильно соперничающие спортсмены пихали друг друга или тянули за футболки? Аналогично – про экзамен: не использовал ли неожиданно успешно сдавший его студент шпаргалку или подкуп? То есть эта оценка должна, даже навскидку, происходить по соображениям *Честности, Справедливости, Ответственности, Гуманности*. Болельщики же, присутствующие на футбольном матче или просматривающие обзор в видеозаписи, ещё обязательно отметят *Красоту* забитого гола (или насколько ловко-умело вратарь-защитник спас свои ворота). Ну а про экзамен – если он проходит честно + справедливо + ответственно + гуманно, то спустя годы его не стыдно будет вспоминать и описывать каждому из его участников.

КРАТКИЕ ИТОГИ, в том числе **Отношение** (к данному Результату Субъекта и прочих заинтересованных участников ситуации). Есть анекдот про то, что настоящий джентльмен и настоящая леди никогда вместе не окажутся, потому как настоящая леди с первого раза не соглашается, а настоящий джентльмен второй раз не предлагает. Шутка шуткой, но в ней справедливо подмечена расстыковка привычек-установок-ожиданий взаимодействующих людей. «Люди не сходны, – это знал ещё Гомер, – те любят одно, а другие другое» [3, с. 145]. Даже удивительно, что мы друг друга хоть иногда понимаем. А случается, что нам даже удаётся сотрудничать. И получается это во многом благодаря тому, что нас не захватывает, «не топит в себе» изначальная реакция на происходящее. В том числе на разного рода «отскоки». Естественные для ситуации растерянность, обида, зависть, уныние или, на другом полюсе, довольство собой, злорадство, расслабленность – отодвигаются где самоосмыслением, где «самозаниманием», когда человек переключается на новые дела или на подготовку к повторному испытанию. Вряд ли надо напоминать выразительные примеры того, как не только героиня кинофильма «Приходите завтра», но и реальные люди типа Ю.Д. Куклачёва, раз за разом «отфутболываемые» обстоятельствами, не сдавались и добивались своего. Куклачёв – гордость мирового и отечественного циркового искусства – поступил в специализированное учебное заведение лишь на восьмой раз. Тут опять нужно констатировать, что я не встречал убедительной статистики, касающейся того, кто – где – когда – как – в каких направлениях по жизни попадал «в яблочко» с первого раза, а кто по сколько раз рикошетил. И как все они к данным

рикошетами относились. Но логично предположить, что в любом случае, когда мы ведём речь о субъектах-людях, выстраивающих свою жизненную перспективу, для этих субъектов всегда важна объективная оценка происходящего, а также способность + готовность извлекать уроки из происходящего. И что особенно важно – происходящего не только с самим субъектом. Важна готовность извлекать опыт не только из собственных удач/неудач. Не только из собственных болезней и исцелений. Забитых и пропущенных голов. Пятёрок и двоек. Справедливой критики и несправедливых придирок. На этом стоит и этим развивается вся общечеловеческая культура. Очень люблю мысль Марка Аврелия: «Мы созданы для совместной деятельности» [10, с. 23]. Глубоко с ней согласен. Именно сообща, на принципах взаимоуважения, «включая серые клеточки», с учётом попаданий и промахов мы можем научиться жить всё более честно, справедливо, гуманно, ответственно, красиво, счастливо.

Литература

1. Булыко А.Н. Большой словарь иноязычных слов. – М.: Мартин, 2004. – 703 с.
2. Гоббс Т. Левиафан // Гоббс Т. Сочинения. В 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1991. – С. 3–643.
3. Гомер. Одиссея / пер. В. Жуковского. – М.: Художественная литература, 1986. – 270 с.
4. Гранин Д.А. Искатели. – URL: https://1.librebook.me/iskateli_2/vol1/14 (дата обращения: 02.01.2026).
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. – 683 с.
6. Жуков: «Я сделал всё, чтобы выполнить свой долг». – URL: <https://www.kr40.ru/news/perekrestok/72408/> (дата обращения: 06.01.2026).
7. Как создавался фильм «Гусарская баллада». – URL: <https://picturehistory.livejournal.com/1118093.html> (дата обращения: 06.01.2026).
8. Комиксы-карикатуры Херлуфа Бидструпа. – URL: <https://picturehistory.livejournal.com/2738576.html> (дата обращения: 06.01.2026).
9. Криштиану Роналду забил 957-й гол СПИНОЙ. – URL: https://vk.com/wall-179985743_545053 (дата обращения: 08.01.2026).
10. Марк Аврелий. Размышления. – Магнитогорск: Амрита-Урал, 1994. – 293 с.
11. Маценков С.А. Чердаки Эрмитажа // Наука и жизнь. – 2008. – № 5. – URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/13903/> (дата обращения: 02.01.2026).
12. Подопытные люди // Федеральный проект «Без срока давности». – 05.07.2025. – URL: <https://xn--80aabgieomn8afgsnjq.xn--p1ai/podopytnye-lyudi-2/> (дата обращения: 08.01.2026).
13. Серова Е.В. Ирочка. – URL: <https://detterra.ru/liter/rhymes/long/irochka/> (дата обращения: 08.01.2026).

14. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. – М.: Русский язык, 1987. – 750 с.
15. Толковый словарь русского языка. – URL: <https://www.vedu.ru/expdic/30134/> (дата обращения: 05.01.2026).
16. Чернышева В. Секретные архивы СССР об убийцах из «Отряда 731» обнаружены в Китае. – URL: <https://rodina-history.ru/2025/12/16/sekretnye-arhivy-sssr-ob-ubijcah-iz-otriada-731-obnarodovany-v-kitae.html> (дата обращения: 05.01.2026).
17. Ямалиева А. Язык. Будущее время // Кот Прёдингера. – 2016. – № 11 (25). – URL: https://yadi.sk/i/_V56yJ_236RMFQ (дата обращения: 05.01.2026).

References

1. Bulyko A.N. *Bol'shoi slovar' inoyazychnykh slov* [A large dictionary of foreign words]. Moscow, Martin Publ., 2004. 703 p.
2. Gobbs T. Leviathan [Leviathan]. Gobbs T. *Sochineniya*. V 2 t. T. 2 [Works. In 2 vol. Vol. 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1991, pp. 3–643. (In Russian).
3. Gomer. *Odisseya* [The Odyssey]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986. 270 p. (In Russian).
4. Granin D.A. *Iskateli* [The seekers]. Available at: https://1.librebook.me/iskateli_2/vol1/14 (accessed 02.01.2026).
5. Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. V 4 t. T. 4 [Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 vol. Vol. 4]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei Publ., 1956. 683 p.
6. Zhukov: «Ya sdelal vse, chtoby vyполnit' svoi dolg» [Zhukov: I did everything I could to fulfill my duty]. Available at: <https://www.kp40.ru/news/perekrestok/72408/?ysclid=mk2hb5ec369707715> (accessed 02.01.2026).
7. *Kak sozdavalsya fil'm «Gusarskaya ballada»* [How the film “The Hussar Ballad” was created]. Available at: <https://picturehistory.livejournal.com/1118093.html> (accessed 02.01.2026).
8. *Komiksy-karikatury Kherlufa Bidstrupa* [Herluf Bidstrup's Comic Strip Caricatures]. (In Russian). Available at: <https://picturehistory.livejournal.com/2738576.html> (accessed 02.01.2026).
9. *Krishtianu Ronaldu zabil 957-i gol SPINOI* [Cristiano Ronaldo scored his 957th goal with his BACK]. (In Russian). Available at: https://vk.com/wall-179985743_545053 (accessed 02.01.2026).
10. Marcus Aurelius. *Razmyshleniya* [Reflections]. Magnitogorsk, Amrita-Ural Publ., 1994. 293 p. (In Russian).
11. Matsenkov S.A. Cherdaki Ermitazha [The attics of the Hermitage]. *Nauka i zhizn'*, 2008, no. 5. (In Russian). Available at: <https://www.nkj.ru/archive/articles/13903/> (accessed 02.01.2026).
12. Podopytnye lyudi [Experimental people]. *Federal'nyi proekt «Bez sroka davnosti»* [Federal Project “No Statute of Limitations”], 05.07.2025. Available at: <https://xn--80aabgieomn8afgsnjq.xn--p1ai/podopytnye-lyudi-2/> (accessed 02.01.2026).

13. Serova E.V. *Irochka* [Irochka]. Available at: <https://detterra.ru/liter/rhymes/long/irochka/> (accessed 02.01.2026).
14. *Slovar' russkogo yazyka*. V 4 t. T. 3 [Dictionary of the Russian Language. In 4 vols. Vol. 3]. Moscow, Russkii yazuk Publ., 1987. 750 p.
15. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Available at: <https://www.vedu.ru/expdic/30134/> (accessed 02.01.2026).
16. Chernysheva V. *Sekretnye arkhivy SSSR ob ubiitsakh iz «Otryada 731» obnarodovany v Kitae* [Secret archives of the USSR about the assassins from Unit 731 were published in China]. Available at: <https://rodina-history.ru/2025/12/16/sekretnye-arhivy-sssr-ob-ubijcah-iz-otriada-731-obnarodovany-v-kitae.html> (accessed 02.01.2026).
17. Yamalieva A. Yazyk. Budushchee vremya [Language. The future tense]. *Kot Shredingera*, 2016, iss. 11 (25). (In Russian). Available at: https://yadi.sk/i/_V56yJ_236RMFQ (accessed 02.01.2026).

Статья поступила в редакцию 08.01.2026.

Статья прошла рецензирование 20.01.2026.

The article was received on 08.01.2026.

The article was reviewed on 20.01.2026.

Пусть будет дверь открыта: трансдисциплинарный подход в исследовании проблем деторождения¹

Киященко Лариса Павловна,

*доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник Института философии РАН,
Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12/1
ORCID: 0000-0002-4244-5732
larisakiyashchenko@gmail.com*

Сидорова Татьяна Александровна,

*кандидат философских наук,
доцент Новосибирского государственного университета,
Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1
ORCID: 0000-0002-8985-092X
t.sidorova@gsnu.ru*

Аннотация

Подготовка аналитических рефлексивных обзоров состоявшихся в научном сообществе мероприятий является традицией. Эту традицию поддерживает и настоящая публикация. Основные цели публикуемого исследования: представление проблем деторождения в фокусе современного антропологического кризиса и выявление эпистемологического потенциала трансдисциплинарной методологии в исследовании прокреативных процессов. Основу статьи составляют идеи, высказанные участниками круглого стола «Социокультурные и философские аспекты в исследованиях макросдвига в современных демографических процессах», проведенного в рамках конференции «Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме» (Нижний Новгород, 3–5 октября 2025 г.). Представленные материалы проанализированы в ракурсе прокреативного перехода междисциплинарности в трансдисциплинарный диалог. Исследователей разных научных специальностей объединяют общие задачи: развитие методологии демографических исследований и выявление факторов и механизмов кризисных явлений в сфере деторождения, в том числе способствующих распространению антинаталистских идей. Выделены регулятивные принципы трансдисциплинарности: связь универсального с конкретикой через

¹ Исследование Сидоровой Т.А. выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 25-28-01278 «Деторождение в условиях цивилизационного макросдвига: философский анализ натализма и антинатализма».

социальную акцептацию; сочетание конкретного с оценивающей функцией метапозиции в отношении к целому; сложностная конфигурация естественного и искусственного в многообразии и парадоксальности форм ее выражения; сочетание авторской позиции с нарративностью тематизации. Этот подход позволяет преодолеть дисциплинарные границы в изучении натализма и антинатализма, разворачивая данную оппозицию рассмотрения на уровне рефлексивной метапозиции в зоне *между* ними. Ключевыми ориентирами в этом служат ценность человеческой жизни и гуманистический смысл человеческого воспроизводства. Современные демографические явления характеризуются амбивалентностью и ризоматической сложностью, их осмысление в науке часто сводится к методологическому редукционизму. В качестве альтернативы предлагается развивать язык прокреативного дискурса как форму лингвокреативности, позволяющую адекватно описать эту сложность. Трансдисциплинарная метапозиция нацелена на генерацию новых смыслов и концептов через коллективное сотворчество, предлагая не окончательные решения, а вариативные модели, применимые к каждому уникальному случаю.

Ключевые слова: междисциплинарность, трансдисциплинарность, демография, антропологический кризис, натальность, антинатализм, пост-антропоцентризм.

Leaving the Door Open: A Transdisciplinary Approach to Childbearing Research

Larisa Kiyashchenko,

Dr Sc. (Philosophy),

Leading Researcher, Institute of Philosophy of RAS,

12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-4244-5732

larisakiyashchenko@gmail.com

Tatyana Sidorova,

Cand. Sc. (Philosophy),

Associate professor, Novosibirsk State University,

1 Pirogova Str., Novosibirsk, 603090, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-8985-092X

t.sidorova@gsu.ru

Abstract

This publication continues a tradition within the scholarly community of producing analytical and reflective reviews of past events. Its primary aims are to examine the issues of human reproduction through the lens of the modern anthropological crisis and to reveal the epistemological potential of transdisciplinary methodology in researching procreative processes. The article is based on

ideas presented at the roundtable “Socio-Cultural and Philosophical Aspects of Research on the Macro-Shift in Contemporary Demographic Processes”, held as part of the conference “Revolution and Evolution: Models of Development in Science, Culture, and Society” (Nizhny Novgorod). The presented materials are analyzed from the perspective of a transition from interdisciplinarity to a transdisciplinary dialogue on procreation. Researchers from various fields were united by common objectives: to advance the methodology of demographic studies and to identify the factors and mechanisms behind crisis phenomena in childbearing, including those that contribute to the spread of anti-natalist ideas. The article highlights the following regulatory principles of transdisciplinarity: linking the universal with the specific through social acceptance; combining the concrete with the evaluative function of a meta-position in relation to the whole; the complex configuration of the natural and the artificial in the diversity and paradox of its expressions; integrating the individual and authorial with the narrativity of thematization. This approach allows for overcoming disciplinary boundaries in the study of natalism and anti-natalism, using the value of human life and the humanistic meaning of human reproduction as key benchmarks. Contemporary demographic phenomena are characterized by ambivalence and rhizomatic complexity, yet their interpretation in science is often reduced to methodological reductionism. As an alternative, it is proposed to develop the language of procreative discourse as a form of linguistic creativity that allows for an adequate description of this complexity. The transdisciplinary meta-position aims to generate new meanings and concepts through collective co-creation, offering not final solutions, but variable models applicable to each unique case.

Keywords: interdisciplinarity, transdisciplinarity, demography, anthropological crisis, natality, anti-natalism, post-anthropocentrism.

Библиографическое описание для цитирования:

Киященко Л.П., Сидорова Т.А. Пусть будет дверь открыта: трансдисциплинарный подход в исследовании проблем деторождения // Идеи и идеалы. – 2026. – Т. 18, № 2, ч. 2. – С. 371–391. – DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.2.2-371-391.

Kiyashchenko L., Sidorova T. Leaving the Door Open: A Transdisciplinary Approach to Childbearing Research. *Idey i idealy = Ideas and Ideals*, 2026, vol. 18, iss. 2, pt. 2, pp. 371–391. DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.2.2-371-391.

Введение

В рамках конференции «Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме» в Нижнем Новгороде, которую уже в пятый раз проводит Русское общество истории и философии науки (РОИФН), был организован Круглый стол (КС), посвященный методологическим вопросам, связанным с изучением деторождения, – «Социокультурные и философские аспекты в исследованиях макросдвига в современных демографических процессах». Интерес философов к демографии вызван не столько сухими цифрами статистики, но прежде всего пониманием того, что

глобальное снижение рождаемости – это проявление фундаментальных изменений в основах современной цивилизации. На научном мероприятии попытались зафиксировать на языке и в понятиях философской методологии проблемные узлы современной антропологической ситуации. Ее специфика, отмеченная демографическим кризисом, в частности глобальным падением рождаемости, обуславливает алармизм в представлениях о будущем и сопутствует утверждению философского течения антинационализма, обосновывающего отказа от деторождения. Динамика социальных процессов характеризуется ускорением, при котором индивиды не успевают осмыслить и нормализовать стремительно меняющиеся условия жизни. Ключевыми факторами становятся трансформация коммуникации и механизмов передачи социального опыта в межпоколенческой связи, что влечет за собой фундаментальные изменения в восприятии ценности новой человеческой жизни.

Центральной задачей данной статьи является рефлексивный анализ представленных на КС докладов с целью поиска эпистемологических оснований для изучения сложносоставных антропологических трансформаций в аспекте масштабных демографических изменений. Авторы исходят из того, что методология не может быть нейтральным, статистическим инструментом; она должна быть прокреативной, т. е. быть готовой к порождению нового знания и к сложности изучаемого объекта на уровне открытых для пересмотра концептуальных обобщений. Таким объектом в нашем случае выступает процесс принятия решений о рождении детей в условиях радикальной социальной динамики. Исследование состоявшегося живого диалога проводится в парадигме трансдисциплинарного подхода, который, по нашему мнению, более всего соответствует вышеобозначенному методологическому принципу прокреативности. Трансдисциплинарная трактовка предполагает множественный анализ, вовлечение в обсуждение разнородных позиций и точек зрения, инициируя иные методологические ракурсы, объединяя их общей целью порождения новых смыслов синтеза знаний, расширяя тезаурус исследования, обосновывающий позитивную направленность человеческого бытия. В трансдисциплинарном диалоге открыта дверь для выхода за границы не оправдавших себя неэффективных исследовательских парадигм, не справляющихся с вызовами современности. Как утверждала Х. Аренд, раскрывая онтологический смысл natalности (рожденности), мы всегда в ожидании новопривывших – рожденных, потому что с ними приходит рождение нового [1, с. 328].

Материалы о динамике, мотивах и ценностях деторождения формируют палитру философских, научных и социальных дискурсов, в которых происходит осмысление противоречивого процесса воспроизводства человеческого рода. Новые явления получают свое наименование, создают-

ся понятийные конструкции и концепты, выявляются факторы, детерминирующие изменения в отношении к деторождению. Для философии актуализируется задача не просто обобщения всех разнородных элементов и дискурсов, а поиска релевантных цивилизационному макросдвигу эпистемологических подходов и инструментов и их использования в межнаучном диалоге с демографами, социологами, этнографами, медиками и другими специалистами, изучающими деторождение. Отталкиваясь от идеи, что человеческая прокреация суть не только природно-биологическое явление, но имеющее глубоко антропологическое, социокультурное, ценностное значение, обладающее особым семиотическим, коммуникативным способом выражения, была избрана трансдисциплинарная методология. Предметным полем обсуждения стала проблематизация стыка указанных дисциплин, ориентированная через полидискурсивность, многовекторность фокусов и контекстов рассмотрения на поиск единства множественных точек зрения. Можно с уверенностью сказать, что сам КС стал экспериментальной площадкой трансдисциплинарного диалога, коммуникацией научных программ и методов, исследовательских ракурсов, поскольку объединил участников не по принадлежности к научной специализации, а вокруг проблемы, которую можно было проинтерпретировать в разнообразных фокусах и с различных авторских позиций. Неоднородность и многозначность демографических проблем в современном мире формируют познавательную ситуацию, когда по необходимости предельно широкое философское толкование прокреации и natalности встречается с данными, представляющими конкретные факты, с описаниями реальных событий, эмпирическими наблюдениями, лингвистическим и нормологическим анализом. Для обсуждения были предложены вопросы методологического характера, нацеленные на репрезентацию демографического кризиса в различных дискурсах, включая обыденный и медийный. Было предложено взглянуть на деторождение в том числе из противоположной оптики, представленной в анализе философии и социальных эффектов антиnatalизма.

В отличие от традиционной научной парадигмы, требующей элиминации субъективного фактора, трансдисциплинарный подход признает конструктивную роль авторской позиции исследователя. Именно она позволяет выявить, сформулировать важные нюансы в исследуемых вопросах. Интеграция различных дисциплин в рамках данной стратегии осуществляется не через унификацию, а через формирование общего тезауруса – синтеза языков описания, привносимых каждой из участвующих наук. Ключевым же интегративным механизмом выступает социальная акцептация, понимаемая как процесс прокреативного согласования и признания значимости обсуждаемых проблем в жизни современного общества.

**Единство и множественность
в трансдисциплинарной эпистемологии деторождения
в ее практическом воплощении**

Принимавшие участие в КС авторы представили доклады, отличающиеся эпистемологическими условиями: научной специализацией и связанными с ней методами, словарем, авторским интересом и мотивами обращения к теме.

О.В. Доржигушаева, специалист по экологической этике буддизма, рассмотрела условия для сохранения репродуктивного здоровья в тибетской медицине, которая является образцом холистического подхода во врачебном деле. Исходя из целостности и взаимозависимости мира, врач предлагает восстановить утраченный экологический баланс между миром и человеком, указывает на виды нежелательного образа жизни, к которым относятся совершение грехов телом, речью и умом, подвергание себя риску. «Так человек должен быть беспристрастен, твердо держать слово, отвращаться от дурных дел, говорить обдуманно, не принимать все на веру, почитать старших, заботиться о близких, жить в согласии с родственниками, друзьями, соседями и прочими нужными людьми, старательно заниматься своим делом, не унижать низших и не завидовать высшим, не полагаться на плохих людей» [4]. Большое значение для оздоровления, для изготовления лекарств, для поддержания здорового образа жизни и репродуктивного здоровья человека имеет состояние природы. Представленный ракурс суждений о репродуктивном здоровье в культурно обусловленной региональной медицинской системе дает возможность показать ограниченность редукционистской эпистемологии в научной репродуктивной медицине. В ней проблемы здоровья, в том числе и влияющие на возможность родить ребенка, сводятся к выявлению локальных патологий и точечному воздействию на них, исключая из рассмотрения системные связи индивида с природным и социальным контекстом. Холистическая тибетская медицина предлагает иную эпистемологическую модель – традиционную антропную экологию, в основе которой лежит принцип целостности и взаимозависимости мира и человека. В этой модели здоровье есть следствие динамического экологического баланса, а не просто отсутствие болезней органов. В рамках тибетской эпистемологии знание о здоровье неотделимо от этики. Причины нездоровья видятся в «нежелательном образе жизни», включающем грехи (телом, речью и умом), что указывает на *моральную эпистемологию*, где познание правильного образа жизни является ключом к сохранению здоровья. Философский анализ открывает культурную и контекстуальную обусловленность центральных для тибетской медицины понятий: «здоровье», «поддержание баланса», «правильный

образ жизни», «психофизическая целостность (сантана)». Создается возможность их переноса на язык научных определений с сохранением смыслов, укорененных в традициях буддизма. Так происходит трансдисциплинарный трансфер [10] понимания причин болезней и практик врачевания, т. е. приведения к форме, воспринимаемой медицинскими специалистами и пациентами. Это не простое заимствование методов и устоявшегося глоссария, а сложный процесс его усвоения через обновленный синтез, открытый к принятию разнообразия различных систем знания.

Выступление исторического демографа Н.В. Гониной было посвящено анализу демографического перехода во второй половине XX в. на примере крупнейших городов Восточной Сибири. Это исследование, выполненное в русле конкретно-исторического подхода и опирающееся на статистические материалы, позволило выявить региональную специфику данного процесса. Демографический переход, понимаемый как исторический процесс перехода от традиционного типа воспроизводства населения с высокими показателями рождаемости и смертности к современному – с низкой смертностью и рождаемостью, в условиях Восточной Сибири имел существенные особенности. Послевоенный бум населения в регионе был напрямую связан с масштабным индустриальным освоением, созданием сырьевых, энергетических и промышленных комплексов, а также с активным градостроительством. Демографические данные, приведенные докладчицей, фиксируют рост и концентрацию населения в урбанизированных центрах.

Парадоксальным образом на начальных этапах анализируемого периода рождаемость росла как среди мигрантов, так и среди старожильческого населения, что противоречило классической схеме демографического перехода. Однако в дальнейшем наметилась общая тенденция к ее стабилизации и выравниванию показателей, что, по мнению автора, свидетельствует в пользу универсальности долгосрочного тренда второго демографического перехода. Дискуссионное возражение состоит в том, что более существенное отклонение от модели заключается в динамике смертности. Вопреки аксиоме демографического перехода, согласно которой смертность должна снижаться, в восточносибирском регионе с семидесятых годов наблюдается ее устойчивый рост. Вероятными причинами этой аномалии являются высокий производственный травматизм, суровые климатические и географические условия, низкий уровень развития медицины на новых территориях и общая бытовая неустроенность. Эти факторы, имеющие субъективную, «человеческую» природу, ставят под сомнение безусловную применимость теории второго демографического перехода к данному контексту. Таким образом, приведенные данные демонстрируют сложность, неоднородность и неуниверсальность демографических про-

цессов. Они свидетельствуют о значительном влиянии на воспроизводство населения не только социально-экономических, но и специфических антропогенных факторов и особенностей природной среды. Это заставляет рассматривать человеческую прокреацию как хрупкий и уязвимый компонент бытия, зависящий от сбалансированных отношений со средой обитания. Существование человеческого рода обретает «неравновесную устойчивость» лишь в процессе осмысленного и слаженного окультуривания жизненной среды, при котором численное воспроизводство населения выходит на свой оптимум. Полагаем, что наш вывод находит подтверждение в концепции С.П. Капицы, который видел причину демографического перехода как следствие глобального системного кризиса, связанного с достижением пределов роста и трансформацией явлений культуры и сознания. В такой парадигме, как подчеркивал ученый, «наивный редукционизм и причинно-следственный анализ с простыми механизмами выхода из кризиса не объясняют природу перехода и его преодоления прямыми внешними ресурсными мерами» [7].

Доклад В.С. Ерохина был посвящен анализу амбивалентной природы гендерной идентификации личности, включающей в себя нормативные и анормативные элементы. Релевантность теме КС связана с тем, что гендерная идентификация сегодня становится триггером, вызывающим процессы дискурсивной и практической деконструкции традиционных родительских ролей, семейно-брачных отношений, что безусловно отражается на решениях о рождении ребенка, о количестве детей в семье. Анормативные элементы практик гендерной идентификации личности являются следствием травматичного ее опыта как столкновения с непривычным, выходящим за пределы устоявшихся норм персонального бытия. Автор доклада признает вслед за Р. Бернетом универсальность опыта травмы [5]. Так, даже процесс эмансипации сформировал в женщине основание для болезненной реакции на нарушение ее прав, на проявления ролевого доминирования мужчины. Это в конечном счете приводит к трудностям в процессе достижения гендерной феминной самоидентификации и кризису семейно-брачных отношений, многим другим негативным социальным последствиям. Автор предлагает социальное, техническое развитие трактовать как травмирующее в том смысле, что оно приводит к возможности, а порой – к необходимости переосмысления традиционных принципов гендерной идентичности и ее самопредставления в социуме. Трансдисциплинарная методология приемлет такое диалектическое, многоаспектное рассмотрение предмета исследования, когда взаимоисключающие альтернативы позволяют взглянуть на парадоксальное их сочетание как на источник возможного становления [11]. Анормативная природа гендерной идентификации онтологически обусловлена расколотостью человеческой

природы на два пола, что является основой бесконечно возобновляющегося динамичного и противоречивого процесса социальных межполовых взаимодействий, в том числе в семейной форме их организации. Эпистемологический инновационный взгляд в представленном развороте обсуждаемых проблем обнаруживается в указании на психологическую основу (травму) как на скрытый механизм, который парадоксальным образом служит целям социальной организации и эффективности. Как указывает автор, гендерные нормы, коренящиеся в универсальном человеческом опыте травмы, в конечном счете служат для упорядочивания общества и повышения эффективности их взаимодействий.

Три доклада на круглом столе своей главной направленностью имели критический анализ философии антинатализма. Это направление стало широко распространять свое влияние после выхода книги Д. Бенатара «Лучше не родиться. О вреде появления на свет» [18], где доказывалось, что существование суть страдание и рождение непременно несет вред как самому человеку, так и миру, поэтому человечеству лучше сойти на нет. Т.А. Сидорова, исследуя философско-методологические источники контринтуитивных идей Бенатара, увидела их в биоэтическом способе моральной аргументации. Книга, ставшая библией антинатализма, создана в результате продумывания биоэтических дилемм, о чем говорят отсылки к темам абортов, регулирования рождаемости, эвтаназии и др. Парадоксально, что философствующий биоэтик последовательно убеждает читателя в необходимости полного прекращения человеческой формы жизни. Автор доклада через историко-философскую экспликацию понятий «натализм», «натальность», «антинатализм» показывает, что антинатализм в логическом смысле не является противоположностью натализма. Если натализм онтологичен, то антинатализм свидетельствует о бреши в натализме. Противоположностью антинатализма является пронатализм. Антинатализм – это экзистенциальное настроение, система мотиваций, отрицающих рождение, в том или ином виде всегда имел место в человеческой культуре как негативная вариация натализма. Однако философский антинатализм Бенатара претендует на онтологическое обоснование, на радикальное преодоление смыслов натализма. Идеи натализма имманентно присутствуют в антропологических, социально-философских и онтологических суждениях в истории философии. Им свойственна двусмысленность. Метафизическое, трансцендирующее значение связывает натальность с началом, возникновением, существованием, творением. Воплощенное в деторождении, оно представляется конкретным, реальным, сущим, интерпретирует появление человека как эмпирический, природный и социальный факт. Эту двойственность можно увидеть в понимании рожденности у Платона. Истинное рождение связано с голым созерцанием и обозначает не появ-

ление материальных детей, а рождение возвышенного, «рождение в красоте», например в поэзии или в речах, и это, по выражению А.Ф. Лосева, более «прекрасные дети». А деторождение в физической форме он рассматривает в контексте идеального государства и высказывается за рациональное управление рожденностью. Идеи Августина о божественной природе человеческого возникновения – вариант религиозного, трансцендирующего подхода. Натальность здесь интерпретируется как творение из ничего: «Initium ergo ut esset, creatus est homo, ante quem nullus fuit» – «Итак, чтобы начало существовало, был сотворен человек, до которого не было никого» [1, с. 231]. Утверждается разрыв с природной цикличностью – появление человека, рожденность обозначает разрыв цепи повторяющихся природных процессов, выход за пределы природного и источник самотворения личности. Физическая форма существования не эмпирически ущербна, как у Платона, – это путь к божественному совершенству в человеке, которое достигается его собственными усилиями. И тогда сам человек является источником творения в том числе в воспроизводстве других людей, других личностей. Продолжение этой линии можно увидеть в философии младенчества В.В. Розанова. Он заставляет увидеть трансцендентное в реальном появившемся на свет ребенке и ощутить его в тоске по «утраченным мирам» в экзистенции взрослого. Суждения Гоббса и Локка апеллируют к эмпирическим интерпретациям деторождения. Только в XX в. натальность обретает смысл категории, а философия натализма концептуализируется. Вклад в это вносят Х. Арндт, Э. Левинас, Ю. Хабермас, И. Аристархова, А. Кавареро. Х. Арндт впервые постулировала натальность в качестве категории политического мышления.

Э. Левинас рассматривает деторождение не как биологический или демографический феномен, а как фундаментальную этическую категорию, связанную с отношением к Другому. Рождение – это акт трансценденции: выход за пределы собственного бытия ради Другого. Генеративная трансценденция (трансценденция к потомку) представляет в его теории универсальную онтологическую структуру в конституировании субъекта и не может быть редуцирована к факту непосредственной биологической плодovitости отдельного человека. Плодовитость несет смысл инаковости, возникновения вообще. Родительская ответственность возникает до любого сознательного выбора. Она не обусловлена договором или симпатией – она абсолютна и асимметрична [14].

В эпистемологии критического феминизма И. Аристархова разрабатывает концепт матрицы, т. е. женской способности выносить и родить ребенка, как гостеприимства, пространства любви и заботы, в противоположность маскулинным интерпретациям матрицы как места. По ее мнению, метафизика разделяет материю и форму. «Материнское нужно мыс-

лить в отношении к пространству и материи, а не как пространство и материю» [2, с. 62], т. е. не место. Однако нужна трансдисциплинарная прививка мыслить парадоксами [9], чтобы понять разворот феминистского автора в осмыслении современных технологий деторождения, например искусственного вынашивания без участия человека.

Современная страница натализма представлена версией антинатализма, претендующего на его замещение в качестве негативной философской программы. Антинатализм – явление современной философии и следствие современной духовной ситуации. Его подпитывает дискурс экологического алармизма, методологический редукционизм, биотехнологический конструктивизм, философия постантропоцентризма.

Аналізу постантропоцентризма и его связи с антинатализмом посвятила свое выступление Е.А. Ерохина. Выделены эпистемологический и социокультурный факторы, влияющие на рост популярности антинатализма в академической среде. Эпистемической причиной постантропологических концепций является ориентация части философского сообщества на радикальный релятивизм, отрицающий уникальность доступа человека к реальности через рефлексивные инструменты познания. Социокультурной причиной стал рост отчуждения человека от собственной природы под влиянием индустрии «счастья» и «достижения», погоня за которыми приводит к критической зависимости от навязанных потребительских стандартов и выгоранию и в конечном итоге к самоотрицанию. Уникальность человеческого бытия поставлена под вопрос развитием технологий – проектами улучшения человека, развитием искусственного интеллекта, а также постгуманистической перспективой, уравнивающей его с другими агентами: машинами, животными, растениями [6]. Все это проблематизирует вопрос о месте человека в мире, который еще недавно осмысливался как антропо- и персоноцентричный. Устойчивая оппозиция между эссенциализмом и реляционизмом как соперничающими мировоззренческими моделями с противоположных позиций рассматривает феномен укорененности человека в бытии. Эссенциализм предлагает разнообразные представления о сущности человека, природной или духовной, принимая многообразие ее проявлений в качестве «вторичных» свойств целостной и остающейся идентичной себе субстанции человеческого в многообразии форм своей проявленности.

В противовес ему радикальные реляционисты настаивают на реальности только формальных структур, поскольку они необходимы для описания, организации и управления взаимосвязями между элементами в системе, т. е. к средствам описания безотносительно к их содержательному наполнению. Радикальное толкование реляционизма ведет к устранению человека как мыслящего и действующего субъекта, что сопровождается ис-

чезновением такой его качественной характеристики, как ценность познания, уникальность, историчность его существования. Следствием радикализации релятивизма становится появление, с одной стороны, «радикальной философии», не отрицающей существование мира вещей самих по себе, т. е. без человека, с другой стороны, постгуманистический поворот объявляет о новой социальности, где Другой не обязательно человек.

Обе перспективы, по мнению автора доклада, отсылают к акторно-сетевой теории Б. Латура с утверждением агентности, возникающей из «сборки», всех участвующих в ней существ, в том числе нечеловеческих. Разочарованные в индустрии «счастья» и «достижения» потребители готовы поверить в мессианскую идею о пользе несуществования человечества. Е.А. Ерохина резюмирует, что существует опасность, что вариант антинатуралистской философии, созданной для демотивированных практиками личного «самосовершенства» людей, может при определенных обстоятельствах стать основой нового религиозного движения. Предположение автора доклада подтверждается возникновением движений за вымирание человечества. В случае соединения с явными отклонениями от нормы такие практики открывают пространство для манипуляций, что заставляет с осторожностью относиться к дискурсивной стратегии антинатуралистов.

Что можно противопоставить философии антинатурализма? В докладе прозвучал ответ: принять современную трактовку рациональности как концепт философии заботы, сопричастности, признания уникальности всего живого [15]. Для методологии трансдисциплинарности теоретическая проблема соотношения реляционизма-эссенциализма в познании решается практической социальной акцептацией как перспективой, которая направляет исследовательский процесс с осторожной предусмотрительностью возможного риска и искажений в целевых причинах (Б.Г. Юдин). С одной стороны, многовекторность познавательного процесса указывает на известную относительность оснований. Умеренный реляционизм в трансдисциплинарном подходе акцентирует отношения и контекст как основу для понимания явлений [10]. Реальность существует только во взаимосвязях, а не как набор изолированных сущностей. Однако регулятивные принципы, требующие рассматривать объект в сочетании несочетаемого, разнородного и противоречивого нацеливают на преодоление пределов дисциплинарных границ, но с удержанием единства множественного и с признанием множественности единств, о чем свидетельствует мультиверсальность представлений о мире [13].

В конечном итоге ситуационное разрешение взаимной дополнительной эссенциализма и реляционизма расставляет реперные флажки для контролируемой неточности, формализуемой относительности рассматриваемых на КС явлений. В противостоянии натурализма и антинатурализма

такими реперами выступают ценность человеческой жизни, гуманистический смысл человеческого воспроизводства как ориентиры в исследованиях сложных антропо-демографических процессов в современном цивилизационном макросдвиге.

Начинающий исследователь, филолог-переводчик М.В. Лидман в своем докладе привела подтверждения манипулятивной направленности для воздействия на читателя книги Бенатара об антинатурализме. Среди них выделены: удержание контакта, утаивание и искажение информации, мотивационное обеспечение и апеллирование к авторитетным источникам, систематические упрощения, искажения и односторонние трактовки информации, искажение исторических сведений и биологических концепций, а также предвзятое отношение к традиционным ценностям, избирательный подход к аргументации, направленный на подкрепление заранее установленной позиции, а не на разносторонний анализ темы. Доступный язык изложения, вспомогательные, упрощающие восприятие указания по тексту позволяют предположить, что Бенатар ориентировался на широкий круг читателей. Это не исключает ориентации книги на профессиональную философскую аудиторию, недаром за ее публикацией последовали философские дискуссии. Мотивами применения манипулятивных приемов могло стать стремление привлечь внимание к своей гипотезе и расширить круг сторонников, повысить известность своей книги и гипотезы среди ученых. Бенатар систематически поддерживал внимание к своим идеям: давал ответы критикам и проponentам, делал обзоры, учитывал полученные материалы при переизданиях книги. Публицистическая активность, помноженная на возможности распространения влияния через сетевые информационные ресурсы, позволила за непродолжительный срок автору превратиться в корифея философского направления – антинатурализм стал прочно ассоциироваться с фигурой и изданием Бенатара. Философский антинатурализм из игры идей вырос в интеллектуальную основу деструктивной идеологии. С позиции трансдисциплинарного анализа в этом материале, также связанном с изучением современных аспектов деторождения, важно удерживать критическую рефлексию целей и задач, которые ставят социальные исследователи. Ключевым вызовом антропоцена становится развитие способности деконструировать скрытые предпосылки полученного знания, дать оценку этических импликаций результатов социальных исследований и создать проекцию альтернативных сценариев. Ведь постулируемая связь с конкретным так или иначе может провоцировать превращение социального знания в догматическую систему идей, идеологию в ее негативной коннотации и даже в религию, о чем говорила Е.А. Ерохина.

Л.Б. Сандакова обратилась к другим эпистемологическим источникам в антропологии эволюционного оптимизма, размышляя о феномене

детства. Дискуссию натализма и антинатализма автор увидела в качестве продолжения старого противостояния пессимизма и оптимизма в приложении к оценке логики, практики и перспектив эволюции человеческого рода. Оптимизм в философских концепциях ассоциировался с надеждой и доверием к собственным силам преодолевать трудности (О. Больнов), с волей к жизни (А. Швейцер, Ф. Ницше), с осознанием осмысленности жизни и позитивным отношением к другим (В. Франкл, Э. Фромм). Современное отношение к детству парадоксально: с одной стороны, внимание к детям велико и их ценность высока, с другой – широко распространяются антинаталистские идеи и тренды. Так, страх и неуверенность перед возможным будущим на фоне ускорения и усложнения процессов социальной трансформации, ухудшения экологической обстановки и дегуманизирующего давления технологий во всех областях человеческой жизни ставят под вопрос необходимость продолжения рода человеческого и рождения детей. Жизнь человека не рассматривается как благо. В противовес антинатализму может быть выбран фокус выявления потенциала развития человеческого рода, что позволяет занять позицию оптимизма в оценке его перспектив. Тем не менее, указывает автор доклада, тезис об эволюционном развитии является слишком общей посылкой.

Содержательно идея эволюции может быть развернута как в пессимистическом, так и в оптимистическом русле. Пессимистическая концептуализация идеи связана с редукционистской методологией и пониманием развития как линейного «разворачивания» детерминистски заданных форм. В такой модели человек оказывается «заложником» эволюционных механизмов, а все, что связано с реализацией человеческой субъектности, в конечном итоге теряет смысл. Оптимистический подход к пониманию эволюционного процесса предполагает принципиальную неопределенность возрастающей сложности живого и признает безусловную ценность способности к преадаптации [3]. В этой модели принятые маркеры оптимизма приобретают аксиологическую значимость. Аксиологическое содержание детства человека в эволюционной перспективе определяется его основными характеристиками, повышающими способность к преадаптации: биологически обусловленная гиперпластичность, высокий творческий потенциал, необходимость взаимодействия с взрослым. Важнейшим фактором антропологической эволюции, имеющей глубокий прокреативный смысл, выступает межпоколенческая взаимосвязь в человеческом обществе. Взаимодействие с детьми научает думать о себе в человеческой перспективе прошлого-настоящего-будущего, формирует сопричастность к роду и его продолжению, инициирует стремление к самовыражению и способствует ощущению полноты бытия [16, с. 169]. В итоге в ответе вопрос, что же «лучше», который возникает как парафраз названия книги

Бенатара «Лучше не родиться», Л.Б. Сандакова утверждает: «У нас есть шанс стать лучше, потому что мы хотим, чтобы дети были счастливыми».

В заключении Л.П. Киященко сделала метатеоретическое обобщение в отношении методологических особенностей трансдисциплинарного диалога применительно к обсуждаемой проблематизации натализма и анти-натализма. Мыслить философски о каком-то предмете, явлении или, например, антропологических трансформациях, демографических процессах означает мыслить так же, как, по выражению Адорно, «мыслят моделями». Ансамбль модельных анализов синергетически выстраивает приоритеты в диалоге, оспаривая их значимость при достижении контингентного договора в процессе коммуникации; он возможен в практике трансдисциплинарного подхода в современной философии науки [12].

Если верно, что философский дискурс схватывает становление идеи не через категориальные рамки, а через взаимодействие когнитивных, культурных и экзистенциальных паттернов, то трансдисциплинарный диалог может быть сгенерирован из междисциплинарного исследования, ориентированного на решение проблемы, имеющей комплексный характер, может затрагивать интересы многих дисциплин и научных направлений. В этой ситуации возникает несколько взаимосвязанных вопросов, которые проблематизируют возникшую ситуацию, инициируя философское по своему уровню исследование. Социальную, антропологическую суть трансдисциплинарности в философском фокусе хорошо передает цитата из Хайдеггера: «Предмет философского исследования – человеческое бытие, как оно опрошено в отношении своего бытийного характера. Это основное направление философского вопрошания не устанавливается и не прикрепляется извне к опрошенному предмету, к фактической жизни, но его следует понимать как эксплицитное схватывание глубинного движения самой фактической жизни, которая есть таким способом, что она в конкретном временении своего бытия озабочена своим бытием, и которая есть также и там, где она избегает самой себя» [17, с. 49–50]. Таким образом, глубинные основы фактической жизни, человеческой жизни, и есть то неустранимое интегральное основание, которому можно придавать значение ориентира, соединяющего естественное и созданное, универсальное и конкретное, уникальное и множественное.

Хронологически идеи трансдисциплинарности приходят в науку в 1970-х как ответ на кризис узкоспециализированного знания; их переосмысление через полвека делает акцент на «различиях и повторениях» (по Делезу), выступающих прокреативными (здесь автор доклада использует прокреативность как метафору познания) инструментами порождения новых смыслов. Так, трансдисциплинарность начинает интерпретироваться как философия становления и экзистенциальный нарратив. Филосо-

фия трансдисциплинарности – это не школа, а способ бытия-в-вопросе, где даже хронология («полвека спустя») становится смысловым ресурсом. Трансдисциплинарность лично ориентирована в авторской позиции, нарративна: философское высказывание есть способ «предъявления себя» через тематические выборы. Трансдисциплинарность – это не статичная система, а динамический процесс, где ключевым становится преодоление дисциплинарных границ, в отличие от их фиксации, и формирование смыслового ядра через «тематизм» (Дж. Холтон) – предварительный концептуальный набросок, конструктивный регулятив, который задает вектор для диалога дисциплин, избегая жестких определений и демаркаций. Тематизм связан с нарративностью: тема становится «биоконцептографией» – проживанием указанного концепта. «Тема – это не прескриптивная норма, а интервальная ситуация, где личный опыт встречается с универсальным» [13]. Трансдисциплинарность здесь предстает еще и как экзистенциальный проект, создавая перспективу от личного опыта до глобальных вызовов. Ее сила – в способности превращать «рассказ о себе» (через тематизм) в универсальный язык для диалога эпох, дисциплин и культур.

Авторская интерпретация трансдисциплинарности в докладе Л.П. Киященко в первую очередь была связана с лингвокреативностью. Философия языка в этом подходе создается на пересечении границ. По выражению Витгенштейна, разбор парадоксальных ситуаций останавливает «холостой ход языка». Язык трансдисциплинарной прокреации (ЯТП) суть рождение слов и понятий, языка обсуждения, набрасывание хронотопа (Бахтин) концептуализации. К ним можно относить категорию натальности, сам термин «прокреация», который с трансдисциплинарной позиции более соответствует описанию философски понимаемого деторождения в отличие от технического термина «репродукция». ЯТП акцентирует внимание на создании нового смыслового поля через взаимодействие различных дисциплин (онтологический аспект); это порождение интегративного лексикона – лингвокогнитивное основание для формирования нового понятийного (концептуального) аппарата и создания глоссария трансцендентных решений (методология эпистемического дискурса); это метаязык конвергенции, выходящий на уровень философской рефлексии, парадоксально сочетающий конкретное с универсальным, как порождение практической философии. Так мы приходим к идее мультиверсальности в контексте трансдисциплинарного подхода к прокреации (как акту смыслопорождения), которая открывает радикально новый эпистемологический ландшафт. Это уже не просто синтез дисциплин, но создание полифонической реальности, где множественность единств становится условием генерации знания. Антропо-демографический кризис, так же как и оппозицию натализма-антинатализма,

можно рассматривать в качестве прокреативного парадокса. Трансдисциплинарный подход призывает артикулировать оппозиции, подсказывает несколько способов преодоления внутренней напряженности в суждениях и нахождения путей выхода в новую зону ответственного проживания ситуации. Л.П. Киященко предложила несколько рефлексивно оцениваемых методологических стратегий выхода:

– Диалог и компромисс: понимание обеих (как минимум) сторон и стремление достичь соглашения, которое удовлетворяло бы участвующие стороны, хотя бы частично, отвечая предварительно согласованным взаимным интересам.

– Переход на высший уровень абстрагирования: формулировка более сложноорганизованной концепции, включающей разнообразно противоположные точки зрения, аналог кибернетической суперпозиции, допускающей участвующих сторон находиться одновременно в нескольких состояниях до момента измерения.

– Изменение условий существования: внешнее воздействие или изменение обстоятельств, позволяющее снять внутренние конфликты через их адаптацию.

– Реорганизация структуры: перестройка существующего порядка, устранение элементов, порождающих нестабильность, используя синергетический принцип, как порождающее начало, «порядок через хаос».

– Саморазрушение системы: если система неспособна разрешить внутренний конфликт, она разрушается, уступая место новой структуре.

Предложенные конфигурации возможных модельных способов рассмотрения и решения трансдисциплинарных ситуаций, примеры которых убедительно прозвучали на нашем КС, внушают надежду на прокреативное продвижение и в дальнейшем исследовании.

Заключение

Работая «внутри» своих привычных тем и эпистем, участники круглого стола осознавали необходимость обеспечить кроме дисциплинарных стыковок еще и диффузию фундаментального и прикладного. Эта задача требовала «вынырнуть на поверхность», чтобы поставить свое исследование в фокус пересекающихся дискурсов, взглядов, практик, т. е. тем самым оказаться в ситуации трансфера (обмена) знаний, методов, концептов. В конечном счете возникает перспектива исследования трансдисциплинарного диалога не просто как коммуникативного акта или даже его более широкой герменевтической трактовки, а исследования условий трансдисциплинарности в качестве эпистемологической парадигмы в условиях цивилизационного макросдвига. Технологический скачок, невероятная динамика социальных процессов, биотехнологическое наступление на природу че-

ловека трансформируют устоявшиеся эпистемологические основания знания. Эта «пересборка» и переосмысление прежних моделей познания в информационную эпоху в полной мере затрагивают и сферу natalности. Научная рационализация прокреации, ранее воспринимавшаяся как нечто естественное и предзаданное, сформировала эпистемологию, замещающую смыслы творения новой жизни на логику создания и репродукции. Антинатализм находит свою нишу в ней же, когда дискурс о «природности» деторождения теряет свою убедительность, а социальные и культурные деконструкции, рационализируя сокровенные процессы, оставляют все меньше места для тайны и метафизики творчества как рождения нового. Экономико-демографические факторы падения рождаемости конвергируют с этой углубляющейся рационализацией, что в совокупности порождает фаталистические сценарии будущего человечества, один из которых представлен в радикальном антинатализме Д. Бенатара. В данной ситуации становится очевидной насущная необходимость в продвижении гуманистической эпистемологии деторождения, философии natalизма. Для этого требуется новый язык и новые смыслы, способные интегрировать технологический прогресс и рациональное знание, удержать единство, не утрачивая множественного, не забывая, что реальность нам не дана, а задана, как загадка.

Для социального познания не только эмпирическое, зафиксированное социологически, но и историческое как эмпирическое служит источником мозаики множественного в пестроте социального мира, когда мы синхронно и диахронно во времени, культурно-антропологически в пространстве многообразия культур выхватываем измерения того, что происходило и происходит с воспроизводством человека. Современный этап развития научного познания все более тяготеет к синтетической постановке самих задач для исследования, предполагает опираться не только на строгость научного обоснования, но и на специфическую моральную эпистемологию, включающую оценку положения человека как измерение качества и эффективности теории в практическом исполнении.

Литература

1. *Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни* / пер. с англ. и нем. В. Библихина. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.
2. *Аристархова И. Гостеприимство матрицы: философия, биомедицина, культура* / пер. с англ. Д. Жайворника. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2017. – 368 с.
3. *Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции.* – М.: Акрополь, 2018. – 212 с.
4. Атлас тибетской медицины: свод иллюстраций к медицинскому трактату XVII века «Голубой берилл»: альбом. – М.: АСТ, 1998. – 592 с.

5. *Бернет Р.* Травмированный субъект // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / сост.: С. Шолохова, А. Ямпольская. – М.: Академический проект: Гаудеамус, 2014. – С. 123–144.
6. *Брайдотти Р.* Постчеловек. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2021. – 408 с.
7. *Капица С.П.* Очерк теории роста человечества. Демографическая революция и информационное общество // Сайт С.П. Курдюмова. – URL: <https://sp-kurdyumov.ru/biology/ocherk-teorii-rosta-chelovechestva-kapica/2/> (дата обращения: 10.10.2025).
8. *Киященко Л.П.* Культурный трансфер – тезаурус тематизации (проблематизация трансдисциплинарности) // Культура и искусство. – 2020. – № 12. – С. 124–137.
9. *Киященко Л.П.* Рефлексия – системный модулятор сложности (мягкие формы управления) // Рефлексивные процессы и управление: сборник материалов XII Международного научно-практического междисциплинарного симпозиума, 17–18 октября 2019 г. – М., 2019. – С. 200–205.
10. *Киященко Л.П.* Устойчивое развитие как подвижный фронт: этос проблематизации // Проблема трансформации человека в условиях кризиса техногенной цивилизации. – Курск: Университетская книга, 2021. – С. 178–198.
11. *Киященко Л.П.* Парадокс целостности человека: критика способности быть // Человек как открытая целостность. – Новосибирск: Академиздат, 2022. – С. 14–32.
12. *Киященко Л.П., Моисеев В.И.* Философия трансдисциплинарности. – М.: Ин-т философии РАН, 2009. – 203 с.
13. *Клязева Е.Н.* Идея мультиверса: междисциплинарная перспектива // Философия науки и техники. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 121–135.
14. *Левинас Э.* Избранное: Тотальность и бесконечное / пер.: И.С. Вдовина, Б.В. Дубин. – М.: Культурная инициатива; СПб.: Университетская книга, 2000. – 416 с.
15. Рациональность и ее границы / отв. ред.: А.А. Гусейнов, В.А. Лекторский. – М.: ИФРАН, 2012. – 233 с.
16. *Сандакова А.Б., Сидорова Т.А.* Прокреативный смысл детства и старости человека // Человек как открытая целостность. – Новосибирск: Академиздат, 2022. – С. 168–183.
17. *Хайдеггер М.* Феноменологические интерпретации Аристотеля (Экспозиция герменевтической ситуации) / пер. Н.А. Артеменко. – СПб.: Гуманитарная академия, 2012. – 224 с.
18. *Benatar D.* Better Never to Have Been: The Harm of Coming into Existence. – Oxford University Press, 2006. – 237 p.

References

1. Arendt H. *Vita active: oder, Vom tätigen Leben*. Stuttgart, W. Kohlhammer, 1960 (Russ. ed.: Arendt Kh. *Vita activa, ili O deyatel'noi zhizni*. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2000. 437 p.).
2. Aristarkhova I. *Hospitality of the Matrix: Philosophy, Biomedicine, and Kulture*. Columbia University Press, 2012 (Russ. ed.: Aristarkhova I. *Gostepriimstvo matritsy: filosofiya, biomeditsina, kul'tura*. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2017. 368 p.).
3. Asmolov A.G., Shekhter E.D., Chernorizov A.M. *Preadaptatsiya k neopredelennosti: nepredskazuemye marsbruty evolyutsii* [Preadaptation to Uncertainty: Unpredictable Routes of Evolution]. Moscow, Akropol' Publ., 2002. 212 p.
4. *Atlas tibetskoi meditsiny: svod illyustratsii k meditsinskomu traktatu XVII veka «Goluboi berill»* [Atlas of Tibetan Medicine. Collection of illustrations to a 17th-century medical treatise “Blue Beryl”]. Album. Moscow, AST Publ., 1998. 592 p.
5. Bernet R. Le sujet traumatisé. (*Post*)fenomenologiya: novaya fenomenologiya vo Frantsii i za ee predelami. Moscow, Akademicheskmi proekt Publ., Gaudeamus Publ., 2014, pp. 123–144. (In Russian).
6. Braidotti R. *The Posthuman*. Cambridge, Polity Press, 2013 (Russ. ed.: Braidotti R. *Postchelovek*. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2021. 408 p.).
7. Kapitsa S.P. Oчерk teorii rosta chelovechestva. Demograficheskaya revolyutsiya i informatsionnoe obshchestvo [An Essay on the Theory of Human Growth. The Demographic Revolution and the Information Society]. 2008. *Sait S.P. Kurdyumova* [Site of Sergei P. Kurdyumov]. (In Russian). Available at: <https://spkurdyumov.ru/biology/oчерk-teorii-rosta-chelovechestva-kapica/2/> (accessed 10.10.2025).
8. Kiyashchenko L.P. Kul'turnyi transfer – tezaurus tematizatsii (problematizatsiya transdistsiplinarnosti) [Cultural Transfer – Thesaurus of Thematization (Problematization of Transdisciplinarity)]. *Kul'tura i iskusstvo = Culture and Art*, 2020, no. 12, pp. 124–137.
9. Kiyashchenko L.P. [Reflexion is a System Complexity Modulator (Soft Forms of Control)]. *Refleksivnye protsessy i upravlenie* [Reflexive Processes and Management]. Proceedings of the XII International Scientific and Practical Interdisciplinary Symposium, October 17–18, 2019, Moscow, pp. 200–205. (In Russian).
10. Kiyashchenko L.P. Ustoichivoe razvitie kak podvizhnyi frontir: etos problematizatsii [Sustainable Development as a Moving Frontier: the Ethos of Problematization]. *Problema transformatsii cheloveka v usloviyakh krizisa tekhnogennoi tsivilizatsii* [The Problem of Human Transformation in the Context of the Crisis of Technogenic Civilization]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2021, pp. 178–198.
11. Kiyashchenko L.P. Paradoks tselostnosti cheloveka: kritika sposobnosti byt' [The Paradox of Human Integrity: a Critique of the Ability to Be]. *Chelovek kak otkrytaya tselostnost'* [Man as an Open Integrity]. Novosibirsk, Akademizdat Publ., 2022, pp. 14–32.
12. Kiyashchenko L.P., Moiseev V.I. *Filosofiya transdistsiplinarnosti* [Philosophy of Transdisciplinarity]. Moscow, Institute of Philosophy Publ., 2009. 203 p.

13. Knyazeva E.N. Ideya mul'tiversa: mezhdistsiplinarnaya perspektiva [The Idea of the Multiverse: An Interdisciplinary Perspective]. *Filosofiya nauki i tekhniki = Philosophy of Science and Technology*, 2022, vol. 27, no. 2, pp. 121–135.
14. Lévinas E. *Izbrannoe: Total'nost' i beskonechnoe* [Totalité et Infini: essai sur l'extériorité]. Moscow, Kul'turnaya initsiativa Publ., St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2000. 416 p. (In Russian).
15. Guseinov A.A., Lektorskii V.A. *Ratsional'nost' i ee granitsy* [Rationality and its Limits]. Moscow, IFRAN Publ., 2012. 233 p.
16. Sandakova L.B., Sidorova T.A. Prokreativnyi smysl detstva i starosti cheloveka [Procreative meaning of human childhood and old age]. *Chelovek kak otkrytaya tselostnost'* [Man as an Open Integrity]. Novosibirsk, Akademizdat Publ., 2022, pp. 168–183.
17. Heidegger M. *Phänomenologische Interpretationen zu Aristotele (Anzeige der hermeneutischen Situation)*. Frankfurt am Main, 2005 (Russ. ed.: Khaidegger M. *Fenomenologicheskie interpretatsii Aristotelya (Ekspozitsiya germenevticheskoi situatsii)*). St. Petersburg, Gumanitarnaya akademiya Publ., 2012. 224 p.).
18. Benatar D. *Better Never to Have Been: The Harm of Coming into Existence*. Oxford University Press, 2006. 237 p.

Благодарности

Благодарим участников Круглого стола «Социокультурные и философские аспекты в исследованиях макросдвига в современных демографических процессах» в рамках конференции «Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме» в Нижнем Новгороде 3–5 октября 2025 г. за плодотворный обмен мнениями, составившими основу данной статьи.

Статья поступила в редакцию 25.10.2025.

Статья прошла рецензирование 27.11.2025.

The article was received on 25.10.2025.

The article was reviewed on 27.11.2025.

Новая этика и золотая середина

Печерина Екатерина Андреевна,

аспирант

Новосибирского государственного университета

экономики и управления – «НИИХ»,

Россия, 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56

ORCID: 0009-0008-7416-4477

pecerinakata4@gmail.com

Аннотация

Словосочетание «новая этика» уже давно вышло за рамки философии и на протяжении последнего десятилетия достаточно активно внедряется в такие сферы, как политология и социология. В статье сделана попытка сравнительного анализа «новой этики» и традиционной «старой» этики. Рассматриваются следующие исторические периоды развития этики, характерные для изучения данного направления в философии: античная этика, христианская этика, этика эпохи просвещения, этика осознания, предложенная в XX веке такими мыслителями, как К. Юнг и Э. Нойманн, и, наконец, «новая этика», вышедшая на передний план в XXI веке. В данной работе автор проанализировал вышеупомянутые этические учения, раскрыв основное содержание и различия в отношении основополагающих вопросов этики о критериях оценки поступков, а именно о добре и зле, об ответственности и свободе воле и, наконец, о существовании абсолютной моральной истины. Рассматривается понятие «новой этики» в качестве этапа развития нормативной регуляции устоявшихся норм на примере изменений в некоторых сферах, на которые повлияла новая этика. В первую очередь это относится к социальной сфере взаимодействия людей, а именно к вопросам понимания согласия, равенства и инклюзивности в обществе. Автор сравнил новую этику с этическими направлениями, предшествующими этике XXI века, рассмотрел понятие счастья и самореализации человека через преодоление трудностей.

Ключевые слова: этика, новая этика, традиция, ценности, воля, знание, принцип «золотой середины», добродетель, счастье.

New Ethics and the Golden Mean

Ekaterina Pecherina,

Postgraduate Student

Novosibirsk State University of Economics and Management "NINH",

56 Kamenskaya Str., Novosibirsk, 630099, Russian Federation

ORCID: 0009-0008-7416-4477

pecherinakata4@gmail.com

Abstract

The phrase 'new ethics' has long gone beyond philosophy, and has been actively introduced into fields such as political science and sociology over the past decade. The article presents the author's opinion and an attempt to give a comparative analysis of the 'new ethics' and the traditional 'old' ethics. The article examines the following historical periods characteristic of ethics in the framework of the study of this field in philosophy: ancient ethics, Christian ethics, Enlightenment ethics, ethics of awareness, proposed in the XX century by thinkers such as K. Jung and E. Neumann, and finally, a 'new ethics' that came to the fore in the XXI century. In this work, the author has made an attempt to analyze the above-mentioned ethical trends, revealing the main content and differences in relation to the fundamental issues of ethics: the problem of criteria for evaluating actions, namely, about good and evil, about responsibility and free will, and finally, about the existence of absolute moral truth. In addition, the author analyzed the concept of new ethics as a stage in the development of normative regulation of established norms using the example of changes in some areas influenced by the new ethics. First of all, this applies to the social sphere of human interaction, namely, on the issue of understanding consent, equality, inclusivity. The author compared the new ethics with the ethical trends that preceded the ethics of the XXI century, considered the concept of human happiness and self-realization in the context of understanding ethics.

Keywords: Ethics, new ethics, tradition, values, shadow, knowledge, the principle of the "Golden Mean", virtue, happiness.

Библиографическое описание для цитирования:

Печерина Е.А. Новая этика и золотая середина // Идеи и идеалы. – 2026. – Т. 18, № 2, ч. 2. – С. 392–409. – DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.2.2-392-409.

Pecherina E. New Ethics and the Golden Mean. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2026, vol. 18, iss. 2, pt. 2, pp. 392–409. DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.2.2-392-409.

Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо над мной и моральный закон во мне.

И. Кант «Критика практического разума»

Введение

Значение слова «новая» применительно к этике, как и ко всему новому в различных областях, можно отнести к самым масштабным и глубоким изменениям в мировоззрении людей. Новой была этика Нового Завета, новой стала и демократическая этика, которая уравнивала представителей разных сословий как граждан одной республики [6]. А что сегодня мы называем «новой этикой» и действительно ли она является по-настоящему новой? И если является, то что принципиально нового появилось в ней и какие смыслы мы вкладываем в это понятие?

Этическая концепция Э. Нойманна

Понятие «новая этика» не имеет единственного автора, однако в 1949 году Эрих Нойманн в книге «Новая этика и глубинная психология» призывал отказаться от деления на добро и зло, предлагая каждому интегрировать свою тень в жизнь, т. е. научиться жить со своими деструктивными силами, не прятать их. Нойманн писал о необходимости пересмотра старых христианских ценностей после Второй мировой войны, выступая за здоровый эгоизм и личную ответственность вместо слепого подчинения моральным нормам. «Основная цель новой этики заключается в активации процесса интеграции, и поэтому она в первую очередь стремится сделать способными к интеграции несовместимые с жизненной программой индивида элементы» [7]. Целью старой этики были разделение, дифференциация и дихотомия, сформулированные в мифологической проекции Страшного суда в изображении отделения овец от козлищ, добра от зла. Идеалом новой этики является объединение противоположностей в пределах единой структуры [7].

«Новая этика» Нойманна получила очевидный импульс от психоанализа, что и определило ее основные положения. Во-первых, понятие «Тень». Он считал, что «старая этика», иудео-христианская, заставляла людей вытеснять все «плохое» в подсознание, т. е. в тень. Это приводило к тому, что целые народы проецировали свою внутреннюю тьму на дру-

гих, превращая их в «козлов отпущения», например евреев в нацистской Германии. Во-вторых, принятие зла. Новая этика Нойманна призывает не подавлять свои темные стороны, а **осознавать и интегрировать** их. Работа с тенью по Нойманну и в целом в юнгианстве – не просто самоанализ, это попытка стать «целостным», а не «хорошим». Нойманн считал, что старая этика, требующая от человека быть идеальным, превращает его в лицемерного и опасного субъекта. Но, может быть, и новая современная этика как социально-политическое явление превращает человека в «опасного объекта»?

Ценности новой этики Нойманна можно сформулировать следующим образом: все, что приводит к целостности, есть добро; все, что приводит к разделению, есть зло. Интеграция есть благо, дезинтеграция есть зло. Жизнь, конструктивные тенденции и интеграция стоят на стороне добра; смерть, разделение и дезинтеграция стоят на стороне зла. В то же время современный человек знает о нерасторжимой взаимозависимости этих двух принципов. Однако, хорошо взвесив все обстоятельства, мы не можем утверждать, что процессы интеграции преобладают. Это утверждение справедливо не только для живой души, но и для всей живой материи. Теперь наша этическая оценка не ограничивается рассмотрением содержаний, качеств и действий как объектов и функционально распространяется на все целое. Все, что способствует интеграции целостности, центрирующейся на Самости, есть благо, независимо от природы такого вспомогательного фактора. И наоборот, все, что приводит к дезинтеграции, есть зло, даже если таким движущим фактором является благое побуждение, коллективно одобренные ценности или иное в существе своем благое побуждение» [7].

Таким образом, Нойманн вызывает к личной ответственности индивида, при этом предъявляет высокие требования к его нравственной зрелости, так как она определяет будущее развитие общества.

В дополнение нужно заметить, что Карл Густав Юнг рисует портрет «современного человека» как человека, достигшего пика осознанности и стоящего на краю «пропасти» истории. По его мнению, современный человек осознает, что старые ответы, которые давала религия, больше не работают. Человек чувствует глубокое одиночество, так как он оторвался от «стада» традиционного общества. Он несет на себе груз ответственности за будущее, понимая хрупкость цивилизации. В этой связи Юнг отмечает двойной провал: **религия** перестала давать живой опыт и превратилась в формальность, а наука и разум не принесли счастья. Напротив, рационализм «расколдовал» мир, сделав его пустым и механическим [11].

Но здесь, по мнению автора, кроется главная ошибка, поскольку молодое поколение, дети достигают нравственной зрелости по ходу своего взросления и становления. Отказ от деления на «добро» и «зло» в классическом понимании этики может пагубно сказаться на последующих поколениях, так как этика не является врожденной, она усваивается индивидом в ходе социализации и отражает потребности конкретного общества на определенном историческом этапе.

Необходимо сделать оговорку: сегодня под «новой этикой» чаще понимают не теорию Нойманна, а комплекс практических норм, направленных на борьбу с дискриминацией, сексуальным насилием и за защиту прав меньшинств, активно развивающийся с 2010-х годов.

Автор статьи далее рассматривает «новую этику» именно как раздел философии. Основополагающей концепцией у Ноймана, которая перешла в новую этику, является вопрос отношения к добру и злу, греху и добродетели. Этичный человек – это не тот, кто «чист», а тот, кто осознает свое несовершенство [11].

Истинная этика, как считал Юнг, заключается не в притворстве, что вы идеальны, а в честном признании своих недостатков и работе над ними, своего рода «этике осознания». То есть моральный поступок должен быть результатом личного понимания и результатом познания. Название подчеркивает, что источником нравственности является сам человек, его способность «осознавать» добро и зло через внутренний личный опыт и самопознание, а не через слепое следование инструкциям.

Таким образом, в отличие от традиционной этики, которая может опираться на внешние законы или культурные табу, этика осознания утверждает, что моральный поступок должен быть результатом личного понимания и «расширения сознания».

Вот как выглядит сравнение данных подходов в разрезе главного этического вопроса «Что есть добро, а что есть зло?».

Как видим, переход от «классической» этики, которую часто связывают с этикой осознания, к «новой этике» XXI века – это не полный отказ от старого, а скорее радикальная трансформация уже знакомых нам понятий. Рассмотрим некоторые переходные положения.

Если в классической этике осознания важную роль играло правило «Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой», то новая этика считает это правило недостаточным, так как оно опирается на «Ваши» представления о добре. Идея уважения к другому осталась, но теперь она звучит так: «Поступай с другими так, как они хотят, чтобы поступали с ними», т. е. появилось понятие осознанного согласия, например, в межличностных отношениях или медицине, и оно стало центральным.

<p>Античная этика</p>	<p>Высшая цель / идеал – счастье, процветание, реализация своего предназначения в полисе (городе-государстве)</p>	<p>Добродетель: разумность, умеренность, справедливость</p>	<p>Отношение к греху: избыток/недостаток, потеря контроля, ошибка разума, невежество</p>
<p>Христианская этика</p>	<p>Высшая цель / идеал – спасение души и единство с Богом. Идеал – святость</p>	<p>Добродетель: вера, надежда, любовь, замствованные из античности, но переосмысленные</p>	<p>Отношение к греху: осознанный акт злой воли</p>
<p>Этика просвещения</p>	<p>Высшая цель / идеал – общественное благо и прогресс. Идеал – гражданин, разумный человек</p>	<p>Добродетель: следование законам разума, рационализм</p>	<p>Отношение к греху: преступление, социальный порок</p>
<p>Этика осознания</p>	<p>Высшая цель / идеал – Целостность личности. Идеал – самоактуализированный человек</p>	<p>Добродетель: честность с собой, принятие своей «тени»</p>	<p>Отношение к греху: самопознание, точка роста</p>
<p>Новая этика XXI века</p>	<p>Высшая цель / идеал – Справедливость и безопасность. Идеал – инклюзивная личность</p>	<p>Добродетель: минимализация вреда, чувствительность, ответственность</p>	<p>Отношение к греху: властное превосходство, нечувствительность</p>

Этика осознания всегда поощряла сострадание. Но в XXI веке эмпатия из «милого качества характера» превратилась в обязательный политический и социальный инструмент. Теперь осознанность – это умение увидеть мир глазами уязвимого человека. Важно не то, что ты хотел сказать, а то, как твои слова отозвались в другом.

Исторический экскурс

Понятие «старая этика» содержит большой спектр разнообразных человеческих идеалов. Старая этика западной культуры имеет много истоков, среди которых важнейшими являются греческое и иудео-христианское начало. В основе лежит идеалистическая этика. Под ней подразумевается философское направление, которое ставит в основу морали духовные начала, высшие идеи или разум, а не материальные потребности и выгоду.

Основной чертой старой этики является, во-первых, признание абсолютных ценностей, т. е. мораль считается вечной, неизменной, универсальной. Во-вторых, метафизическая основа, которая означает, что нравственные законы определяются объективным духом, разумом или божественным порядком, а не создаются людьми. Напомним, что объективный дух – это ключевая категория философии Гегеля, которая обозначает воплощение разума (духа) во внешнем мире через социальные институты, право, мораль, нравственность (государство, семью, гражданское общество). Это сверхиндивидуальная объективная реальность, которая существует независимо от каждого человека. Она утверждает первичность идеального, т. е. духовного начала над материальным.

Античная этика – это фундамент европейской моральной философии, отцом-основателем которой является Аристотель. К ключевым идеям античной этики можно отнести следующие:

1. Культ добродетели. Главное – это воспитание внутреннего стержня и характера. К основным добродетелям относились мудрость, мужество, умеренность и справедливость. Здесь надо упомянуть понятие эвдемонии, которую Аристотель считал целью. В отличие от гедонизма – погони за наслаждениями – такой подход рассматривает счастье как «деятельность души в полноте добродетели».

2. Рационализм. Нравственность неразрывно связана с разумом. Для Сократа «добродетель есть знание».

3. Космоцентризм. Человек рассматривался как часть упорядоченного космоса. Человек может сталкиваться с трудностями: болезнями или бедностью, но, если он сохраняет ясность ума и продолжает поступать справедливо и мудро, он остается «счастливым» в высшем смысле. Счастье – это внутренняя устойчивость, отсутствие крайностей в поведении, рожденная осознанием того, что ты выполняешь свой долг перед миром.

4. Принцип «Золотой середины». Аристотель считал, что добродетель – это баланс между двумя крайностями, т. е. пороками. Например, мужество – это середина между трусостью и безрассудной отвагой. Концепция «Золотой середины» Аристотеля – это не призыв к посредственности, а высшее проявление благоразумия. Согласно его этике, добродетель находится ровно посередине между двумя крайностями: избытком и недостатком [1]. Для Аристотеля поиск «золотой середины» – это и есть работа разума. Счастье заключается в том, чтобы через разумную деятельность находить этот баланс каждый день. «Середина» не является математически точной для всех. Для обычного человека «умеренность в еде» – это один объем, для атлета или кормящей женщины – другой. Именно поэтому разум, т. е. практическая мудрость, индивидуален и необходим для реализации предназначения.

Автор хочет обратить внимание на одну важную идею, которая сейчас противопоставляется «новой этике»: на то, что Сократ приравнял добродетель к знанию. Его этическая концепция гласит: «добродетель есть знание». Сократ считал, что человек совершает дурные поступки по незнанию. Если человек истинно знает, что есть добро, он не сможет поступить иначе. Добродетели можно научить, так как добродетель – это вид знания, ее можно передать через обучение или диалог. Отметим, что мужество, справедливость и умеренность – это проявления одного и того же «разумного знания», что и является благом.

Однако Аристотель критиковал формулу Сократа и Платона о том, что Добродетель есть Знание. Для Платона знание добродетели похоже на арифметику, по схеме: понял теорему – знаешь ее навсегда. Главный аргумент Аристотеля заключается в том, что Сократ и Платон игнорируют человеческую слабость. Добродетель – это навык, а не теория. Человек может быть справедливым, если он совершает справедливые поступки. Знание без применения его на практике – это мертвое знание, нужно приучать себя поступать правильно автоматически. Не зря Аристотель ввел два понятия об интеллекте/мудрости: теоретическая «софия» (знание законов космоса, математики, бытия) и практическая «фронезис» (умение принимать правильные решения в конкретной жизненной ситуации).

Таким образом, Аристотель утверждал, что одного знания недостаточно, необходима воля. Воля, в свою очередь, тренируется совершением поступков или бездействием. Воля, по Аристотелю, тренируется через привычки *ethismos*. Мы становимся теми, что мы делаем постоянно. Совершая справедливые поступки, мы становимся справедливыми. Совершая мужественные поступки, мы становимся мужественными. «Добродетель не дается нам от природы; от природы нам дана лишь возможность ее приобрести, а закрепляется она через привычку» [1]. Под бездействием и волей

в концепции «золотой середины» Аристотель понимает следующее. Воля проявляется в двух направлениях: как активное действие, т. е. способность заставить себя сделать то, что трудно, но правильно (например, защитить слабого), и как воздержание (бездействие) – способность удержать себя от мимолетного удовольствия или гневного порыва. Это тоже акт воли – сознательный отказ от импульсивного поступка.

Новая этика смещает фокус с проявления индивидуальной воли, т. е. достижения любой ценой, доминирования, на безопасность и согласие. Автор полагает, что это превращает общество в культуру «жертв», где вместо развития стойкости люди ищут внешнюю защиту.

В то время как «старая» этика настаивает на личной ответственности и нейтралитете институтов, «новая этика» фокусируется на защите уязвимых групп и инклюзивности. К основным чертам новой этики можно отнести следующие:

1. Приоритет личных границ. Жесткий пересмотр физического и психологического пространства личности. То, что раньше считалось «неудачной шуткой», теперь может трактоваться как харассмент или абьюз.

2. Инклюзивность и толерантность. Требование равного представительства и уважения к особенностям каждого человека, независимо от его пола, ориентации, этничности или физических возможностей.

3. Пересмотр иерархий. Отказ от безусловного авторитета «сильных» (начальников, учителей, старших) в пользу горизонтальных отношений и права подчиненного или младшего заявлять о несправедливости.

4. Культура отмены. Практика коллективного осуждения и публично-го бойкота медальиц или брендов за высказывания или действия, которые считаются неприемлемыми.

5. Массовая публичность частного. Благодаря социальным сетям этические конфликты, происходящие за закрытыми дверями, мгновенно становятся предметом общественного обсуждения.

Что касается христианской этики, то с новой этикой у нее также существуют ключевые точки различия. Во-первых, вертикаль и горизонталь подчинения. Христианство признает естественную иерархию: Бог – человек, родители – дети. Новая этика стремится к полной деконструкции любых иерархий ради инклюзивности. Сторонники новой этики часто опираются на идеи постструктурализма. Основным аргумент звучит так: любая вертикаль – начальник/подчиненный, учитель/ученик, эксперт/дилетант – выстроена не на «естественном порядке», а на привилегиях.

Во-вторых, в христианстве грех – это повреждение человеческой природы. В новой этике «грехом» становятся микроагрессия, токсичность и нарушение личных границ.

Попробуем разделить развитие человеческой морали на три больших этапа.

Идея античной этики – это добродетель, т. е. счастье достижимо только через совершенствование души и разума. С точки зрения меры это избегание крайностей; добродетель находится посередине между избытком и недостатком. Античная этика сделала человека ответственным за собственный нравственный выбор через собственный разум и принятие самостоятельных решений, заложив фундамент для последующих этических учений.

Основная идея иудео-христианской этики заключается в абсолютной ценности человеческой личности, созданной «по образу и подобию Божьему». Моральные нормы диктуются единым Богом и обязательны для всех. Свобода воли и ответственность: человек способен выбирать между добром и злом, неся личную ответственность за свои поступки. Десять заповедей – это базовый моральный кодекс, устанавливающий запреты на убийство, кражу и ложь.

Этика Просвещения – это переход от божественных заповедей к человеческому разуму. К главным идеям можно отнести следующие критерии. Автономия личности, т. е. человек сам определяет свой моральный долг, не опираясь на авторитет церкви. Разумный эгоизм: стремление к личному счастью не противоречит общественному благу. Категорический императив Иммануила Канта: поступай так, чтобы принцип твоего поведения мог стать всеобщим законом [4]. Гуманизм и прогресс: вера в то, что через образование и воспитание можно создать идеальное общество. И наконец, естественные права – мораль тесно связана с правом на свободу, равенство и собственность.

Декларация прав человека и гражданина, провозглашенная в 1789 году, – это прямое воплощение идей эпохи Просвещения. Документ закрепил принципы естественного права, свободы, равенства и народного суверенитета, провозглашенные философами-просветителями, такими как Жан-Жак Руссо, Шарль Луи де Монтескье, Джон Локк, став идеологической основой для борьбы против деспотизма и сословного строя.

Итак, «старая» этика провозглашает, что права принадлежат человеку просто по праву рождения. Она стремится к универсальности: закон и мораль должны быть едины для всех. В центре Декларации стоит индивид. Его право на свободу, собственность и безопасность является высшей ценностью. Мораль «старой» этики защищает личные границы человека от произвола государства или толпы.

Конфликт между этими двумя подходами – одна из главных точек напряжения в современной культуре и науке. Приверженцы «старой» этики считают, что отказ от универсальных принципов Декларации 1789 года

ведет к цензуре и разобщенности. Сторонники «новой» полагают, что старые принципы были лишь декларативными и не защищали уязвимые группы на практике.

Рассмотрим принципы современной этики XXI века подробнее.

Что скрывает «новая этика»?

И «старая» (традиционная) этика, и «новая» этика призваны работать с человеческой природой, но через разные подходы. Под новой этикой автор понимает собирательный термин, описывающий современные изменения в социальных нормах, культуре общения и правилах поведения в обществе. Она не является единой научной теорией, а скорее отражает процесс адаптации классических моральных принципов к реалиям XXI века, в особенности к цифровой среде и новым социальным трендам. Феномен «новой этики» в XXI веке заключается в том, что она с помощью внешних инструкций призвана регулировать те межличностные отношения между людьми, которые призваны совершенствовать человека изнутри посредством проявления воли к дружбе, любви, знаниям. Однако некоторые постулаты новой этики пытаются наделить данные отношения предсказуемостью и прагматизмом, тем самым «обездвижив» волю человека. Новая этика подразумевает императивные методы борьбы с инакомыслием. Таким образом, провозглашаемые ценности, такие как справедливость и инклюзивность, в реальности оборачиваются новыми формами манипуляций, цензуры и общественного давления.

Рассмотрим, к примеру, такое явление, как «харассмент». Харассмент – это поведение, которое нарушает личные границы человека, унижает его достоинство и создает дискомфортную или враждебную атмосферу. Современные социологи выделяют сексуальный, вербальный, психологический, цифровой харассмент. Акцентируем внимание на двойственности этого понятия. Двойственность харассмента обычно рассматривается в двух плоскостях: юридической (как разрыв между законом и восприятием) и психологической (как сложность отношений между агрессором и жертвой). Рассмотрим основные аспекты этой двойственности: субъективность и объективность.

Это главная юридическая дилемма. Один и тот же жест, например рука на плече или комплимент, одним человеком может восприниматься как проявление дружелюбия, и другим – как акт нежелательного внимания. Граница часто зависит не от намерения того, кто совершает действие, а от восприятия того, на кого оно направлено.

Двойственность часто проявляется в рабочих отношениях. Харассмент редко выглядит как открытое насилие; часто это «смешанные сигналы». Так, руководитель может оказывать профессиональную помощь, одно-

временно требуя личного внимания. Жертва оказывается в ловушке: если она примет помощь, это выглядит как согласие на флирт; если отвергнет флирт – лишится карьеры.

Общество часто склонно интерпретировать харассмент двояко. «Сама виновата»: если жертва вела себя дружелюбно или одевалась определенным образом, ее поведение трактуют как провокацию. «Это просто флирт»: серьезные нарушения часто сглаживаются до уровня «неудачной шутки» или «излишней чувствительности» пострадавшей стороны. Таким образом, в данном феномене отсутствует четкая граница «хорошо/плохо». Зачастую данное явление является попыткой манипулирования сознанием людей с точки зрения дозволенного или должного поведения, снимая с индивидуума ответственность за поведение с противоположной стороной, обвиняя жертву в злоупотреблении своими правами, а себя при этом автоматически причисляя к статусу жертвы. В отличие от «старой» этики, акцент делается не на намерениях «агрессора» («я просто пошутил»), а на чувствах пострадавшего. Отсюда происходит культура согласия (Consent) и культура отмены (потеря репутации и действующих договоров/контрактов за совершение аморального поступка). По меркам «новой этики» любое взаимодействие (от физического до цифрового) требует явного подтверждения. Не только «нет» значит «нет», но и отсутствие «да» также приравнивается к отказу.

Логика может привести вас из пункта А в пункт Б, а воображение – куда угодно. Логика символизирует рациональный подход, линейность и предсказуемый результат, а воображение (инновации/творчество) говорит о том, что можно мыслить нестандартно и выходить за рамки известного. Но нужно ли, чтобы человек и в этических вопросах выходил за рамки изведенного? «Новая этика» смещает фокус с индивидуальной воли (достижение любой ценой, доминирование) на безопасность и согласие. Автор полагает, что это может превратить общество в культуру «жертв», где вместо развития стойкости люди будут искать внешнюю защиту.

«Новая этика» сама становится инструментом дискриминации, если применять ее достаточно радикально. Если любая концепция, даже самая гуманная, возводится в абсолют, она рискует превратиться в то, с чем изначально боролась. В философии это называют «парадоксом толерантности» или перегибом «золотой середины». Вот как «новая этика» может превращаться в инструмент дискриминации через призму тезиса о разуме:

1. Отказ от объективности (избыток эмпатии). Если старая этика была слишком жесткой, то новая иногда впадает в крайность, где чувства и обиды ставятся выше рациональных аргументов. Человек может быть «отменен» или уволен не за плохую работу и даже не за аморальный поступок,

а за высказанное им мнение, которое показалось кому-то обидным, даже если оно логически обосновано. Здесь разум подменяется эмоцией.

2. Дискриминация наоборот. Стремление преодолеть неравенство через жесткие квоты (например, при приеме на работу) может привести к новой несправедливости. Если человек получает место не потому, что он лучше всех реализовал свой разум и потенциал в этой сфере, а только из-за его принадлежности к определенной группе, это бьет по тем, кто объективно сильнее, но «не вписался» в квоту.

3. Потеря свободы. Новая этика создает жесткий коридор «правильных» высказываний. Разум требует сомнения и дискуссии. Если за любое сомнение в догмах новой этики человека клеймят как «агрессора», это подавляет интеллектуальную свободу и мешает поиску истины.

Как бы на это посмотрел Аристотель? На взгляд автора, он бы считал, что мы прошли мимо золотой середины. Если недостаток – игнорирование дискриминации (старая этика), избыток – агрессивное навязывание инклюзивности ценой свободы слова и объективности («радикальная новая этика»), то золотая середина – справедливое отношение к каждому, основанное на индивидуальных заслугах и достоинстве, при сохранении чуткости к тем, кто был обделен возможностями.

Реализация своего предназначения невозможна в обществе, где человека судят только по его групповой идентичности, будь то привилегированная группа или угнетенная. Истинное счастье требует возможности быть оцененным по объективным результатам.

Проблематика «новой этики» в современном мире

Вернемся к мысли о том, что «счастье есть реализация предназначения через разум», и в связи с этим укажем на некоторые серьезные угрозы, которые несет в себе радикальная интерпретация «новой этики».

Во-первых, формализм и «протокольное» мышление. Главная угроза заключается в том, что живое этическое чувство и работа разума заменяются инструкциями. Вместо того чтобы разумно оценивать ситуацию, тем самым развивая эмоциональный интеллект и эмпатию, человек просто следует инструкции: «как не обидеть», «какие слова использовать» и т. п. В результате личность перестает нести моральную ответственность, превращаясь в инфантильного исполнителя алгоритмов, избегающего ответственности и стремящегося переложить свои проблемы на других (общество). Это убивает саму суть реализации предназначения.

Во-вторых, происходит подмена компетенции лояльностью. Угроза не в том, что кого-то «отменяют», а в том, что критерием «хорошего человека» и «профессионала» становится не его вклад и острота ума, а его публич-

ное согласие с текущей повесткой. Если разумный человек вынужден молчать или подстраиваться, чтобы «соответствовать», он не может полноценно реализовать свое предназначение.

И наконец, разделение общества. «Новая этика», акцентируя внимание на различиях и меньшинствах, разрушает общее пространство для дискуссии. Если «у каждого своя правда» и «вы не можете меня понять, потому что вы не из моей группы», то разум, который по своей природе универсален, перестает быть мостом между людьми.

На взгляд автора, самый глубокий парадокс современной культуры состоит в том, что если мы принимаем тезис, что счастье – это реализация предназначения через разум, то инфантилизация становится главным врагом этого счастья. Разум и предназначение не развиваются в «стерильной» среде. Вот почему стремление устранить любой дискомфорт (физический, ментальный или эмоциональный) разрушает личность.

1. Отсутствие препятствий – отсутствие роста. Для того чтобы разум окреп, ему нужны препятствия. В педагогике и психологии есть понятие «зоны ближайшего развития»: человек растет, развивается только тогда, когда сталкивается с задачей, которая ему не по зубам. Когда «новая этика» требует оградить человека от любых сложностей, общество лишается ментального иммунитета. В итоге, столкнувшись с реальной жизнью, где дискомфорт неизбежен, такой «защищенный» человек пасует, не имея навыков преодоления.

2. Счастье как дешевый дофамин или счастье как достижение. Инфантилизация подменяет аристотелевское понимание счастья – эвдемонию – примитивным комфортом. Если главная цель – отсутствие стресса, то разум начинает работать не на реализацию предназначения, а на избегание ответственности. Реализация предназначения всегда сопряжена с риском, критикой и сверхусилиями. Ограждая человека от дискомфорта, общество фактически лишает его шанса стать по-настоящему счастливым через самореализацию.

3. Кризис субъектности. Инфант – это объект заботы, а не субъект действия. Инфантильный человек начинает воспринимать себя как «жертву обстоятельств», «чувствительное существо», за которое отвечает общество/государство/корпорация. Происходит утрата разума. Разум предполагает автономию и способность принимать решения. Когда за человека решают, что ему читать, как говорить и на что обижаться, его «разумная мышца» атрофируется. Общество превращается в «теплую лужу», человек размокает, но реализация предназначения требует «закалки». «Новая этика», стремясь защитить уязвимых, рискует сделать уязвимым большинство. Мы пытаемся убрать камни с дороги, но в итоге люди разучиваются ходить по неровной поверхности.

Возврат к традиционной этике в этом контексте – это не откат в прошлое, а восстановление вертикали ценностей, где объективные достижения и характер стоят выше субъективного комфорта.

Заключение

Ключевые постулаты «новой этики», введенные Нойманом, стали фундаментом для современных социальных конструктов и их дальнейшего развития. Его идея принятия теневой стороны личности стала основой для субъективизации истины, впоследствии – для радикального принятия себя. То, что раньше считалось порочным и постыдным, сегодня выносится в поле обсуждения для интеграции в общество. Это мы можем наблюдать в вопросе прав меньшинств или в иных вопросах межличностных отношений. Нойман делает акцент на внутренней работе индивида, однако современная «новая этика» часто переносит фокус на внешние социальные институты и правила поведения. Если Нойман считал, что преобразование общества может быть произведено через личную трансформацию, то современный подход часто требует внешних системных изменений.

В этом автор видит основное противоречие между этикой Ноймана и «новой этикой». Смысл данного противоречия отображен в знаменитой фразе Канта: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне» [4]. Для Канта небо – символ порядка и объективности. Вопрос заключается в следующем: едино ли звездное небо для всех? Или же мы живем в век плюрализма этических законов?

Автор убежден, что общество не может жить без «неба». Если мы просто отменим идеалы и закон, не предложив ничего взамен, общество провалится в психологический регресс и хаос. Самое трудное – найти золотую середину между гиперответственностью и безответственностью, так как умение брать на себя ответственность за сделанный выбор, соответствующий возможностям, лишает нас психологического оправдания. Раньше можно было сказать «Я следовал правилам» или «Так велит Бог, закон, традиция». Это снимало с человека груз личного выбора.

Без «единого звездного неба» в современном мире человек никогда не можешь быть «стерильным». Он осознает свою агрессию, свои эгоистичные мотивы и свою Тень, и такое состояние вызывает постоянный внутренний конфликт. Когда «звездное небо», т. е. универсальный ориентир, гаснет, человек остается один на один с ситуацией. Нет готового ответа, как поступить «правильно» во всех случаях жизни. Каждый раз нужно заново взвешивать ценности, риски и последствия. Это требует колоссаль-

ных энергозатрат и внутренней работы, к которой большинство людей не готовы. К чему это ведет сегодня?

Мы видим, что человечество бунтует против старой (традиционной) этики, но вместо того, чтобы выбрать путь золотой середины, общество ищет новые «небеса» в «новой этике», тем самым порождая новую догматичность, создавая правила того, что можно и что нельзя говорить или делать, т. е. пытаясь вернуть «закон» в новой обертке. Групповая идентичность – это желание спрятаться в «стае», где за тебя решит идеология группы.

Человек не может долго жить в этическом вакууме. Если «звездное небо» гаснет, психика ищет замену в земных суррогатах. Место морального закона занимают идеологии, культы или мнения блогеров. Вместо сложной внутренней работы человек начинает слепо следовать за толпой, потому что это дает ощущение безопасности.

Автор убежден, что истинная золотая середина – это проявление аристократизма духа. Она доступна лишь тем, кто готов выдержать напряжение между своими инстинктами и своим сознанием, не уходя при этом в мнимую набожность или в фарисейство. Таким образом, концепция трансформации традиционной этики – это идеальный противовес инфантилизму. Необходимо обрести золотую середину между «старой» и «новой» этикой.

Культ аскезы и самодисциплины. В «новой этике»: «Я чувствую дискомфорт, значит, мир должен измениться». В традиционной этике: «Я чувствую трудность, значит, я должен стать сильнее, чтобы ее преодолеть». На взгляд автора, золотая середина – это признание того, что внешние обстоятельства сложны и трудны, мир не может быть стерильным – но я хочу стать сильнее и взять ответственность здесь и сейчас. Данное суждение возвращает человеку субъектность: счастье становится результатом твоих усилий, а не комфортных внешних условий.

Если «новая этика» центрирована на «Я» и моих границах, то традиционная – на предназначении (деле, истине, Боге). Реализация предназначения через разум невозможна без признания чего-то более важного, чем твой синоминутный покой. Человек обретает масштаб личности, когда он служит большой цели. Автор убежден, что к большим целям в настоящее время мы можем отнести три категории: любовь, искусство и науку. Стремление к ним и есть та самая реализация, благодаря которой человек на протяжении всей жизни познает истину.

Возврат к традиции сегодня – это способ вернуть обществу «взрослость». Однако важно избежать крайности – «деспотизма традиции», который подавлял бы разум слепым подчинением. Истинная традиция, как ее понимали античные философы или мыслители Возрождения, – это порядок вместо хаоса чувств, иерархия смыслов вместо равенства всех мнений, усиление личности вместо ее «оберегания».

Литература

1. *Аристотель*. Этика. – М.: АСТ, 2020. – 235 с.
2. Гусейнов А.А. Что нового в «новой этике» // Ведомости прикладной этики. – 2021. – № 58. – С. 91–106.
3. Кант И. Критика способности суждения. – М.: Азбука, 2023. – 448 с.
4. Кант И. Критика практического разума. – М.: Азбука, 2023. – 255 с.
5. Корнев В.Н. Образ человека в праве // Правосудие. – 2021. – № 3. – С. 8–16.
6. Кротовская Н.Г., Кулагина-Ярцева В.С. «Новая этика», истоки и современность (обзор) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2022. – № 2А. – С. 241–259.
7. Нойманн Э. Глубинная психология и новая этика. – М.: Азбука, 2008. – 256 с.
8. Романов И.Ю., Торопова А.А. Нечестные знаки новой искренности: очередной виток отчуждения общества спектакля // Идеи и идеалы. – 2024. – Т. 16, № 1, ч. 1. – С. 166–184. – DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.1.1-166-184.
9. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. – М.: Прогресс, 1992. – 576 с.
10. Швейцер А. Культура и этика. – М.: Директ-Медиа, 2007. – 590 с.
11. Юнг К.Г. Проблема души нашего времени. – М.: Прогресс, 1994. – 336 с.
12. Юнг К.Г. Ответ Иову. – М.: Канон+, 2023. – 352 с.

References

1. Aristotle. *Etika* [Ethics]. Moscow, AST Publ., 2020. 235 p. (In Russian).
2. Guseinov A.A. Chto novogo v «novoi etike» [What's New in the "New Ethics"]. *Vedomosti prikladnoi etiki = Semestrial Papers of Applied Ethics*, 2021, no. 58, pp. 91–106.
3. Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Critique of the Power of Judgment]. Moscow, Azbuka Publ., 2023. 448 p. (In Russian).
4. Kant I. *Kritika prakticheskogo razuma* [Critique of Practical Reason]. Moscow, Azbuka Publ., 2023. 255 p.
5. Kornev V.N. *Obraz cheloveka v prave* [The Image of a Person in Law]. *Pravosudie = Justice*, 2021, no. 3, pp. 8–16. (In Russian).
6. Krotovskaya N.G., Kulagina-Yartseva V.S. «Novaya etika», istoki i sovremennost' (obzor) ["New Ethics": Review of Origins and Modernity]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke = Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*, 2022, no. 2A, pp. 241–259.
7. Neumann E. *Glubinnaya psikhologiya i novaya etika* [Depth Psychology and a New Ethic]. Moscow, Azbuka Publ., 2008. 256 p. (In Russian).
8. Romanov I.Yu., Toropova A.A. Nechestnye znaki novoi iskrennosti: ocherednoi vitok otchuzhdeniya obshchestva spektaklya [Dishonest Signs of the New Sincerity: Another Round of Alienation of the Performance Society]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2024, vol. 16, iss. 1, pt. 1, pp. 166–184. DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.1.1-166-184.

9. Schweitzer A. *Blagogovenie pred zhizn'yu* [Reverence for Life]. Moscow, Progress Publ., 1992. 576 p. (In Russian).
10. Schweitzer A. *Kultura i etika* [Culture and Ethics]. Moscow, Direct-Media Publ., 2007. 590 p. (In Russian).
11. Jung K.G. *Problema dushi nashego vremeni* [The Problem of the Soul of Our Time]. Moscow, Progress Publ., 1994. 336 p. (In Russian).
12. Jung K.G. *Otvet Iovu* [Answer to Job]. Moscow, Kanon+ Publ., 2023. 352 p. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 31.03.2026.

Статья прошла рецензирование 13.04.2026.

The article was received on 31.03.2026.

The article was reviewed on 13.04.2026.

Биоэтическая проблема, связанная с умиранием и смертью, в оптике православного вероучения

Гончаренко Артем Владимирович,

студент магистратуры

философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,

Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ,

учебно-научный корпус «Шуваловский»

ORCID: 0009-0000-8855-9930

arty.goncharencko@yandex.ru

Аннотация

Трансформации в общественной жизни, стремительное развитие биотехнологий привели к пересмотру границ между жизнью и смертью. С одной стороны, человечество достигло небывалого роста биотехнологического вмешательства в процессы, связанные с началом и окончанием жизни человека. С другой стороны, метаморфозы биомедицины современности сталкиваются с необходимостью осмысления пределов допустимости в этическом, религиозном и правовом дискурсах. Религиозные институты традиционно проводят экспертизу и дают оценку новой технологической реальности, включая медицинские манипуляции. Медицина во все времена была связана с религией, религия – с врачеванием. И это не случайно, поскольку и религия, и медицина стоят у истоков жизни и смерти. Христианство, в частности православная традиция, на протяжении истории формировало конфессиональное представление о смерти и сопутствующих умиранию процессах. На сегодняшний день христианские церкви продолжают реагировать на общественные тенденции и развитие медицины как в официальных заявлениях, так и на уровне отдельных представителей религиозных организаций.

Целью статьи является рассмотрение комплекса вопросов, связанных со смертью и умиранием в оптике православного вероучения, соединяющее анализ текстов Священного писания и предания с опытом современной церковной практики. Описание православного представления о смерти, выявление доктринальных обоснований и выделение официальных позиций по вопросам паллиативной помощи, эвтаназии, посмертного донорства и кремации составляют задачи настоящего исследования. Научная новизна заключается в попытке выведения определения биоэтической проблемы, связанной со смертью и умиранием, а также расширенный обзор связанных с ней тем в контексте христианской этики. В работе представлены как этико-богословские позиции, так и практический опыт разрешения практических ситуаций, сопряженных с предметом исследования. Настоящая статья может быть полезна для медиков, специалистов в области при-

кладной этики и теологии, а также для всех интересующихся биоэтической проблематикой.

Ключевые слова: христианская биоэтика, смерть, умирание, танатология, православие, паллиативная помощь.

The Bioethical Problem of Dying and Death in the Perspective of Orthodox Doctrine

Artem Goncharenko,

Master's student

Faculty of Philosophy,

M.V. Lomonosov Moscow State University,

Leninskie Gory, bld. "Shuvalovsky", Moscow, 119991, Russian Federation

ORCID: 0009-0000-8855-9930

arty.goncharenko@yandex.ru

Abstract

Transformations in public life and the rapid development of biotechnology have led to a redefinition of the boundaries between life and death. On the one hand, humanity has achieved unprecedented growth in biotechnological intervention in processes related to the beginning and end of human life. On the other hand, the metamorphoses of modern biomedicine face the need to understand the limits of tolerance in ethical, religious and legal discourses. Religious institutions traditionally conduct expertise and assess the new technological reality, including medical manipulations. Medicine has always been associated with religion, religion with healing. And this is not accidental, since both religion and medicine are at the origin of life and death. Christianity, in particular, the Orthodox tradition, throughout history has formed a confessional view of death and the processes associated with dying. Today, Christian churches continue to respond to social trends and the development of medicine both in official statements and at the level of individual representatives of religious organizations.

The purpose of the article is to consider a set of issues related to death and dying in the optics of the Orthodox faith, combining the analysis of the texts of Holy Scripture and tradition with the experience of modern church practice. The objectives of this study are to describe the Orthodox view of death, identify doctrinal justifications, and identify official positions on palliative care, euthanasia, postmortem donation, and cremation. The scientific novelty consists in an attempt to derive a definition of the bioethical problem of death and dying, as well as an expanded overview of related topics in the context of Christian ethics. The work presents both ethical and theological positions and practical experience in resolving practical situations related to the subject of the study. This article may be useful for physicians, specialists in the field of applied ethics and theology, as well as anyone interested in bioethical issues.

Keywords: Christian bioethics, death, dying, thanatology, Orthodoxy, palliative care.

Библиографическое описание для цитирования:

Гончаренко А.В. Биоэтическая проблема, связанная с умиранием и смертью, в оптике православного вероучения // Идеи и идеалы. – 2026. – Т. 18, № 2, ч. 2. – С. 410–427. – DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.2.2-410-427.

Goncharenko A. The Bioethical Problem of Dying and Death in the Perspective of Orthodox Doctrine. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2026, vol. 18, iss. 2, pt. 2, pp. 410–427. DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.2.2-410-427.

*Светлой памяти
профессора Натальи Алексеевны Фроловой*

Введение

Смерть и умирание представляют собой «последние аккорды» в существовании живого существа в материальном мире. Данные «точки на прямой человеческой жизни» возможно осмыслять диаметрально по-разному, исходя из оптики ценностного рассмотрения. В настоящее время, в том числе по причине нарастающей мировой тенденции медикализации социума, человек чаще проводит последние минуты жизни в медицинских учреждениях различного типа. Например, паллиативные центры, стационарные клиники.

Нередко для выработки терапевтической стратегии врачу необходимо учитывать не только биологический, но и биографический портрет пациента, его патологии. Убеждения пациента, включая религиозные, в зависимости от конкретной ситуации могут предполагать невозможность некоторых медицинских манипуляций, допустимых в действующим порядком. Отсюда возникает прямая взаимосвязь не только «технического» взаимодействия врача и пациента, но и предметного социально-ценностного коммуницирования. Следует отметить, что в настоящем исследовании смерть и умирание рассматривается как комплексная биоэтическая проблема, включающая субъекта умирания и третьих лиц (например, врач, родственник, священник), взаимодействующих в рамках разрешения медицинских, правовых и религиозно-этических вопросов.

Христианская религиозная система, в том числе через призму православного вероучения, обладает собственным видением процессов умирания и смерти. Третьим лицам, взаимодействующим с субъектом умирания, для понимания внутренней логики совершаемого им медицинского выбора в каждом конкретном случае необходимо представлять ценностную систему координат пациента. Например, паллиативная помощь, эвтаназия, прием обезболивающих, посмертная трансплантация и др.

Основой источниковой базы для настоящего исследования явились тексты Священного писания, нормативные акты православных церквей, исследования в области православной антропологии Ж.-К. Ларше. В данной статье были использованы материалы, позволяющие провести краткий сравнительно-религиоведческий обзор позиций Римско-католической церкви и протестантских конфессий по проблематике, затрагиваемой в исследовании. Данная работа при рассмотрении заявленной темы включает в себя не только теоретико-нормативную литературу, но и источники, представляющие иллюстрации практических примеров рассматриваемых вопросов.

Отдельно хотелось бы отметить, что документ «Основы социальной концепции Русской православной Церкви», принятый на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви Московского Патриархата 2000 года, до сих пор остается наиболее передовым по объему затрагиваемых тем и полноте ответов на вызовы современности. Аналогичный нормативный акт «За жизнь мира. На пути к социальному этосу Православной Церкви» Вселенского Константинопольского патриархата, принятый на двадцать лет позднее, представляет собой преимущественно абстрактный текст (в разделе, касающемся биоэтической проблематики). Следует отметить, что в настоящее время прекращено молитвенное и евхаристическое общение Русской Православной Церкви и Константинопольского патриархата [17].

От земного к небесному: каноническое представление о смерти и умирании

В православном восприятии смерти и умирания четко прослеживается эсхатологический оптимизм, отраженный в лексических единицах языков христианских народов. Возводимые к общей семантике, лексемы «успение», «преставление» и «смерть» принципиально отличаются образом исхода. «Успение» представляет собой отглагольную форму слова «уснуть» (уснуть) [37, с. 996], а «преставление» – переход [16, с. 491], радикально контрастируя с пониманием смерти как окончанием всякой потенциальности. Наиболее полно место каждой из этих категорий в православном вероучении можно проиллюстрировать словами тропаря праздника Успения Пресвятой Богородицы: «...во успении мира не оставила еси, Богородице, преставилася еси к животу, Мати сущи Живота, и молитвами Твоими избавляеши от смерти души наша» [38, с. 98]. Следовательно, смерть физическая для православного христианина не является концом, но представляет собой новый этап непрерывной экзистенции. Далее рассмотрим, что включает православное представление о подготовке и бытии на этой стадии жизни.

Святые отцы единогласны в том, что нельзя считать Бога создателем болезней, страданий и смерти [21, с. 17]. Первоисточником страданий и смерти является личный и первородный грех [21, с. 36–37], довлеющий над человеческим родом «доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» [5, с. 7] (Быт. 3:19). Следует отметить, что на протяжении Священной истории от Ветхого к Новому Завету вместе с отношениями Бога и человека трансформировался «статус» смерти.

В Ветхом завете есть слова, что «крепка, как смерть, любовь» [5, с. 700] (Песн. 8:6), но Новый Завет открывает, что божественная любовь сильнее смерти. Наиболее концентрировано это представление новозаветного откровения выразил святитель Иоанн Златоуст: «Никтоже да убоится смерти, свободи бо нас Спасова смерть. Где твое, смерте, жало; где твоја, аде, победа? Воскресе Христос, и мертвый ни един во гробе. Христос бо востав от мертвых, Начаток усопших бысть. Тому слава и держава, во веки веков. Аминь» [28, с. 30].

В соответствии с христианской доктриной, распятие, смерть и воскресение Христа для верующих в Него, как в Господа и Бога, представляют то, чем «последний же враг истребится – смерть» [5, с. 1399] (1 Кор. 15:26). В связи с этим особый смысл обретают слова апостола Павла: «Для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение» (Флп. 1:21), «...имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас» [5, с. 1426] (Флп. 1:23–24). Апостол указывает на превосходство для христианина посмертного инобытия над земной «подготовкой». Исходя из этого, наиболее понятными становятся слова митрополита Антония Сурожского: «Надо готовиться не к смерти, надо готовиться к вечной жизни» [3, с. 107].

Святые отцы, подчеркивая целостность человека в его двухсоставности, четко дифференцируют роль души и тела в процессе преставления. Душа, разлучившись с телом, не отделяется от него полностью, но неким образом остается в нем и сохраняет с ним тесную связь [22, с. 106–107]. Одновременно с этим душа перемещается, пройдя определенный путь, в место уготованной Богом «дислокации» до Страшного суда (рай или ад). В христианском представлении человек воскреснет во всей своей целостности в преддверии Страшного суда, что закреплено в одиннадцатом члене Символа веры.

В настоящей статье нецелесообразно разбирать богословские построения о пути преставления, так как для понимания внутренней мотивации субъекта умирания достаточно иметь представление о ключевых точках перехода в инобытие. Следует отметить, что представления о рае и аде как в церковной литературе, так и в сознании адептов необходимо разде-

лять на богословские и педагогические. В данном исследовании наиболее значимыми являются первые, отражая каноничный контекст, влияющий на потенциальное принятие медицинского выбора верующего пациента. Православная традиция предельно ограничивает концептуальный образ ада словами Священного писания. Христос отвечал на вопрос о Царстве Небесном по-разному с характерной для Его речи образностью. Например, Царство небесное подобно «зерну горчичному» [5, с. 1114] (Мф. 13:31-32), «сокровищу, скрытому на поле» [5, с. 1115] (Мф. 13:44), «царю, который сделал брачный пир для сына своего и послал рабов своих звать званых на брачный пир; и не хотели прийти» [5, с. 1130] (Мф. 22:2-14), «кущу, ищущему хороших жемчужин» [5, с. 1115] (Мф. 13:45-46) и др. Представления об аде также ограничиваются словами Христа: «...идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его» [5, с. 1137] (Мф.25:41). Примечательно, что ад не был уготован для человека, но индивидуальное грехопадение становится катастрофой, открывающей возможность подобного «соседства». Интересно, что в католической традиции к посмертным дислокациям души добавляется чистилище – «особое место или промежуточное состояние огненного очищения муками после смерти» [27].

Важно отметить, что в православной традиции серьезное значение для определения посмертной участи усопшего имеют общецерковные и частные молитвы о нем. Позиция по данному вопросу католической церкви и протестантских конфессий серьезно отличается. Например, в католической традиции считается, что в заупокойной молитве нуждаются только души, находящиеся в чистилище, а представители большинства протестантских церквей и деноминаций заключили, что молитва о почивших вовсе не имеет смысла [18, с. 752].

Завершая краткую характеристику канонических представлений православных христиан о смерти и умирании, а также о сопутствующей обрядовой стороне, перейдем к вопросам практической биоэтики в оптике православного вероучения. Мы будем опираться в первую очередь на позиции, документы и практику Русской Православной Церкви Московского Патриархата. Так как зона ее канонической ответственности распространяется не только на Российскую Федерацию, но и на страны СНГ, Украину, ряд западноевропейских и азиатских государств и учитывая единство по ключевым биоэтическим вопросам православных поместных церквей и широкий социокультурный охват паствы русской церкви, рассмотрение приведенных ниже биоэтических проблем может быть в разной степени актуально для разных государств, находящихся в пределах канонической территории одной церкви.

Душепопечение и паллиативная помощь: от боли к надежде

Для христианского сознания немаловажным являются обстоятельства наступления смерти, что выражено в молитвенных словах: «избави и соблюди раба Божия от напрасныя смерти» [9, с. 37]. Наиболее полное отражение смысла категории «напрасной смерти» находим в словах философа М. Мамардашвили: «...многие миллионы людей не просто умерли, а умерли не своей смертью, то есть такой, из которой никакого смысла для жизни извлечь нельзя и научиться ничему нельзя» [23, с. 568]. Трагичность, но и одновременно не абсолютность такого воззрения можно увидеть на примере жития святого праведного отрока Артемия Веркольского, который умер от удара молнии. Обстоятельства его смерти были восприняты как наказание Божие и «тело блаженного Артемия, как умершего от внезапной смерти, осталось не отпетым и не погребенным» [13, с. 445]. Ввиду этого умирание и смерть сопровождаются не только морализаторским, но и особым богослужбным присутствием церкви.

Участие в таинствах Церкви (например, елеосвящение, исповедь, евхаристия) может рассматриваться как духовное средство исцеления, так и подготовка к встрече с призвавшим «из тьмы в чудный Свой свет» [5, с. 1351] (1Пет.2:9). Одновременно с этим возможно совершение последований «Чина, бываемого на разлучение души от тела» и «Чина, бываемого на разлучение души от тела внегда больной долго страждет». Названные богослужения могут совершаться как под сводами храма, так и у постели умирающего дома или в больнице, в соответствии с требованиями нормативных актов государства. Интересно, что с развитием информационно-коммуникационных технологий часть богослужений стало возможно совершать над субъектом умирания дистанционно. Например, митрополит Ростовский и Новочеркасский Меркурий совершил указанный чин над оперной певицей Е.В. Образцовой, находящейся на лечении в клинике Лейпцига, дистанционно [39, 0:00:40 – 0:01:44]. Венцом богослужений, сопровождающих умирание и смерть, является чин отпевания, который предписано совершать с особой торжественностью «при участии целого сонма священнослужителей, если возможно, то и с архиереем во главе» [4, с. 145].

На страницах Священного писания неоднократно встречаются сюжеты, которые находят отклик в практике паллиативной помощи. Например, притча о милосердном самарянине, оказавшем помощь тяжело больному человеку, указывающая на то, что каждый человек для христианина является «ближним». [5, с. 1207] (Лк. 10:30–37). Паллиативная медицинская помощь нередко сопровождает процесс умирания неизлечимо больных пациентов. Основной целью паллиативной медицины являются улучшение качества жизни и облегчение боли неизлечимо больных. Возможность со-

причастности христианина к данному нравственному явлению с православной точки зрения значима не только для облегчения страданий субъекта умирания, но и для всех третьих лиц, получивших возможность реализовать христианское чувство у постели больного. Особый смысл подобное деятельное участие обретает в словах Христа: «...истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» [5, с. 1137] (Мф.25:40). Одновременно с этим подход к паллиативной помощи в оптике христианского мировоззрения становится не только чем-то тягостным, но и озаренным радостным предвкушением отправления субъекта умирания «в путь всей земли» [5, с. 366] (3Цар.2:2). Третьим лицам, участвующим в оказании паллиативной помощи, «имеющим несомненную веру в воскресение из мертвых не свойственно скорбеть об усопших» [11, с. 71]. Данная установка облегчает не только психологическую атмосферу у постели больного, но и способствует сохранению цельности ментального здоровья медицинских работников. Исключение составляет однозначная недопустимость методик и «препаратов», имеющих в основании различного рода оккультные доктрины. Следует отметить, что паллиативная помощь детям является самостоятельной областью медицины, отличающейся от паллиатива для взрослых пациентов [10, с. 54].

Паллиативная медицина как отдельная область практики сформировалась на рубеже XIX–XX веков. Предтечей паллиативной медицины в практике русского православия справедливо можно назвать богадельни, перешедшие на Русь из Византии в процессе христианизации Древнерусского государства. Позднее тема «призрения умирающих» была отражена в деяниях Стоглавого Собора 1551 года. Зародившееся в 1840-х годах движение сестер милосердия заложило фундамент для основания Марфо-Мариинской обители в начале XX века как прецедента полноценного духовно-медицинского центра паллиативной помощи.

В настоящее время также функционируют православные медицинские центры, продолжающие традицию синтеза духовного и медицинского сопровождения пациентов. Например, синодальному отделу по церковной благотворительности и социальному служению подчинена Центральная клиническая больница Московского Патриархата свт. Алексия [34], в котором функционирует стационарное отделение паллиативной медицинской помощи. Важно отметить, что не только централизованный опыт оказания данного вида медицинской помощи присутствует в деятельности современной русской церкви, но и опыт многих клириков, монашествующих и мирян свидетельствует о частных примерах духовно-медицинского паллиативного сопровождения умирающих. Например, отец Сергей Бакланов, окормляющий паллиативное отделение онкологического центра в Уфе [7]; Елизавета Глинка, публично позиционировавшая свою воцер-

ковленность, реализовала ряд крупных благотворительных проектов, в том числе и в области паллиативной медицины [30].

Вопрос о принятии или непринятии медикаментов в различных целях, включая обезболивание, не имеет каких-то обязывающих доктринальных рекомендаций, но в конкретных случаях пациент или его близкие могут в соответствии со своими убеждениями обратиться к священнику для получения персонального пастырского мнения. Интересно, что в католической традиции, в соответствии с учением Папы Пия XII, допустимо «использование обезболивающих средств даже тогда, когда оно чревато риском сокращения жизни, при условии, что нет другого средства для облегчения страдания» [31, с. 362].

Жизнь как дар Божий: отношение Церкви к эвтаназии

Тема паллиативной помощи неизменно связана с другой биоэтической проблемой – эвтаназией, представляющей «сознательное действие, приводящее к смерти безнадежно больного и страдающего человека» [33, с. 230]. Заключенное в наименование указанной медицинской практики понятие о благой смерти в христианской оптике является буквально насмешкой над содержимым данного концепта. Эвтаназия в некотором смысле представляет собой ответ цивилизации на процессы позитивной евгеники. В логику тенденции медиализации общества идеально вплетается не только мысль об управлении жизнью с помощью медицинских средств, но и управление смертью. Ключом к пониманию христианской позиции относительно эвтаназии следует рассматривать тезис о «смерти как стадии жизни».

В текстах Библии отсутствует прямое осуждение добровольного ухода из жизни (суицида), но одновременно с этим общий контекст повествования показывает его недопустимость [12, с. 31]. Например, осуждение самоубийства Иуды, отказ от хуления Бога праведным Иовом (в контексте Ветхого Завета богохульство и смерть являются взаимобратимыми понятиями). Интересно, что в истории Церкви были прецеденты канонизированных святых, покончивших собой, но совершивших это из благочестивой мотивации. Например, святая мученица Пелагия Антиохийская, святая благоверная княгиня Евпраксия Рязанская, лишившие себя жизни, желая не допустить поругания женской непорочности. Отсюда следует, что в данном вопросе важен не только факт добровольного ухода из жизни, но и внутренняя мотивация субъекта.

В православной традиции однозначно осуждается любая форма эвтаназии как вид «убийства или самоубийства, в зависимости от того, принимает ли в ней участие пациент» [25, с. 143]. Позиция католической церкви аналогична – эвтаназия, «будучи намеренным и нравственно не-

приемлемым убийством человеческой личности, является грубым попранием Закона Божия» [19]. Большинство протестантских церквей и деноминаций также разделяют данную точку зрения [1, с. 198]. Подобное медицинское вмешательство с христианских позиций не только не содействует исполнению Божьего замысла о человеке, но и представляет собой вторжение в сердцевину священного дара жизни, не оставляя место Божественному Промыслу. Как указано выше, православные христиане могут просить Бога о прекращении страданий и скором преставлении субъекта умирания.

Одновременно с этим церковь допускает добровольный отказ пациента от жизнеподдерживающей терапии, за которым может последовать смерть пациента. В подтверждение позволительности этой практики приведем два примера: из жизни прославленного святого и почитаемого подвижника. Житие святого преподобного Серафима Саровского описывает, как он в 1780 году тяжело заболел и, не имея четкого диагноза, был прикован к постели в течение продолжительного времени. Когда игумен предложил пригласить к подвижнику врача, то получил следующий ответ: «Я предал себя, отче святой, Истинному Врачу душ и телес, Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери; если же любовь ваша рассудит, снабдите меня, убогого, Господа ради, небесным врачевством – причастием Святых Тайн» [32, с. 9–10].

Впоследствии он выздоровел, но данный пример по внутренней мотивации преподобного Серафима в контексте неопределенности болезни наглядно иллюстрирует подтверждаемый тезис. В качестве второго примера приведем описание последних дней жизни насельника Псково-Печерского монастыря второй половины XX века – архимандрита Нафанаила (Поспелова). Он уговорил наместника обители отказаться от постановки ему сердечного стимулятора, аргументируя это словами: «...душа хочет отойти к Богу, а какая-то маленькая электрическая штучка насильно запикивает ее обратно в тело! Дайте душе моей отойти в свой час!» [35, с. 95]. Вышесказанное уместно резюмировать словами из упомянутого документа Константинопольского патриархата, в котором отмечено, что «для умирающего вполне допустимо отказаться от экстраординарных медицинских методов лечения и искусственных технологий, надолго продлевающих жизнь тела после того, как оно естественным образом разлучилось бы с духом» [14].

В контексте изложенного важно подчеркнуть, что «казус Квинлен», легший в основу биоэтики в оптике христианства, не имеет однозначного решения. Напомним, что в указанном кейсе у девушки была зафиксирована гибель мозга, а вегетативное существование продолжалось исключительно за счет работы медицинской аппаратуры. Родители настаивали на